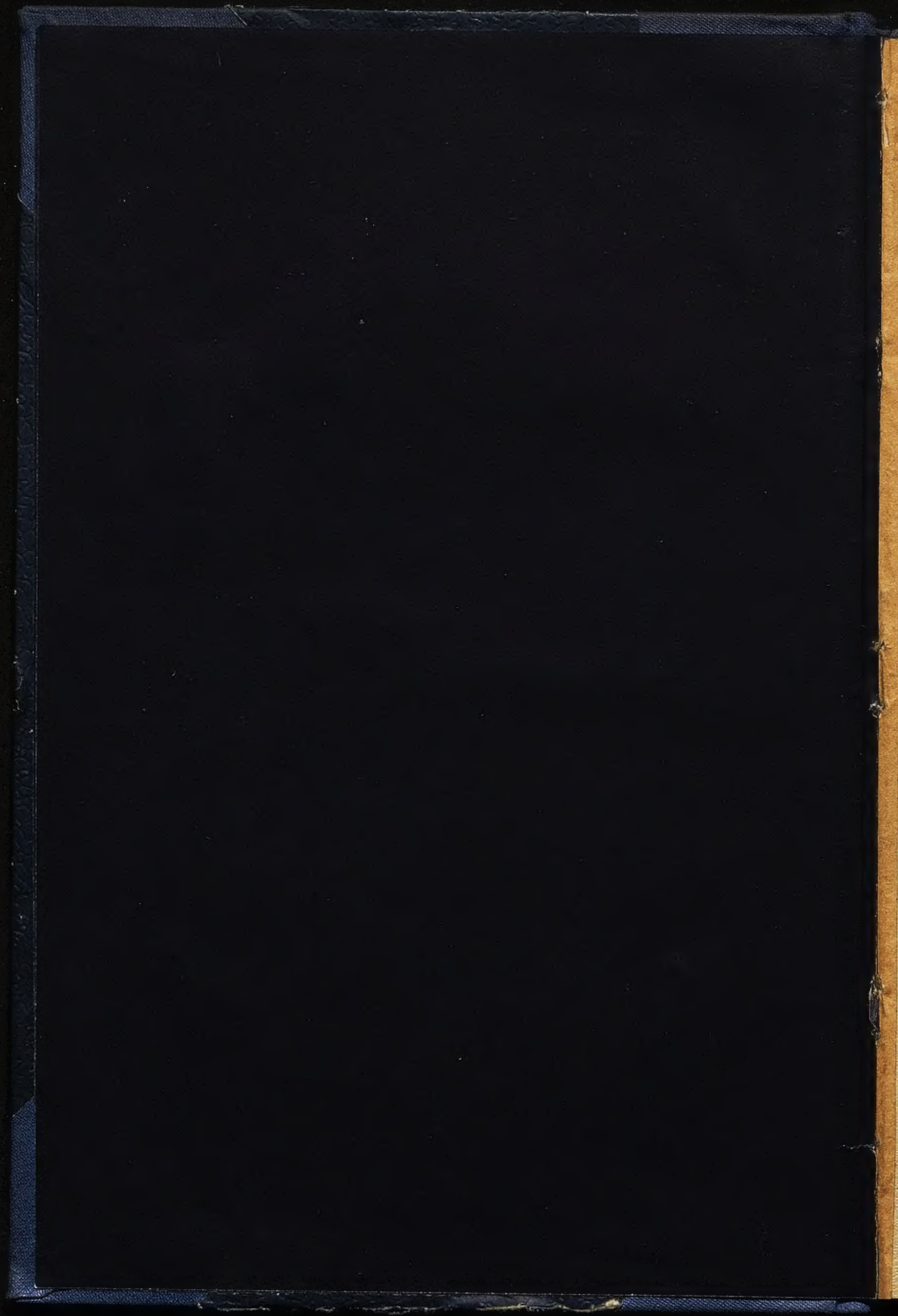
Киевский
АРСЕНАЛ
В Пролетарской
РЕВ.









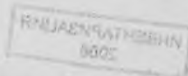
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



Киевский Арсенал в пролетарской революции

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ

ЛЕНИНСКИЙ РАЙОННЫЙ КОМИТЕТ К.П.(б.)У.
КОМИССИЯ ИСТПАРТА



КИЕВСКИЙ АРСЕНАЛ В ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ





ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ
1928





З друкарні-літографії
Державного Видавництва
України—УАН.

Київ ський окрліт. № 110. 1928.
Зам. № 690 - 3.000

Памяти

рабочих и солдат,
героически
защищавших
крепость
пролетарской
революции—Арсенал.

Памяти борцов
за власть Советов
в Киеве,
павших в незабываемые
Октябрьские и Январские дни
1917—1918 г.г.

посвящает
этот сборник
Ленинский Районный Комитет
К. П. (б.) У.

КИЕВСКИМ АРСЕНАЛЬЦАМ
В ДЕСЯТУЮ ГОДОВЩИНУ ИХ ГЕРОЙСКОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ.

Дорогие товарищи!

Исторические условия сложились так, что Киевскому пролетариату пришлось пройти особенно страдный путь к победе над буржуазиею. Классовая борьба киевских рабочих усложнялась еще и национальными взаимоотношениями.

Киев был и гнездом русского черносотенства, и центром украинской националистической мелкой буржуазии.

В 1917 г. против нас тут было два фронта: великодержавная российская керенщина, знаменовавшая собою власть капиталистов — Терещенко и Рябушинских, при поддержке социал-соглашательства, и украинская Центральная Рада, опиравшаяся на силы сельского кулачества.

При таких условиях партия большевиков призывала рабочих всего города к борьбе на обоих фронтах.

Киевские рабочие быстро уяснили себе свою класовую роль и под руководством своей партии дружно пошли в бой против своего классового врага.

Арсенал был первым заводом Киева, который в незабываемые январские дни 1918 г. стал под знамя большевизма единой четырехтысячной массой, дружно спаянной боевой энергиею классового сознания и революционною волею к победе. Вслед за вами, товарищи-арсенальцы, вышли другие фаланги киевского пролетариата.

Вы приняли на себе удары главных сил врага. Целую неделю изнемогали вы в геройских боях, сотни революционных рабочих сложили свои головы *за великое пролетарское дело.*

В этих первых боях Арсенал пал! Но своим сознательным выступлением и геройскою борьбою до последнего снаряда и патрона, Арсенал подготовил рабочих всего города к позднейшей победе Советской власти в Киеве.

Кров, пролитая геройскими арсенальцами за дело освобождения труда из-под ига капитала, не пропала даром.

Киевский пролетариат победил, и красное знамя коммунизма десятый год величественно развевается, знаменуя победу пролетариата и его победоносное социалистическое строительство.

Вы были первыми среди киевского пролетариата, ставшими под знамя коммунизма, и первыми пошли в бой за Советскую власть.

Вы будете и тепер одними из первых среди стойких, неутомимых строителей социалистического хозяйства.

В 10-ую годовщину вашего геройского выступления за рабочую власть Киевский Окружной Комитет КП(б)У., склоняя голову перед памятью погибших борцов, приветствует в вашем лице передовой отряд Великой Армии Коммунизма.

Да здравствует Коммунистическая Революция!

Да здравствует Советская Украина в Великом Союзе Советских Социалистических Республик!

Да здравствуют Красные Арсенальцы!

Вечная память борцам, отдавшим свою жизнь за освобождение пролетариата!

Киевский Окрпарком КП(б)У.

Ленинский Райпарком КП(б)У.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий сборник посвящен истории борьбы рабочих Арсенала за власть Советов в Киеве.

В этой борьбе арсенальцам выпала почетная, но и трудная роль авангарда в киевском отряде великой пролетарской армии.

Когда после февральской революции центральные верхушечные организации нового строя оказались захваченными мелкобуржуазными политическими группировками, партия большевиков аппелировала непосредственно к рабочим массам, повела раз'яснительную агитационную работу на предприятиях, и Арсенал был первым и наилучшим результатом этой работы,—первым заводом Киева, вставшим всей своей четырехтысячной громадой под знамя большевизма.

1-го Мая и во время демонстрации 18 июня Арсенал первым открывает колонну большевиков; в августе бросает работу в знак протеста против контр-революционного московского государственного совещания и требует вооружения рабочих; в сентябре, при перевыборах в Совет Рабочих Депутатов, Арсенал посылает туда 12 делегатов—исключительно большевиков; в октябре рабочие выносят резолюцию о вооруженном восстании.

Все выступления Арсенала в 1917 году окружены борьбой, которая кипит и внутри, и вне арсенальских стен.

Внутри Арсенала—борьба с администрацией, опирающейся на штаб военного округа, с мелко-буржуазными настроениями части рабочих, грозящими разбить единство пролетарской твердыни. За стенами Арсенала—жгучая ненависть городской буржуазии, «дикие крики озлобления» против большевистского завода всех врагов рабочего класса. Но чем больше бесились враги, тем больше сплачивались ряды арсенальцев, тем крепче сжимали они в руках знамя Советов.

В октябре арсенальцы первыми бросились в бой с белогвардейцами, превратили завод в красную крепость, грудью встречали атаки войск временного правительства, организованных по всем правилам военной техники и... победили.

Но за спиной великодержавной российской буржуазии готовила борьбу против социалистической революции мелко-буржуазная украинская Центральная Рада, опиравшаяся на силы деревенского кулачья. От безуспешных попыток утвердить свое влияние на заводе до бандитских налетов на Арсенал «вільного

козацтва» с целью разоружить рабочих, попортить машины, отнять заработок, увезти уголь, уничтожить страшный рабочий коллектив, очаг пролетарской революции в Киеве,—такова тактика Центральной Рады в отношении Арсенала, приведшая к январскому восстанию 1918 года.

Заводу пришлось вести бой с буржуазией в исключительно трудной обстановке, при решительном перевесе сил противника.

Опять, как и в октябре, Арсенал сделался центром восстания в городе, принял на себя главные силы врагов и после недели героических боев, отважных вылазок и жарких схваток, в которых погибли сотни революционных рабочих, Арсенал пал под натиском целой петлюровской армии, расстреляв предварительно все снаряды и патроны, подготовив восстанием своим и рабочих всего города торжество Советской власти в Киеве.

Таков революционный путь, пройденный Арсеналом в 1917 — 1919 годах.

* * *

К десятой годовщине январского восстания Ленинский райком КП(б)У выпускает настоящий сборник, содержащий очерк революционного движения на заводе, воспоминания участников и мемориальный лист о погибших в борьбе. Районный Комитет прекрасно сознает, что настоящий сборник имеет много недостатков. Но они в значительной степени об'ясняются очень недостаточным количеством документальных материалов, отражающих героическое прошлое завода. В силу этих причин целый ряд глав очерка революционного движения в Арсенале, в период как до, так и после 1917 г., очень неполны и содержат много пробелов. Особенно чувствовался этот недостаток материалов при освещении работы большевистской ячейки Арсенала в 1917 году. Здесь, за исключением двух-трех резолюций, какие удалось разыскать на страницах газет, пришлось опираться исключительно на воспоминания участников, не отличающиеся, понятно, ни особой точностью, ни, тем более, полнотой. Некоторая беглость обзора положения Арсенала при царизме об'ясняется, помимо указанной причины, также и тем, *что эта глава носит лишь вводный характер,* имея своей целью набросать общие контуры этого периода.

Недостаточная подробность в описании хода арсенальских восстаний в очерке допущена сознательно, так как ее дополняют помещаемые в этом же сборнике воспоминания участников.

Кроме того, очерк не претендует быть ни чем иным, как только наметкой вех революционного движения завода, оставляя в будущем место для более полного и научного исследования.

При всем этом сборник является одной из первых попыток систематизировать материал, касающийся участия в револю-

ционном движении и пролетарской революции рабочих *отдельного предприятия.* Эта работа только еще начинается, в подобных начинаниях неизбежны промахи и недочеты, какие комиссия Истпарта прекрасно сознает.

Материал сборника был зачитан на двух собраниях участников революционных событий в Арсенале.

Часть публикуемых воспоминаний собрана партийной ячейкой завода. Фотографии взяты из коллекций Киевского Музея Революции.

Пусть этот сборник воскресит в памяти участников пролетарской революции один из ее славных этапов и послужит рабочему молодняку руководством в борьбе за дальнейшие победы диктатуры пролетариата.

ЛЕНИНСКИЙ РАЙОННЫЙ КОМИТЕТ К.П.(б.)У.
КОМИССИЯ ИСТПАРТА.

ВЛАДИМИР ФАВОРСКИЙ.

КИЕВСКИЙ АРСЕНАЛ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ [1]).

Глава I.

АРСЕНАЛ ПРИ ЦАРИЗМЕ [1]).

Первые известные нам страницы революционного движения в Арсенале относятся к 80-м годам и связаны с деятельностью Южного Рабочего Союза, основанного в 1880 г. в Киеве чернопередельцами Ковальской и Щедриным.

Условия, в которых жили арсенальцы 80-х г.г., были такими же, в каких всегда живут рабочие при «первом расцвете» промышленного капитализма. Об этих условиях довольно подробно говорят прокламации Южного Рабочего Союза, обращенные к рабочим Арсенала, и им надо верить, потому что из воспоминаний Ковальской мы знаем, кем и как они составлялись. «Арсенальные про-

---

[1]) Источниками для составления настоящего очерка истории революционного движения послужили:

1) Секретные дела за 1890 — 1917 г.г. архива заводоуправления Киевского местного Арсенала.

2) Хроника 1917 г. Киевского Истпарта.

3) Киевская печать 1917 — 1918 г.г. (газеты: «Голос Социал-Демократа», «Пролетарская Мысль», «Киевская Мысль», «Нова Рада» и др.).

4) Стенограммы вечеров воспоминаний участников революционного движения разных периодов, проведенные за период 1923 — 1927 г.г. Киевским Истпартом, хранящиеся в настоящее время в его архиве.

5) Воспоминания отдельных участников революционных событий на заводе (архив Киевского Истпарта), часть которых печатается в настоящем сборнике, часть издана отдельно к 10-летию Октябрьской революции, часть напечатана в «Летописи Революции» за 1923 — 1926 г.г.

Последние два источника использованы нами, как дополнительный материал. *В. Ф.*

кламации — свидетельствует Е. Н. Ковальская — писались нами сообща с рабочими, вошедшими в центральный кружок Ю.-Р. Р. Союза, при чем мы только помогали формулировать их мысли, стараясь оставлять их собственные выражения, не сглаживая шероховатостей стиля, чтобы начальству Арсенала и самими рабочим видно было, что это писано рабочими» [1]).

В 1879 году рабочий день в Арсенале длился 12 часов. «Прежде работа продолжалась 10 часов, — говорится в прокламации, — но затем, на время войны только, как об'явило начальство, было прибавлено еще два часа работы; несмотря на то, что война уже давно окончилась и рабочие просили начальство сбавить два часа работы, последнее не только не исполнило этой просьбы, но даже сбавило плату с каждой вещи». В 1880 г. практиковались постоянные сверхурочные после 5 ч. дня без какой-либо оплаты за добавочную работу.

Часто происходили увольнения рабочих без расчета, при отсутствии к тому всякой резонной причины.

Опоздавшего на несколько минут на работу не впускали в мастерскую, почему у рабочего пропадало полдня заработка.

Инструмент выдавался держаный, а иногда совсем негодный. «Испорченных инструментов для ремонтировки не принимают, а заставляют или покупать за свой счет, или делать, что при штучной работе сильно уменьшает заработок», говорит прокламация. Было заведено, чтобы, расчитываясь, рабочий покупал новый инструмент.

По окончании работы мастеровые подвергались обыску при выходе из мастерской; дежурные, находя при обыске щепки, ругались и били рабочих; «выход с работ по причине этого продолжался до часу».

При выдаче зарплаты рабочего обязательно обсчитывали. Старший мастер кузнечного цеха штабс-капитан Корчагин во время выплаты жалованья насильно удерживал с каждого молотобойца в свою пользу по двадцати копеек.

Заведующий слесарной мастерской штабс-капитан Прохоров «самым нахальным образом грабил рабочих; делал это он так: составляя требовательную ведомость, он ставил в ней действительные, запродажные цены, в книжках же мастеровых — цену,

---

[1]) Е. Н. Ковальская. «Южно-Русский Рабочий Союз» в сб. Центроархива.

значительно меньшую против условленной, которую и выдавал при расчете. Разность же между условленной и выданной ценой он вносил в книжку подмастерья, как бы в прибавку к его заработку, но на самом деле брал себе».

Но во всей этой системе грабежа зарплаты самым ненавистным для рабочего был штраф.

«Штрафы налагались совершенно произвольно от 50 коп. до 3 руб., так что каждый день бывало средним числом пять человек штрафованных».

В Арсенале штрафовали рабочего, который, утомившись, останавливался на минуту во время работы; штрафовали за каждое слово, сказанное рабочим в свое оправдание против неосновательных придирок администрации, штрафовали за малейшее опоздание, за завтрак до обеда, за жалобу на начальство. На штрафах начальник мастерских наживался, а рабочие до того разорялись, что однажды был случай, когда рабочему осталось 1 р. 30 к. на целый месяц, а другому в клепальной мастерской — совсем не осталось заработка.

Начальник мастерских управлял своими «белыми рабами» при помощи подмастерьев, которые, кроме прямой своей работы квалифицированных рабочих-мастеров, выполняли шпионские обязанности, наблюдая и донося начальству, что делает, говорит и думает рабочий о себе, своей работе и своем начальстве. За доносы подмастерья получали награду—штрафные деньги, что поощряло шпионов к ложным доносам и культивировало «бесчеловечное отношение» к рабочей массе.

Промышленный кризис 80-х годов, после усиленных военных заказов 1878—79 г.г. (во время войны с Турцией), давал возможность «так прижимать арсенальских рабочих, как никогда раньше».

Плата за сборку лафетов с 80-ти руб. снизилась до 44 руб. Кузнец с 49 руб. с'ехал на 36 в месяц, с вычетом из последних еще 17 р. одному молотобойцу (до того молотобойцы получали зарплату от казны, теперь кузнецам пришлось их принять на свой счет).

Если к этому добавить несмолкаемую ругань технического персонала, то жизнь арсенальной мастерской в 80-х г.г. прошлого века будет обрисована этими фактами с достаточной яркостью и полнотой.

Среди арсенальских администраторов того времени оставил о себе вечную память методами «плантаторского» управления

заведующий мастерскими полковник Коробков. На просьбу рабочего о прибавке он обыкновенно совал в лицо кукиш и кричал: «А это не хочешь, пьяница, лентяй, убирайся к чорту!». Иногда за один плохой винт он разбивал молотком всю работу мастерового, заставляя вновь ее переделывать, при чем, конечно, не платил за побитую. Коробков, не ограничиваясь руганью, допускал всевозможные оскорбления и даже бил рабочих. Можно себе представить, как широко пользовался он штрафами.

Арсенальный рабочий нередко не знал, сколько он получит, даже и кончив работу, так как штрафы сыпались за всякую оплошность и предусмотреть их не было никакой возможности. Что было делать рабочему-арсенальцу под сапогом своего хозяина, который соединил в своем лице жестокость нарождавшегося капитала и романовской военщины?

Недовольство рабочего 80-х годов, выросшего и жившего в новокрепостных условиях, не знавшего массовой организации, не испытавшего силы массового движения и потому не пришедшего еще к мысли о рабочей революции и к мысли о возможности овладения производством,—это недовольство нашло в Киеве выход и удовлетворение в пропаганде Южного Рабочего Союза,—анархической народнической группы, средством борьбы которой с капиталом был провозглашен фабричный террор.

В то время, как в Арсенале началось самостоятельное брожение среди рабочих на почве всяких притеснений, железнодорожники свели руководителей Союза Щедрина и Ковальскую со своими приятелями в Арсенале. Там почва оказалась наиболее благоприятной. Рабочие были развитые, интересовались газетами, политикой [1]). «Наши знакомства ширились», пишет Ковальская; «довольно скоро мы, наметив пять человек из Арсенала, показавшихся нам более подходящими, присоединив к ним трех молодых железнодорожников, устроили маленькое собрание, на котором развили нашу программу в общих чертах». Эта арсенальская пятерка вошла в Центральный Комитет Союза, принадлежала к его руководителям и основателям. Ковальская не сохранила в памяти имен членов этой пятерки. Л. Геккер, активный член Ю.-Р. Р. С., называет одного из них: «Особенную важность,—говорит он [2]),—представляли рабочие кружки в больших мастерских, как вокзальные

[1]) Е. Н. Ковальская. «Южно-Рус. Раб. Союз».

[2]) Л. Геккер. «Наша юность». Журн. «Заветы», № 7 за 1913 г.

и арсенальные, где рабочие были людьми развитыми и сознательными, к тому же об'единенными крупными профессиональными интересами. Среди этих рабочих были выдающиеся личности, имевшие за собою многолетний революционный опыт. Таким был арсенальский рабочий Александр,—фамилии его я не помню,—который выделялся даже среди избранных товарищей своим необыкновенно серьезным отношением к рабочему движению, беззаветной преданностью ему и неистощимостью энергии».

Однако в политическом отношении рабочие были развиты слабо. Были среди них верующие христиане. Только постепенно «наши рабочие перестали различать людей других национальностей от русских», пишет Е. Н. Ковальская.

Ю.-Р. Р. Союз сосредочил свое внимание на организации фабричных и заводских рабочих Киева и других южных городов (Л. Геккер).

Союз решил начать работу, согласно выработанной программе и тактике, с Арсенала. На первых же собраниях единогласно решили напечатать прокламацию с требованиями рабочих и с угрозой казни начальника Арсенала в случае их невыполнения. Прокламации были посланы начальнику Арсенала, расклеены в самом Арсенале, на стенах домов в Киеве и разосланы по другим городам, с которыми у Союза были связи.

В ответ на третью прокламацию, начальник Арсенала удовлетворил некоторые требования рабочих: рабочий день был уменшен на два часа и увеличено время на опоздание.

Успех арсенальских прокламаций вызвал огромный прилив рабочих в Союз. В Киеве к нему примкнуло до 700 челов. рабочих.

Сходки происходили в Байковой роще и на Трухановом острове, вечером и ночью.

В конце 1880 г. Щедрин и Ковальская были арестованы и деятельность Союза под влиянием новых руководителей приняла ярко-народнический характер, сосредоточившись на крестьянстве.

Наступили 90-е годы, годы экономического под'ема и массового рабочего движения. Его волны докатились и до Арсенала.

Жандармское управление констатировало «усиленную агитацию среди рабочих» и приняло свои меры. Пристав Печерского полицейского участка обратился к начальнику Арсенала с отношением: «о доставлении в управление участка списков рабочих, работающих в Арсенале, по прилагаемой форме». В последней

необходимо было указать «звание, фамилию, имя, отчество, обязанности и местожительство каждого мастерового». Главное артиллерийское управление, по приказанию военного министра, предложило «немедленно доставить полиции просимые списки» [1]). Весь Арсенал таким образом попал под надзор полиции.

Так была начата в Арсенале борьба с революцией, которой там еще не было. Это был первый способ борьбы. Второй способ состоял в религиозной пропаганде. Артиллерийское управление (в отношении от 14 июня 1899 г. № 211) рекомендует начальнику Арсенала допустить в Арсенал «сотрудника о-ва распространения св. писания в России» [2]). В дальнейшем эта рекомендация повторяется не один раз. Под попечительным оком полиции и духовенства Арсенал вступает в следующее столетие.

Но, несмотря на эти меры, арсенальцы 90-х—900-х годов, как и рабочие-восьмидесятники, тянутся в рабочие кружки, принимают участие в революционном движении и некоторые из них являются членами киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

В нашем распоряжении очень мало документов, чтобы охарактеризовать Арсенал к началу XX в., в «годы подготовки революции».

Арсенал к концу рассматриваемого периода был крупным металлургическим военным заводом. На 1 января 1904 года в нем работало 758 рабочих.

По цехам эти 758 челов. распределялись следующим образом:

Всего рабочих.	В том числе					
	В слесарной мастерской.	В деревянной мастерской.	В клепальной мастерской.	В кузнечной мастерской.	В механической мастерской.	Валовых рабочих.
758	175	158	136	132	65	80

Итак в Арсенале в это время насчитывалось около 500 челов. квалифицированных металлистов, являвшихся авангардом рабочего движения в эпоху 1-й революции. Несмотря на это, целый ряд

[1]) Секретное дело Киевского Арсенала, № 8, 1898—1907 г.г., л.л. 1 и 3.

[2]) Секр. дело Киевск. Арсенала, № 8, 1898—1907 г., л. 192.

причин препятствовал Арсеналу стать в этот период во главе революционного движения киевских рабочих.

Арсенал был военным заводом. Администрация его была сплошь военная. В 1906 г. она блистала, например, такими чинами: 1 генерал-майор, 6 полковников, 1 подполковник, 2 капитана, 3 обер-офицера, 19 военных классных чиновников и т. д. Режим на заводе был военный. На работу принимались рабочие только после тщательной проверки их «политической благонадежности».

Администрация при найме мастеровых старалась, насколько возможно, подбирать людей пожилых, зажиточных и набожных.

Результаты такого подбора не замедлили сказаться. «Дома имеют у нас многие мастеровые, — читаем мы в рапорте начальника одной из арсенальских мастерских, датированном 1901 годом, — а иконные магазины, находящиеся по дороге в Лавру, очень многие принадлежат мастеровым, торгуют в них жены рабочих»[1].

Рабочей массе Арсенала жилось далеко не сладко.

Правда, арсенальские ставки были несколько выше, чем на многих киевских заводах. Из рапорта начальника сборной мастерской в августе 1903 г. можно заключить, что средний поденный заработок в этой мастерской равнялся двум рублям[2].

Этот факт мог, до известной степени, питать среди части рабочих тред-юнионистские, зубатовские и непротивленческие настроения.

Однако, эти материальные выгоды, если к ним присмотреться, были не так уж значительны.

Рабочий не был гарантирован месячным заработком. В случае порчи и ремонта станка он оставался без заработка. Один рабочий просил о том, чтобы ему «что-нибудь» выписали за время ремонта станка (около 7 — 10 дней). «Удовлетворить последнюю

[1]) Секр. дело Киевск. Арсенала, № 11, 1901 г., л. 33.

[2]) Начальник сборочной пишет: «при даче работы мной было об'явлено' что если при окончании наряда выяснится, что при новой расценке заработок останется при прежней цене и вообще будет ниже 2 р. в день, то я им добавлю не больше, как до прежней цены». Ниже приводим список №№ мастеровых сборщиков, работавших в течение 1-й половины 1903 г., главным образом на сборке, с их средним поденным заработком: № 2 — 2 р. 07 коп., № 17 — 2 р. 40 коп., № 18 — 2 р. 71 коп., № 19 — 2 р. 83 коп., № 20 — 3 р. 01 коп., № 35 — 2 р. 40 коп., № 38 — 1 р. 66 коп., № 69 — 3 р. 10 коп., № 81 — 2 р. 67 к., № 106 — 3 р. 20 коп., № 110 — 3 р. 40 коп. (секр. дело Киевск. Арсенала, № 16, [illegible]—6 г. г., л. 14).

просьбу не находил бы возможным, — отвечает по этому поводу начальник мастерской (август 1903 г.),—так как слесарная мастерская не имеет средств оплачивать мастеровых, не работающих во время продолжительного ремонта станка »[1]).

О положении рабочих Арсенала этого периода красноречиво говорят анонимные жалобы, которые являлись одной из первичных робких форм протеста рабочих.

В мае 1901 г. главное артиллерийское управление препроводило в Арсенал «для об'яснения и заключения» две анонимных жалобы мастеровых киевского Арсенала на «несправедливости» со стороны начальника и старших подмастерьев слесарной мастерской [2]). В декабре того же года в главное артиллерийское управление поступила жалоба пяти мастеровых кузнечной и клепальной мастерской на обсчеты их со стороны подмастерьев Новицкого (кузнечная мастерская) и Польдера (клепальная маст.), которых рабочие просили удалить из Арсенала.

Одна из жалоб рабочих указывает, что подмастерья, от которых зависело назначение и приемка работ, берут «хабары» с рабочих по 2 р. ежемесячно и 15 руб. единовременно. Кроме засилья подмастерьев, которые, очевидно, и в начале XX века продолжали культивировать традиции 80-х годов (может быть, только несколько изменяя приемы грабежа рабочих), жалобы отмечали также случаи, когда мастеровые по 2 месяца работали без жалованья. Результат писем рабочих был всегда один. Расследование поручалось арсенальскому начальству, на которое поступала жалоба, а последнее, конечно, находило требования рабочих «необоснованными», рабочие же в новых посланиях начальству писали, что «мастеровым заработка хватает только на хлеб и воду» [3]).

Жалобы арсенальцев упирались в тупик. Рабочие в 1903 году пытаются найти выход в том, с чего начали питерские рабочие в январе 1905 года: они обращаются с прошением на имя царя.

В этом прошении, среди фраз, выражающих верноподданнические чувства, выделяются те его места, где проступает жизнь рабочего со всеми его тяготами, горестями и эксплоатацией. «...Насколько начальники наши деспоты, угнетают нас с тем,

---

[1]) Секр. дело Киевск. Арсенала, № 16, 1903 — 6 г. г., л. 15.

[2]) Секр. дело Киевского Арсенала, № 11, 1901 г., л. 28.

[3]) Секр. дело Киевского Арсенала, № 11, 1901 г., л. 33.

чтобы мы даром работали, — читаем мы в прошении [1]), — о чем мы доложили справедливо в главное управление, но там не обратили никакого внимания на наши доносы творившегося зла в Арсенале в руках подмастерьев Подгурского, Найденко и начальника слесарной мастерской. Дело в следующем. Начальник мастерской с участием подмастерьев совсем нас обижают и притесняют, сбавляют цены на работу на невозможные, тем учиняют мошенство в свою пользу, промотали около 9 тысяч; мастеровые этот недочет отрабатывали дурно, о чем имеется дело в местной военной прокуратуре, которое почему-то заглохло благодаря капитану Гречко, который допрашивал в стенах Арсенала людей и повернул это дело в пользу начальника-мошенника, тогда как он должен был по закону допрашивать в своей камере по совести и вывести это зло с тщательной проверкой всех книжек расчетных за 3 года. Он этого не сделал, ибо каждый из нас в стенах Арсенала боялся сущую правду сказать, чтобы не быть расчитанным, дабы не лишиться куска хлеба.

На основании вышесказанного просим приказать: возобновить дело мошенства на 9 тысяч растраты и улучшить нам быт пенсионной кассой на правах железных дорог, восьмичасовым рабочим днем, восстановлением прежних цен на работы и других привиллегий, ибо мы ни в чем не пользуемся такими правами, как железнодорожные рабочие. Уполномоченный мастеровых И. Ивановъ» [2]).

Наличие в этом прошении требования о 8-мичасовом рабочем дне было уже серьезным шагом вперед, доказывающим, что мимо Арсенала не прошли сдвиги 1902—3 годов, что сказывалась уже агитация социал-демократии.

Лучшим доказательством этому было участие рабочих Арсенала [3]) во всеобщей киевской стачке в июле 1903 г.

Оформившиеся к этому времени требования рабочих-арсенальцев к администрации совпадали с требованиями, выставленными во время стачки киевским комитетом Р.С-Д.Р.П. (8-ми часовый рабочий день, увеличение расценок, полная поденная плата, удаление некоторых чинов администрации и т. д.). Этим можно

---

[1]) Сохраняем стиль оригинала. *В. Ф.*

[2]) Секр. дело Киевск. Арсенала, № 16, 1903—6 г.г., л. 4.

[3]) Секр. дело № 16, 1903—6 гг., л. 1, 2, 4.

об'яснить тот факт, что лозунги стачки нашли в Арсенале живой отклик.

С 22 по 27 июля арсенальцы к работам не приступали, сплоченно и солидарно выступая в этой первой битве, предвещавшей недалекую уже бурю революции 1905 г.

После июльской стачки арсенальцы приступили к работам почти на прежних условиях. Зарплата была увеличена лишь частично для небольшой части рабочих, рабочий день уменьшен всего на 1 час. Поэтому уже через месяц после стачки снова в Арсенале возникает целый ряд конфликтов, которые порой выливаются в разрозненные полуанархические выступления (избиение мастеров и т. д.).

Ежедневные факты «угнетения, рабства, унижения, эксплоатации» вели теперь не только к росту «возмущения» рабочих, но и «к революционному проявлению этого возмущения», к победе организованности над стихийностью. Социал-демократия успешно работала над тем, чтобы «расширить и укрепить принципиально выдержанное и всесторонне революционное (соц.-демократическое) воздействие на рабочие массы» [1]).

Уже во второй половине 1903 года мы видим постоянную связь между Арсеналом и киевским комитетом Р.С.-Д.Р.П.

Революционная работа в Арсенале соединена была с большими трудностями. Кроме жандармского управления и полицейского участка за арсенальскими рабочими следило и военное начальство.

В 1903 году штаб киевского военного округа прислал в Арсенал подробную инструкцию, в которой предлагалось внимательно относиться к обнаруженной нелегальной литературе, сейчас же сообщать об этом для дознания в жандармское управление и одновременно доносить военному начальству, вменить в обязанность всем служащим представлять находимую литературу, охранять все входы и выходы дневальными. Инструкция описывает различные способы распространения прокламаций и с тревогой отмечает, что «за последнее время наблюдается усиленное стремление со стороны разных революционных групп к организации противоправительственной пропаганды» [2]).

---

[1]) В. И. Ленин. «Новые события и старые вопросы».

[2]) Секр. дело Киевск. Арсенала, № 115, 1902—6 г.г., л. 61.

К 1905 году в Арсенале была небольшая, но активная социал-демократическая ячейка, находившаяся в непосредственной связи с киевским комитетом Р.С.-Д.Р.П.

Ее деятельность встречала живой отклик среди рабочих. «Прокламации прочитывались по нескольку раз с большим интересом», пишет один из арсенальцев в своих воспоминаниях об этом времени.

«Литературой» заведывал т. Мартынов. Она распространялась, главным образом, в обеденное время, и здесь же в небольших группах происходило чтение.

Распространение литературы было делом трудным, требовало большой смелости и конспирации. «Припоминается,—пишет тов. Драпиев, один из участников с.-д. работы в Арсенале,—как с кучей листков пробираешься в ворота Арсенала, чтобы пройти мало заметным во время открытия цеха, и пока никого еще нет, бежишь вперед в канцелярию, разложишь на столе, а затем в цеху — на верстаках и инструментальных ящиках, зорко следя за присутствующими, как тень перебегая из одного угла в другой, и — когда удается все проделать удачно — бежишь с неимоверным воодушевлением к товарищам Иванову, Шохину или Мартынову и хвалишься, что удалось положить прокламацию даже самому начальнику».

Сильнее всего революционная работа чувствовалась в слесарном и токарном цеху, где работали руководители арсенальского с.-д. кружка Петр Шохин, П. Иванов и Мартынов.

Чем выше вздымались волны революционного прибоя, тем чаще арсенальская ячейка переходила к живой агитации и выступлениям на летучих собраниях, которые все больше прививались в Арсенале.

«Рабочие собирались в кружки,—вспоминает т. Драпиев,— и более всего в уборной, где велись воодушевленные разговоры о политических событиях; работа не клеилась; кто говорил, что из этого ничего не выйдет, наши же т.т. из с.-д. кружка призывали к сплочению и солидарности с другими фабриками и заводами».

При всем том приходится констатировать, что арсенальцы в начале пятого года сильно отставали от темпа развития революционного движения, какой видим в это время на других заводах Киева. Так, мы не встречаем Арсенала в числе участников

январской забастовки протеста против расстрела 9 января, на который откликнулся ряд заводов Киева. Тем не менее, 9-е января произвело в Арсенале сильное впечатление. «Когда случился этот расстрел, — вспоминает т. Мартынов, — то у всех рабочих отпала преданность и всякий патриотизм отошел, начали поговаривать более резко» [1]).

28-го февраля, арсенальцы, не бросая работы, подали администрации петицию об увеличении зарплаты, уменьшении рабочего дня и установлении отпусков.

Требования рабочих успеха не имели. Но политическое значение забастовки было огромно. Хотя работа продолжалась в прежних условиях, но велик был моральный под'ем рабочих, сознание своей силы, готовность к новой борьбе. Это послужило зарядом для дальнейших выступлений киевского пролетариата вообще, и арсенальцев в частности. Осенью события пошли быстрым темпом. В Киеве, начиная с сентября, растет забастовочное движение, которое достигает в ноябре и декабре наивысшей силы.

От забастовок начала года осенние стачки отличались прежде всего большей широтой охвата рабочих масс: в октябрьские дни забастовка была почти всеобщей. 18-го октября вместе с другими бросил работу и Арсенал, приняв участие в открытой уличной манифестации.

После вооруженного разгона октябрьской манифестации и погрома, рабочие Арсенала выступили с протестом по поводу постановления городской думы с выражением благодарности войскам [2]). Инициатива протеста исходила от шорной и столярной мастерских.

25-го октября арсенальцы выработали ряд политических и экономических требований (в числе их было требование амнистии политическим заключенным) и избрали делегатов для пред'явления их властям.

5-го ноября на собрании рабочих Арсенала было решено об'явить 21-го того же месяца забастовку, если требования экономического характера, содержавшиеся в петиции, не будут удовлетворены.

---

[1]) Вечер воспоминаний 15/XI 1925 г.

[2]) Протест напечатан в «Киевских Откликах», № 292 за 1905 г.

Приведенные факты говорят о росте политической активности Арсенала осенью. Если в начале года рабочие не выходили из рамок экономической борьбы, то осенью экономические их требования переплетаются с политическими.

Октябрьские выступления не прошли Арсеналу даром.

Руководящий актив подвергся преследованиям как заводской администрации, так и жандармских властей. Одним из первых был арестован токарь Петр Алексеевич Шохин[1]), а вслед за ним за участие в октябрьской забастовке было уволено, по воспоминаниям т. Мартынова, человек 18—20. Уволенным товарищам арсенальцы собрали 120 рублей.

11-го ноября образовавшийся в Киеве Совет Раб. Деп. обратился ко всем рабочим Киева с призывом об'единиться для борьбы с капиталом и выбрать депутатов в Совет. Арсенал послал в Совет т. т. Шохина и Иванова, которые стали его активными членами.

Выше мы упомянули, что арсенальцы предполагали 21 ноября начать забастовку. Развернувшиеся события не позволили, однако, Арсеналу дождаться назначенного срока. 18 ноября рядом с Арсеналом вспыхнуло саперное восстание, нашедшее в нем живой отклик.

Арсенальская активка бывала на собраниях военной организации Р. С.-Д. Р. П., в которых участвовали киевские саперы. Вот что сообщает об этих собраниях один из участников, арсенальский рабочий т. Рыженков: «По Московской ул. в д. № 31 организовался кружок в 1904 г. Руководил этим кружком студент т. Матвей. Собирались в квартире сапожника. Туда ходили арсенальцы, там были т. т. Гусаков и Секач, потом переплетчик Никита Ермаков (погиб в 1906 г.), Черняк и др. Наш кружок имел большую связь с воинскими частями... Мы имели связь с 6-м и 7-м саперными батальонами... Незадолго до выступления около Лавры было устроено большое собрание, где участвовали 6-й и 7-й саперные и крепостной батальон. Обсуждались вопросы экономического характера, об улучшении положения солдат, о выдаче сахара и т. д. Вскоре после этого совещания у нас в квартире было устроено совещание по поводу выступления сапер. Собралось человек 40. Было три офицера понтонного или саперного батальона. Собрание решило выступить. Наметили план своего выступления: первым долгом думали снять Арсенал, потом понтонный батальон и т. д.»...

---

[1]) 14-го ноября П. Шохин был освобожден. *В. Ф.*

Вполне понятно, что для массового участия арсенальцев в вооруженном восстании в 1905 году не было еще соответствующих предпосылок. Поднять всю массу арсенальских рабочих, отличавшихся еще значительным консерватизмом, было делом нелегким. Поэтому, когда 18-го ноября 1905 г. восставшие саперы подошли к Арсеналу, к ним примкнула только арсенальская активка. Человек 100—150 арсенальцев пошло на Крещатик и Васильковскую ул., сопровождая сапер до Еврейского базара, где демонстранты подверглись обстрелу и были рассеяны.

После подавления восстания началась расправа. Под видом сокращения начальство поспешило отделаться от революционно настроенных рабочих. Шло наступление реакции на рабочих. Аресты и обыски не прекращались. Но вот начался последний большой декабрьский бой с царизмом. 11-го декабря в Киеве остановилась работа торговых учреждений. 12 декабря в Киеве забастовало 26 предприятий, в числе их и Арсенал с 850 чел. рабочих. Однако забастовка не переросла в вооруженное восстание.

После разгрома Шулявки, самого революционного рабочего района, где фактически власть была в руках рабочих, стачка постепенно стала приостанавливаться. Дольше всех держались металлисты. Последовавшим затем дождем репрессий, особенно усилившихся после разгрома Московского восстания, был захлеснут Киевский Совет Рабочих Депутатов, много членов которого было арестовано. В числе их были арестованы (числа 15-го декабря) Шохин и Иванов.

Рабочие, шедшие на работу, видели арест и, придя на завод, потребовали их освобождения. Вместо работы был устроен митинг. Начальнику Арсенала было заявлено, что завод будет стоять, пока арестованные не выйдут на свободу. Начальник Арсенала Мишин два раза ездил по этому поводу к начальнику края. Но оттуда получился отказ и Арсенал забастовал. Стачка длилась три дня.

Когда рабочие пришли на завод, они прочли об'явление, что завод закрыт на неопределенное время. Рабочие получили расчет, при чем из предосторожности администрация выдавала деньги и документы не в стенах Арсенала, а за Арсеналом, где был околодок, очевидно предчувствуя, как это случилось спустя 13 лет, возможность захвата рабочими арсенальских пушек.

Через несколько дней было вывешено новое об'явление, приглашавшее желающих стать на работу. Рабочие пришли,

стали работать. Но недели через две об'явили расчет двадцати рабочим.

Увольнение произошло после дознания, произведенного пом. нач. артилерии киевского округа «по поводу беспорядков в Арсенале», во время которого начальник Арсенала представил «список 22 мастеровых для исключения с работы». «Из этих 22-х пять наиболее виновных, — читаем в рапорте, — были исключены без выдачи не в зачет полумесячной платы, а остальные 17 человек, против которых не имелось очевидных улик и которые только подозревались в агитации, были расчитаны согласно п. 12 положения о вольнонаемных мастеровых с выдачей не в зачет полумесячной платы, по которому предоставлялось право расчитывать всякого рабочего без об'яснения причин» [1]).

Реакция разбушевалась во всю...

Годы реакции памятны арсенальцам тяжелым политическим сыском, мстительной жестокостью «победителей» к рабочим — «пятигодникам», усилиями социал-демократической партии собрать распыленные пролетарские силы.

Рабочие, навлекшие на себя подозрение во время революции, получали волчий билет, теряли возможность найти работу, при чем в роли бдительного сыщика выступала не только полиция, но и военная администрация Арсенала.

Наряду с недопущением на работу «неблагонадежных рабочих» начальство установило систематический сыск за арсенальскими рабочими, вплоть до обыска рабочих сундуков. И горе тому рабочему, который сунул туда прокламацию или нелегальную брошюру. Его ждало увольнение.

Не ограничиваясь этим, военное ведомство выработало целую систему мер борьбы с «политической заразой», которые устанавливали для арсенальских рабочих прямо каторжный режим. В мае 1906 г. в Арсенал из артиллер. управления было прислано «для руководства» указание на необходимость: «1) Проводить чтения и беседы о сущности и нелепости революционных учений. 2) Усилить надзор за внутренним порядком. 3) Иметь контроль за книгами, производить осмотры вещей. 4) Прекратить допуск неизвестных частных лиц» и т. д., и т. п. [2]).

---

[1]) Секр. д. Киев. Арсенала № 16, 1903—6, г., л. 63 об.

[2]) Секр. дело Арсенала, № 15, л. 165, 166.

С другой стороны, на арсенальцев был распространен циркуляр председателя совета министров от 14 сентября 1906 г. за № 1436, в котором служащим, «как состоящим на госуд. службе, так и вольнонаемным, воспрещается всякое участие в политич. партиях, обществах и союзах, не только явно революционных, но и таких, которые хотя и не причисляют себя открыто к революционным, тем не менее в программах своих, в воззваниях своих вожаков и в других проявлениях своей деятельности обнаруживают стремление к борьбе с правительством или призывают к такой борьбе население». Циркуляр указывал, что служащие и мастеровые по вольному найму, принимающие участие в организациях, враждебных правительству, или в противогосударственной агитации, подлежат немедленному увольнению от службы [1]).

Несмотря на все эти мероприятия жандармов и военщины, а может быть и вследствие их, с.-д. партия вела в Арсенале далеко не безуспешную работу.

Недостаток материалов не дает нам возможности привести достаточное количество фактов, характеризующих с.-д. работу в Арсенале в годы реакции и под'ема. Да и краткость очерка не дает возможности на этом детально останавливаться. Но о том, что работа ие прекращалась даже в самые тяжелые годы, свидетельствует ряд фактов. Так, например, 25 апреля 1906 года жандармский надзор зарегистрировал в Арсенале «сильную агитацию к забастовке 1 мая и на несколько последующих дней, при чем более крайние агитируют за забастовку на две недели, но большинство рабочих, встречая сочувственно пропаганду празднования 1 мая, повидимому пока не решается продолжить забастовку на последующие дни».

В 1907 году мы снова встречаемся с успешной агитацией в Арсенале за первомайскую забастовку, а также с распространением прокламаций Р. С.-Д. Р. П. и ЦБ профсоюзов [2]).

Несколько позже сыск констатирует развитие идей безбожия в Арсенале. По доносу арсенальского писца Ем. Пасечника, живущего в д. № 31 по Московской ул., штаб Киевского воен. округа дознается, что в деревянном отделении Арсенала ведется антирелигиозная пропаганда; «главные виновники» — Вас. Осип.

---

[1]) Секр. дело Арсенала, № 18, 1906—9 г.г. л. 126—9.

[2]) Секр. дело Арсенала, № 15, л.л. 177 и 19.

Бондаренко (подмастерье), кладовщик Ник. Максименко и столяр Мих. Ипполит. с сыном своим Павлом, а также посещающий весьма часто эту мастерскую студент-политехник Влад. Григорьев. После этого доноса были «приняты меры для установления надзора за всеми перечисленными в письме (Пасечника) лицами», рапортовало в штаб начальство Арсенала [1]).

Приведенный факт лишний раз иллюстрирует ту атмосферу шпионажа и предательства, в которой работал арсенальский рабочий в эпоху реакции.

Помимо «бдительного ока» военного начальства, жандармов, шпиков и предателей, за спиной рабочего действовала, фиксируя в охранке каждое его слово и каждый его вздох, черная сотня.

В Арсенале культивировались все ее виды, и потому на заводе в то время часто можно было видеть значки Союза Русского Народа, Архангела Михаила, погромные газеты «Вече» и «Двуглавый Орел».

Вполне понятно, что в такой обстановке работа с.-д. организации была очень затруднена, тем более, что в ее собственных рядах царил разброд, ликвидаторство, а влияние большевиков в Киеве было пока еще незначительным.

Но вот отошло в прошлое тяжелое послереволюционное пятилетие, годы промышленного кризиса, жестокой реакции и революционного затишья.

Период под'ема был отмечен в Арсенале стачкой протеста против ленского расстрела рабочих и возникновением на заводе кружков «звездистов» и «правдистов», ведших борьбу с меньшевистским кружком газеты «Луч».

Таким образом, мы видим, что Арсенал в старые довоенные годы был типичным казенным заводом Российской империи, в котором намеренно выращивались благонадежные богобоязненные кадры рабочих и культивировался черносотенный погромный актив. Несмотря на это, социал-демократия, начиная с 90-х г.г., ведет на заводе социалистическую пропаганду, вокруг которой образуется и постепенно растет революционный актив рабочих. Силы этого актива были, правда, очень невелики, в действиях его было мало революционности, меньшевистские настроения находили на заводе благодарную почву.

---

[1]) Секр. дело Арсенала, № 15, л.л. 244 и 247.

Глава II.

АРСЕНАЛ И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА. ОТКЛИКИ ФЕВРАЛЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА НА ЗАВОДЕ.

Империалистическая война произвела в Арсенале большие перемены. Колоссальный рост военной индустрии,—первый результат мировой войны, прежде всего выразился в расширении производства местных арсеналов.

Если в 1913 году киевский Арсенал имел около 800 человек рабочих, то в 1917 году, к моменту Февральской революции, количество их, в круглых цифрах, исчислялось в 4 тысячи человек. Таким образом за короткое время количество рабочих Арсенала увеличилось в 5 раз.

В огромной многотысячной массе новых рабочих растворились первоначальные рабочие кадры,—постоянного состава с большим количеством стариков, со всеми отрицательными чертами их психологии.

Тысячи рабочей молодежи принесли в Арсенал сильное недовольство войной, резко реагировали на ухудшение жизненного уровня масс, которое сказалось в Арсенале не в меньшей степени, чем на других заводах, сильно чувствовали на себе режим милитаризованного предприятия царизма и потому живо и горячо восприняли в 1917 году антимилитаристские и социалистические лозунги большевистской партии.

Вот что говорит в своих воспоминаниях об изменениях, вызванных на заводе войной, т. А. Иванов: «Я попал в стены Арсенала в октябре 1916 г. из армии, как мастеровой. В Арсенале в то время работало около 4.000 чел. Большая часть рабочих была прислана из армии, и большинство из них москвичи и питерцы (в том числе и путиловцы. *В.Ф.*). В Арсенале царила атмосфера казенщины, которая вообще была на заводах военного ведомства, в особенности, если принять во внимание период военных действий, когда за каждый пустяк раздавалось грозное: «что, хочешь на фронт?». Много товарищей, приехавших в Арсенал, отправлялось обратно за малейшую провинность. Атмосфера была тяжелая. Много было на заводе элемента, пришедшего в Арсенал спрятаться от мобилизации, чтобы, работая на оборону, освободиться от фронта: различных хозяйчиков, мелких спекулянтов, лавочников и т. п. Если принять все это во внимание, то станет

ясно, что все эти элементы старались удовлетворить начальство примерностью и послушанием; другая (большая) часть рабочих собиралась у своих станков, перебрасывалась несколькими фразами об общем тяжелом положении, об издевательствах начальства, штрафах и проч., оглядываясь по сторонам, чтобы кто-либо этого не подслушал» [1]).

Уже этих немногих фактов достаточно для того, чтобы нащупать те новые социальные силы, которые вызвали резкий под'ем политической жизни в Арсенале. Среди тысяч пришлых рабочих, обновивших на $^4/_5$ арсенальский коллектив, наиболее революционными были питерцы и москвичи, столичные рабочие-металлисты, взятые в начале войны на фронт и переброшенные впоследствии в порядке воинской повинности в тыл для работы на оборону. С лета 1915 г. начинается массовое рабочее движение. Оно возникает первоначально в столицах, а затем перебрасывается в провинцию.

Экономические забастовки, в которые выливается в 1915 году рабочее движение, были вызваны резким ухудшением положения рабочего класса уже в первые полтора года войны, когда рост цен на продукты первой необходимости в среднем в два раза превышает рост нормальной зарплаты.

В результате развивающегося военного кризиса и репрессивной политики правительства в отношении стачечников большая часть стачек в 1916 г. становятся политическими (более 56 %).

Присутствие в Арсенале революционных рабочих из старых пролетарских центров России дает толчек развитию революционного движения на нашем заводе. К числу революционеров-рабочих, прибывших в Арсенал в это время, принадлежал т. Иванов, вступивший в члены большевистской подпольной заводской ячейки.

---

[1]) Воспомин. т. А. Иванова. См. рукопись стенограммы Киевск. Окристпарта инв. 338 ф. в. № 256, л. 4.

Для настроения рабочих Арсенала перед революцией характерно «дело о привлечении к суду вольнонаемного мастерового, состоящего на действительной военной службе, Фр. Игн. Забельского, за оскорбление его величества». Забельский поступил в Арсенал в июне 1916 года. Материалом для обвинения послужила фраза, сказанная Забельским в кругу рабочих по поводу приезда в Киев Николая Романова: «его возят по городу как обезьяну». (Дело Арс. № 2 (5) за 1917 г.; разн. секретн. переписка), что не замедлило вызвать донос одного из местных добровольцев-«архангелов».

Наряду с боевыми настроениями столичного пролетариата рабочие-фронтовики принесли в Арсенал недовольство войной крестьянской армии, в которой с каждым месяцем разрухи, с каждым поражением назревал бунт против империалистической бойни. В этой обстановке в Арсенале начинают работать политические партии.

К моменту Февральской революции в Арсенале была небольшая группка большевиков, в которой выделялся токарь Арсенала Андрей Васильевич Иванов, активный член киевской организации Р. С.-Д. Р. П. (б.) в 1917 г., впоследствии активнейший участник и организатор октябрьского восстания.

Была в Арсенале и меньшевистская ячейка, представители которой входили в военно-промышленный комитет.

Узнав в комитете о петроградских событиях, арсенальские меньшевики еще до переворота организовали инициативную группу, задачей которой было организовать рабочих и повести их по пути соглашательской политики.

Весть о перевороте всколыхнула рабочие массы Киева.

Пока меньшевики с боязнью, из-под полы, показывали телеграммы о перевороте, большевики взяли на себя инициативу организации общего собрания и виборов в Совет Рабочих Депутатов. Несмотря на живой отклик и энтузиазм, с которым была встречена весть о свержении царизма, среди рабочих не сразу исчез страх, привитый царской нагайкой; поэтому пришлось употребить много усилий на то, чтобы это первое собрание было организованным и многолюдным. Собрание выбрало 15 представителей в городской Совет Рабоч. Депутатов.

На собрание явилось «начальство» в лице генерала Блажевского и других. Выступавшие администраторы призывали рабочих к совместной дружной работе.

В ответ рабочие-большевики потребовали удаления администрации с собрания. Напрасно меньшевики защищали их присутствие, призывая к сотрудничеству класов, «необходимому для успешного окончания войны». Собрание единодушно стало на сторону своих товарищей — большевиков и начальство было удалено. Работа в Арсенале начала постепенно разворачиваться...

Глава III.

ЗАВОДСКОЙ КОМИТЕТ 17 ГОДА И БОРЬБА ЕГО ЗА РАБОЧИЙ КОНТРОЛЬ.

В начале марта в Арсенале организовался завком.

В 20-х числах апреля завком был переизбран по принципу представительства от каждого цеха.

При завкоме было образовано пять комиссий: 1) финансовая, 2) конфликтная, 3) продовольственная, 4) ревизионная (административная) и 5) культурно-просветительная. Кроме того завком имел свои представительства: а) при начальнике боевой дружины и б) при приемном покое.

Развернув так широко свою роботу, завком должен был одних и тех же товарищей использовать в двух и в трех комиссиях. Актив работал во всю.

Перед завкомом стояла большая задача: организовать огромный завод по профессиональной линии, проведя членство в союз металлистов, проделать в сложных условиях экономического кризиса (следствия империалистической войны) работу по улучшению рабочего быта и, наконец, подчинить своему контролю аппарат заводского управления, который — как это прекрасно сознавали завком и весь завод — находился в чужих руках царских генералов и офицеров.

Политическую физиономию администрации вполне отчетливо обрисовывает приказ, изданный начальником Арсенала сейчас же после переворота. «Призываю, — говорилось в приказе, — мастеровых и рабочих исполнить свой священный долг перед родиной. Прошу каждого продолжать, не покладая рук, работу... для облегчения скорой и славной победы над врагом»... Итак, война до победного конца, — этот лозунг буржуазии эхом повторило арсенальское начальство [1]).

Подчинить себя контролю рабочих арсенальские приказчики империализма, конечно, без сопротивления не могли.

Для того, чтобы чувствовать себя прочнее и чтобы создать некоторую видимость перемены, единоличное техническое руководство работой завода было заменено коллегиальным. Был создан так называемый военно-технический совет из представителей от всех инженеров и военных чиновников Арсенала (14 чел. [2]).

---

[1]) Дело Арсенала за 1917 г., № 2, л. 78.

[2]) Прот. № 1 в.-т. совета, д. Арс. за 1917 г., № 23, л. 1–2.

Политическое лицо военно-технического совета ярко рисует резолюция, принятая им по вопросу об участии офицерского состава Арсенала в манифестации в день праздника революции. Предварительно этот вопрос был обсужден и решен в положительном смысле в штабе округа; поэтому собрание служащих решило в манифестации участвовать, украсив себя красными ленточками, «так как, — говорилось в протоколе, — красная эмблема вовсе не является признаком принадлежности к социалистической партии, а является признаком единства, особенно нужного в день манифестации» [1]).

Как видим, совет своим «соломоновым» решением хотел и невинность соблюсти, и капитал приобрести: подыграться под рабочих, появившись «с разрешения штаба» на манифестации с красной ленточкой в петлице.

Начальник Арсенала и военно-технический совет весьма широко понимали свои функции, включая в них и организацию противо-большевистской пропаганды, и охрану авторитета чиновников временного правительства, и посылку своих представителей в Совет военных депутатов, и, конечно, самостоятельное решение всех вопросов труда на заводе, и т. д., и т. п.

К деятельности завкома в.-т. совет и начальник Арсенала с самого начала относятся подозрительно и враждебно.

Деятельность завкома действительно не могла прийтись по вкусу администрации.

Финансовая комиссия сразу же взялась за вопрос об увеличении зарплаты рабочим. Вопрос не терпел отлагательства. Реальный размер ее сильно снизился в результате растущей дороговизны,— непосредственного следствия мировой войны.

«В Арсенале происходят большие волнения из-за поденного жалованья» сообщается в одной бумаге завкома вскоре после революции [2]).

Обсудив многочисленные заявления рабочих разных категорий Арсенала о весьма низкой и неправильной расценке зарплаты, Совет Рабочих Депутатов Арсенала (так именовался часто завком) вынес по этому вопросу следующую резолюцию:

«1. Все мастеровые, работающие поденно, должны получать не ниже 3 р. 50 коп. в день, начиная расценку от 1 р. 60 коп.

---

[1]) Д. Арс. за 1917 г. № 23.

[2]) Дело Арс. № 22, л. 25.

2. Не получающие 1 р. 60 коп. получают пропорциональную прибавку по обоюдному соглашению с представителями администрации».

Резолюция завкома была немедленно отослана администрации для исполнения [1]). Итак, завком требовал прибавки больше чем на 100%, установив в то же время минимальную плату для рабочих, имеющих полную нагрузку.

Другая резолюция завкома вводит в действие новые нормы оплаты труда с 7 марта [2]). Еще до выработки этих норм (что относятся к апрелю) завком предлагает начальнику Арсенала выдать рабочим за месяц вперед суточные деньги, «так как эти деньги даются на вздорожание жизни мастера. Платят за продовольствие не задним числом, а вперед». Этой временной мерой завком сразу поддержал рабочих, пока еще не были увеличены ставки зарплаты.

После соглашения с администрацией на об'единенном заседании военно-тех. совета и завкома, 17 апреля 1917 г., на заводе были введены временные условные расценки в таком виде:

1-я категория	минимум	12	руб.	за 8 час.	рабоч. день.
2-я	„ „	8	„	„	„
3-я	„ „	6	„	„	„
4-я, валовые		6	„	„	„
5-я, мальчики		2	„	„	„

Если мы сравним эту прибавку с зарплатой 1913 года, то на первый взгляд может показаться, что арсенальцы добились увеличения своего денежного заработка.

РОСТ ЗАРПЛАТЫ.

№№ по порядку.	Специальность	Поденная плата 1913 г.		Поденная плата 1917 г.		% отношение зарплаты 1917 г. к зарплате 1913 г.
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	
1	Слесарь	1	90	11	70	615,8%
2	Кузнець	1	90	9	50	500,0%
3	Молотобоец	1	13	8	—	707,9%
4	Токарь	1	54	6	50	422,1%

[1]) Дело Арс. 1917 г. № 22, л. 188.

[2]) Дело Арс. 1917 г. № 22, л. 136.

Однако, это видимое повышение зарплаты рабочему ничего не давало, так как оно обесценивалось продовольственным кризисом 1917 года, который с каждым месяцем все более углублялся, в результате политики временного правительства. Рост цен на продукты питания значительно опережал рост зарплаты [1]), как это видно из следующей таблицы:

РОСТ ЦЕН НА ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ.

№№ по порядку.	Название продукта.	Цены 1914 г.		Цены 1917 г.		% отношение цен 1914 г. к ценам 1917 г.
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	
1	Ржаная мука	1	50	15	—	1.000%
2	Подсолнечн. масло . . .	5	27	85	—	1.613%
3	Пшено	1	55	16	60	1.032%

Таким образом, рабочему не удалось застраховать в 1917 году свою зарплату от падения.

Прибавки, суточные и проч. были отменены и одновременно был установлен 8-ми часовой рабочий день, введенный в Арсенале явочным порядком еще с марта месяца [2]).

Праздничные и сверхурочные работы были прекращены еще 15 марта 1917 г. В апреле завком по предложению т. Стригунова проводит в жизнь выдачу зарплаты рабочим за время болезни (в размере $^2/_3$) и увечья (полностью [3]).

Наряду с повышением зарплаты, одним из важнейших мероприятий завкома было урегулирование найма рабочих. Завком потребовал, чтобы рабочие принимались через завком и союз металлистов (кроме конторщиков). Администрация сначала встала на дыбы: «наем рабочих не может быть из'ят из ведения администрации», гласило по этому поводу решение воен.-тех. совета от 7 августа 1917 года. Но завком настоял на своем, и для приема на работу и для назначения пенсии была организована постоянная совместная комиссия, куда входили: врач, член завкома, и 1 представитель администрации [4]).

[1]) См. статист. бюллетень г. Киева за 1918 г., данные Статбюро, разработанные т. Шингаревым.

[2]) «Голос Соц.-Дем.» № 6, 1917.

[3]) Протокол в.-тех. сов. Арсенала, № 10.

[4]) Д. Арс. за 1917 г. № 24, л. 16.

Культурно-просветительная комиссия занялась подысканием удобного помещения для арсенальской школы. Выбор ее остановился на отличном здании, занимаемом мастерами; завком, которому комиссия доложила свои соображения, постановил: «школа Арсенала должна быть переведена в дом, ныне занимаемый мастерами Арсенала, которые должны в месячный срок очистить это здание. Тип школы—техническое учебное заведение с сельско-хозяйственными курсами для детей обоего пола» [1]. Военно-технич. совет высказался против передачи здания, и конфликт по этому вопросу длился до тех пор, пока рабочие на общем собрании (7/VIII) не постановили об'явить забастовку, в случае, если мастера не будут выселены из занимаемых ими казенных квартир.

Уделял завком внимание и жилищному вопросу, и хотя при буржуазном временном правительстве сколько-нибудь значительных успехов в деле снабжения жилищами рабочих достичь было невозможно, завком сделал все, что было в его силах. Он возбудил вопрос о переселении арсенальцев-слобожан, из которых 50% подвергались ежегодно бедствиям наводнения, на Собачью тропу и Виноградную улицу, на условиях долгосрочной аренды [2].

Завком вместе с тем вел борьбу с экономическими привилегиями администрации. «В заводской комитет поступили сведения,— писали завкомцы начальнику Арсенала 7-го апреля,—что офицеры и чиновники Арсенала получали и получают в настоящее время дрова из Арсенала по себестоимости, что завком признает незаконным, а потому постановил, дабы вы сделали распоряжение о прекращении отпуска дров и о предоставлении комитету об'яснения по этому поводу» [3].

Восстал завком и против другого вида самоснабжения служащих—бесконтрольных служебных командировок.

Много энергии пошло также на то, чтобы отвоевать одну из казенных квартир администраторов под помещение для завкома. С большим трудом выселили для этого пом. нач. Арсенала.

Особого внимания заслуживает деятельность ревизионной комиссии заводского комитета Арсенала и те мероприятия президиума, которые, как и работа этой комиссии, были направлены к

---

[1]) Д. Арсенала 1917 г. № 22, л. 150.
[2]) Д. Арсенала 1917 г. № 24, л. 2.
[3]) Д. Арсенала 1917 г. № 22, л. 149.

обследованию и контролю всех сторон управляющего заводского аппарата в целях борьбы с остатками старого режима на заводе.

Ревизионная комиссия прежде всего обратила внимание на присутствие в Арсенале бывших полицейских чинов. Постановление завкома, переданное начальнику Арсенала по этому поводу, гласило: «Совет рабочих депутатов Киевского Арсенала постановил всех принятых бывших полицейских чинов на службу, а также на разные работы, немедленно уволить, впредь таковых не принимать, так как на общем собрании Совета рабочих депутатов и Совета общественных организаций постановлено таковых отправлять на позицию, о чем и доводим до сведения начальника Арсенала, 18 марта 1917 г.» [1]).

Мы уже говорили раньше, какую роль выполняли на заводе многие мастера. Сыщики, «глаза и уши» начальников мастерских, авторы штрафных списков, в которые рабочие сплошь и рядом включались за то, что не сумели поладить, подсластить, подмазать, — такова историческая роль мастеров на заводах царской России. Мастера, против которых подымалось общественное мнение завода, принуждены были делать заявления об отказе от звания мастера. Именно так пришлось поступить мастеру шорной мастерской, деревянного производства, Николаю Анисимову, после чего на его место рабочие выбрали Антона Чепурного. Заводской комитет постановил откомандировать Чепурного, находившегося при лавке Арсенала, к занятию места мастера шорной мастерской,[2]) о чем известил начальника Арсенала. Снятие мастеров рабочими и завкомом и борьба вокруг этого проходит в течение апреля—мая 1917 г. Воен.-тех. совет, понятно, нашел подобные действия рабочих «незаконными», поспешил позаботиться, чтобы снятые мастера не пострадали материально, и препроводил свое мнение в меньшевистско-эсеровский киевский Совет (13 апреля), припугнув его, что в результате «эксцессов» возможно полное прекращение работ Арсенала на оборону. Однако, даже эсеро-меньшевики не посмели нарушить революционные законы рабочих, — и мастера, снятые завкомом, после расследования, возвращены на работу не были.

Много революционной решимости приложил завком к расследованию злоупотреблений администрации в связи с работой на

---

[1]) Дело Киевск. Арсенала 1917 г., № 22, л. 191.

[2]) Дело Киевск. Арсенала 1917 г., № 22.

оборону, в частности, с наличием в связи с этим крупных средств в заводской кассе.

В расследованиях принимали участие члены Совета Рабочих Депутатов, юристы и военные специалисты.

Типичен для царского администратора начальник завода Блажевский: 50 человек рабочих были заняты по его приказу изготовлением модели пушки для поднесения «цесаревичу Алексею».

Когда перед революцией из Петрограда пришел приказ увеличить арсенальцам жалованье, он заявил, что киевский Арсенал в этом не нуждается. За экономию за счет рабочих генерал был награжден орденом Белого Орла.

Его преемник с июля месяца, полковник Дехтерев, любил больше всяких орденов круглые авансы. Так, «в августе 17 года он имел на руках аванс в 36 тысяч рублей на покупку угля а когда член хозяйственного комитета прап. Садовский хотел получить для этой цели у начальника деньги, тот приказал заплатить из других авансов, а так как прапорщик возражал, то начальник... выгнал его вон» [1]).

Не лучше были и другие члены администрации. Ревиз. комиссией было установлено, что зав. токарным отделом капитан Суровцев не имел ни малейшего представления о токарной работе, что им приняты на работу токарные мастера, никогда токарным ремеслом не занимавшиеся. По воспоминаниям рабочих, Суровцев был самый грубый и жестокий начальник. Вследствие действий Суровцева казна потерпела большие убытки, ибо почти все токарные станки оказались испорченными неумелыми руками набранных Суровцевым «мастеров».

Завкому приходилось несколько раз одергивать администрацию за старую привычку поучать и пробирать рабочих.

В заключение обзора работы завкома надо упомянуть об организации им милиционной дружины Арсенала. Дружина была организована 13 апреля 1917 года для «охраны района и Арсенала». Завком просил выдать для организации дружины 150 револьверов и 3.000 патронов, но вместо этого из артсклада арсенальцам предложили 50 берданок и 1.000 патронов, от которых завком отказался. Дружина была все же организована. Начальником боевиков был т. Струтинский. Не обошлось при этом без про-

---

[1]) Прот. в.-т. совета 1917 г., л. 121.

вокации со стороны местной буржуазии и эсеро-меньшевиков, которые использовали в период господства временного правительства киевск. рабочие дружины, в том числе и арсенальскую, для ловли дезертиров; на почве этих облав в воинских частях пошла агитация темных элементов о том, что рабочие, сидящие в тылу, посылают на убой солдат.

Вся эта история была придумана, чтобы натравить солдат на рабочих. Но арсенальцы не долго шли на эту удочку, быстро разобрались, под влиянием агитации большевиков, в политической обстановке, и скоро на их знаменах появился лозунг: «Долой войну!»...

Все свои мероприятия завком проводил в жизнь с большим трудом, встречая огромное сопротивление и ненависть со стороны администрации.

Особенно негодовала администрация по поводу:

1) недопущения к работам мастеров, снятых рабочими; 2) требования завкома от 17 мая «допустить для строгого контроля распоряжений начальника Арсенала трех представителей завкома»; 3) предварительного пересмотра и наложения печати завкомом на все об'явления администрации; 4) обязательного согласования с завкомом командировок служащих и проверки в завкоме командировочных расходов.

Все перечисленные требования завкома администрация выполнить отказалась, что и было ею оформлено в заседании военно-технического совета 2 июня 1917 года.

Конфликт управления и заводского комитета был, как видим, органическим и упирался в вопрос о рабочем контроле и проведении ряда политических мер по укреплению завоеваний революции.

Вопрос о рабочем контроле был для пролетариата в 1917 г. основным вопросом пролетарской революции, первым этапом к рабочей диктатуре. Поэтому он был выставлен и защищался пролетарской большевистской партией. Лозунг рабочего контроля нашел, между прочим, отражение в резолюции конференции представителей рабочих заводов артиллерийского ведомства от 11 апреля 1917 г. (состоялась в Петрограде), в которой имелось такое место: «1) общезаводской комитет является органом, контролирующим деятельность заводоуправления в области административно-хозяйственной и технической, 2) в целях осуществления этого предварительного

контроля общезаводской комитет выделяет из своей среды представителей в административные органы, заводоуправление, в хозяйственный и технический комитеты, при чем представителям комитета должны представляться все официальные документы» [1]).

Администрация Арсенала, понятно, не была заинтересована в этом вопросе, так так представляла интересы ставшей у власти после февраля буржуазии.

Последовательность и настойчивость нач. Арсенала и воен.-технич. совета в их борьбе с заводским комитетом об'ясняется, с одной стороны, поддержкой центральной и местной власти (воен. министра, главного артиллерийского управления, нач. киевского военного округа), а с другой стороны — тем, что завком, осуществляя рабочий контроль на заводе, бил одновременно по привилегиям и по карману арсенальского офицерства и чиновничества.

Отстаивая интересы буржуазии и чиновничества, администрация Арсенала нашла юридическое обоснование своей позиции в приказе военного министра (15 марта 1917 г.).

Задачи заводских комитетов приказом определялись след. образом: «представительство рабочих Арсенала в их сношениях с правительств. и общественными учреждениями, формулирование мнений по вопросам общественно-экономической жизни рабочих и разрешение вопросов, касающихся внутренних взаимоотношений между рабочими, представительство от рабочих перед администрацией по вопросам, касающимся взаимоотношений между нею и рабочими» [2]).

Борьба агентов временного правительства с рабочими в стенах Арсенала все развивалась. Эта борьба внутри арсенальских стен длится до октября, когда арсенальцы выходят уже на улицу, на баррикады.

Основные этапы борьбы завкома и в.-т. совета примерно таковы:

Завком (17 мая) командирует «для строгого контроля распоряжений» начальства Арсенала 3 чел., в качестве представителей завкома.

Через месяц (21 июня) завком требует, чтобы его делегаты входили во все внутренние распоряжения мастерских. Военно-

[1]) Дело Арсенала 1917 г., № 22, л. 56 и след.

[2]) Д. Киевск. Арс. 1917 г. № 22, л. 157.

тех. совет считает действия завкома незаконными, «могущими привести к двоевластию», а потому для себя необязательными.

Особенно сильную ненависть вызвала у администрации ревизионная комиссия. В.-тех. совет обвинял ее в превышении власти, называл ее действия незаконными, о чем писал нач. воен. округа и даже министру.

Наконец, в.-тех. совет выделил специальную комиссию (31 июля 1917 г.), которой поручил собрать и систематизировать материал о превышении власти завкомом [1]).

Тогда завком постановил «не признавать решений военно-тех. совета, так как из действий такового комитет видит для себя только тормоз» [2]).

Сношения были прерваны. Арсенальцы убедились, что революция еще для рабочего класса не окончилась. В.-тех. совет продолжал прежнюю политику в отношении рабочих, между тем Арсенал все ближе подходил к большевистской партии и борьба его за рабочий контроль становилась все решительнее.

В июне нач. Арсенала получил от завкома бумагу такого содержания: «Всякие собрания частного характера, хотя бы и администрации, в рабочее время в стенах Арсенала недопустимы, о чем вам сообщается для сведения» [3]).

28 июня к начальнику Арсенала явились председатель и секретарь завкома и заявили, что завком не признает военно-тех. совета, что рабочие им очень возбуждены и что завком слагает с себя всякую ответственность, так как настроение рабочих таково, что от членов совета «могут остаться одни пуговицы» [4]).

Так как администрация оставалась при своем, то завком вынес вопрос на решение общего собрания рабочих. В заводе было вывешено след. об'явление: «Товарищи! сегодня 7-го июля во дворе Арсенала после работ будет митинг. Прошу всех товарищей быть на митинге, на который будет приглашена вся администрация Арсенала, которая на вопросы председателя завкома Косякова должна дать ответ всему собранию рабочих и служащих Арсенала; после этого товарищи будут знать, как ведет себя администрация в отношении желаний и постановлений рабочих» [5]).

---

[1]) Протокол воен.-тех. совета Арсенала, № 52, д. 98.

[2]) Д. Арс. 1917 г. № 2, л. 45. [3]) Д. Арс. 1917 г. № 22, л. 247.

[4]) Д. Арс. № 23, 1917 г. [5]) Прот. в.-т. совета, № 44, л. 83, оборот.

7-го августа на митинге рабочих было решено об'явить забастовку в случае невыселения мастеров из казенных квартир. 26 августа состоялся митинг рабочих Арсенала, на котором была вынесена резолюция об об'явлении забастовки, если начальник Арсенала (вр. исполнявший должность вместо уволенного Блажевского) не уйдет до 31 августа.

В этот же день состоялось собрание администрации, на котором решили «считать недопустимым вынесение мастеровыми Арсенала категорического требования об удалении лиц администрации под угрозой забастовки» и донести об этом начальнику воен. округа[1]).

Через три дня (30/VIII), был созван воен.-технич. совет, причем из совета вышло 9 чел., не разделявших его линии. Узнав о собрании, завком командировал на него своего представителя.

По поводу прихода рабочего администраторы решили, что они «считают невозможным присутствие представителя комитета на своем собрании». Представитель завкома удалился.

Тогда завком обратился в «особый комитет по охране революции»[2]).

На собрание прибыл т. Л. Пятаков, пред'явив председателю мандат след. содержания: «Особый комитет охраны революции поручает т. Пятакову выяснить на месте характер и цели собрания в Арсенале»[3]).

Ознакомившись с повесткой, т. Пятаков «предложил дать возможность присутствовать комиссару завкома на всех собраниях членов администрации».

После его заявления президиум проверил число присутствующих, под предлогом отсутствия кворума закрыл собрание, явно протестуя тем самым против требований рабочих.

Но рабочие, руководимые большевистской ячейкой и завкомом, предложения фракции которого принимались единогласно, твердо стояли на своем, и победа была одержана.

Был избран новый президиум в.-тех. совета, который постановил «войти в контакт с завкомом».

Когда 25 сентября на заседании в.-т. совета явился член завкома Блажинский, ораторы единодушно заявили, что «привет-

---

[1]) Д. Киевск. Арс. 1917 г. № 23, л. 40.

[2]) Этот комитет был образован в связи с выступлением Корнилова.

[3]) Д. Арс. 1917 г. № 23, л. 42–43.

ствуют совместную работу с завкомом», но при этом добавили, «что контроль недопустим и даже оскорбителен для членов совета». Протоколы совета стали посылать в завком, по требованию последнего.

Наибольшего напряжения и остроты достигла борьба завкома за рабочий контроль в вопросе о выборах начальника Арсенала. В июле 1917 году главным артиллерийском управлением был уволен, под нажимом рабочих, начальник Арсенала Блажевский. Некоторое время его обязанности исполнял полковник Дехтерев. Но во время корниловского мятежа рабочие избрали начальником Арсенала инженера Зыкова, лойяльного по отношению к рабочим[1]).

Гл. арт. управление не утвердило выборов и в конце сентября прислало в Арсенал нового начальника, генерала Михайлова.

По воспоминаниям т. Лещинского, арсенальцы дознались, что Михайлов заведывал арсеналом в Хабаровске и был очень нелюбим рабочими. Когда Михайлов появился в Арсенале, был созван митинг, на котором присутствовало больше 3.000 рабочих. От большевистской организации выступал Л. Пятаков, защищавщий принцип выборности должностных лиц. Напрасно пом. комиссара ю.-з. фронта меньшевик Кириенко защищал назначение Михайлова. Рабочие на него негодовали. Хватали во время его речи камни, полосы железа и хотели его избить. Один рабочий сказал присланному начальнику: «Ведь не свинья же вы, а человек: видите, что мы вас не хотим, так на кой чорт лезете к нам?»[2]).

По вопросу о назначении митинг вынес такое постановление: «отстаивая принцип выборности должностных лиц, всемерно защищать избрание на пост начальника киевского Арсенала инженера-технолога Зыкова, не останавливаясь ни перед какими мерами, вплоть до забастовки». О конфликте парт'ячейка и завком Арсенала довели до сведения Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов, который принял на очередном заседании следующее постановление:[3]) «поручить т. т. Верле и Овчарову переговорить с Кириенко и Оберучевым и предложить им согла-

---

[1]) «Киевская Мысль» 1917 г. № 228.

[2]) Лещинский. «Эпизоды борьбы Арсенала», в сб. Киев. Истпарта: «Из истории Октябрьской революции в Киеве».

[3]) «К. М.» № 228, 4 окт./21 сент. 1917 г.

ситься на утверждение Зыкова и недопущение вступления Михайлова в обязанности начальника киевского Арсенала. Т. т. Верле и Овчаров должны указать Кириенко и Оберучеву, что в случае неисполнения этого требования рабочие Арсенала решили бастовать, и Исп. Ком. С. Р. Д. считает, что рабочие Арсенала в этом вполне правы». После этого постановления Совета в киевских газетах[1]) появилось сообщение о переговорах по этому поводу киевских властей с центром (по прямому проводу): «из военного министерства сообщили, что на заводах артиллерийского ведомства, находящихся в Петрограде, выборное начало не проводилось. По мнению военного министерства, забастовка киевского Арсенала не принесет особого вреда делу обороны страны и к возможности воникновения забастовки министерство относится спокойно». Одновременно с этим и. о. председ. С. Р. Д. Верле говорил по прямому проводу с членом ЦИК Скобелевым, который сообщил: «принцип выборности начальников ЦИК отвергает, но всячески содействует устранению начальников, вызывающих недовольство, и добивается назначения на ответственные посты лиц, пользующихся доверием». Скобелев заверял, что ЦИК приложит все усилия, чтобы ликвидировать конфликт, и просит рабочих не бастовать; «ЦИК будет настаивать, чтобы, впредь до окончательного выяснения приемлемого для обоих сторон кандидата в начальники Арсенала, таковым оставался Зыков». Михайлов в исполнение обязанностей начальника так и не вступил. Не соглашался занять место начальника без утверждения военного министерства и Зыков[2]); была попытка найти компромисс, назначив начальником Арсенала полковника Матюшенко, но рабочие попрежнему решительно настаивали на Зыкове[3]).

10 ноября в.-тех. совет заслушал заявление завкома, о немедленном избрании начальника Арсенала лицами администрации в присутствии контрольной комиссии от завкома. Совет постановил: «считая вопрос о выборном начале крайне сложным, перенести прения на общее собрание администрации, назначив срок 14 ноября» [4]).

---

[1]) «К. М.» № 230, 5 окт./22 сент. 1917 г.

[2]) «К. М.» 1917 г. № 236, 11 окт./28 сент. ст. ст.

[3]) «К. М.» № 234, 1917 г.

[4]) Прот. в.-т. совета, л. 129, 137, также протокол № 70.

Но несмотря на все увиливания администрации от решения вопроса в требуемом рабочими смысле, арсенальцы настояли на своем, и Зыков остался заведывать Арсеналом [1]).

Таким образом, мы видели, что первый арсенальский завком 1917 г. широко развернул работу по защите экономических интересов рабочих, твердо проводя в жизнь выдвинутый большевиками лозунг рабочего контроля. Если борьба за его осуществление в стенах Арсенала проводилась так дружно и настойчиво, то это потому, что арсенальские рабочие тесно сплотились вокруг большевистской партии, непрерывно пополняя ее ряды, поддерживая ее политические выступления, следуя ее программе и тактике. С первых месяцев 1917-го года Арсенал является главным оплотов большевистского влияния в Киеве; исключительный интерес поэтому представляет история большевистской ячейки Арсенала в 1917—18 г. г.

Глава IV.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ЯЧЕЙКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ АРСЕНАЛА В 1917 ГОДУ.

В последние годы империалистической войны в Арсенале собралась небольшая группа рабочих-большевиков, от которой и идет история заводской ячейки. Группа эта состояла из т. т. Нусбаума (работал в токарной мастерской), А. В. Иванова (работал в токарной мастерской с начала 1916 г.), Пивоня (работал в слесарной мастерской), Костюка, Ефимова, Фиалека и некоторых других т. т.

Группа эта не была организационно оформлена и обособлена от меньшевиков, но с последними были уже глубокие разногласия и споры, в частности, по вопросу об отношении к войне и об участии в военно-промышленном комитете.

Работа группы выражалась в распространении нелегальной литературы и организации нелегальных собраний за стенами Арсенала.

Распространение литературы было крайне законспирировано. В большинстве случаев рабочие, приходя в мастерскую, уже нахо-

---

[1]) До января 1918 г., когда был отстранен Ц. Радой.

дили прокламации (первомайские, о войне и др.) и брошюры на столах или в ящиках, не зная, или только смутно догадываясь, кто мог их доставить.

На собрания привлекались только наиболее активные, проверенные, заслужившие доверие рабочие.

Собирались небольшими группами в 10 — 15 человек где-нибудь на Печерске, за крепостными валами, а большей частью на Днепре. Туда приходил представитель городской организации и проводил беседу.

Темой бесед являлась главным образом война и отношение к ней рабочего класса. Одновременно партия старалась организовать рабочих на почве борьбы за экономические интересы. Поводом послужил приказ главнокомандующего в 1915 г. о введении в Арсенале сверхурочных работ без особой оплаты.

Началось брожение; узнали, что есть закон, чтобы платить за сверхурочные, что на других заводах платят, несколько раз пред'являли арсенальцы требования об уплате сверхурочных, и в результате генерал Иванов, посетив Арсенал, приказал за успешную работу дать прибавку... по 10 коп. в день на человека, на «булку», как иронизировали рабочие. Некоторые тут же отказались от «щедрого» генеральского подарка.

После Февральской революции большевистская ячейка берет на себя инициативу созыва первого открытого митинга в Арсенале, проводит выборы в киевский Совет Рабочих Депутатов; на этом собраниии происходит дискуссия с меньшевиками о сотрудничестве с буржуазной властью, и в результате ее, по предложению рабочих-большевиков, митинг высказывается за удаление с собрания слуг старого режима — военной администрации завода. Количество членов партии в Арсенале начинает быстро расти, особенно после июльских дней. Общее количество партийцев в Арсенале в начале 1917 года не превышало 30 человек, из них человек 7 активистов. В июле, когда контр-революция повела на большевиков активное наступление, когда в газетах появилась пущенная контр-разведкой клевета о «немецких шпионах», в Арсенале был даже случай, когда рабочие не захотели слушать оратора-большевика, хорошо им известного Ю. Пятакова. Но когда рабочие поняли истинные причины июльских событий, они в массе своей пошли за большевиками. Сторонники временного правительства остались в меньшинстве. Во второй половине 1917 года процент

партийцев в цехах быстро растет. Особенно выделялись кузнецы, среди которых число вступивших в партию доходило до 200 человек. Вообще в Арсенале предоктябрьских дней было очень мало беспартийных, вспоминают рабочие — члены арсенальской ячейки 1917 года [1]).

Что касается организационного момента, то здесь прежде всего надо остановиться на связи Арсенала с общегородским и районным печерским комитетами большевиков. Два активнейших работника киевского комитета — т. т. А. Горовиц и Ю. Пятаков были специально прикреплены для работы в Арсенале; позже, с от'ездом т. Горовица из Киева, работа в Арсенале была поручена т. И. Крейсбергу.

25 марта организуется печерский партийный комитет, в президиум которого избираются члены арсенальской ячейки т. т. Нусбаум (председ.) и Костюк (секретарь).

Базой райпаркома являлся Арсенал. На заводе не было отдельного партбюро. Его функции выполнял президиум райпаркома. Поэтому последний и носил название «печерский райпарком киевского Арсенала» (см. №№ «Голоса С.-Д.» за 1917 г.).

Усилению партийной работы в Арсенале очень способствовал факт создания районной организации. Только с оформлением печерского района в Арсенале начали проводить регулярные митинги, где освещались вопросы текущей политической жизни, сообщалось о работе Совета, разоблачалась политика враждебных партий и проч. Одновременно (с апреля месяца) начали организовываться партийные ячейки по цехам [2]).

Политическая работа партии на заводе протекала в различных формах: распространение среди рабочих большевистской печати, работа в клубе, проведение кампаний, митингов и т. п.

Актив арсенальской ячейки распространял по цехам подписку на орган киевского комитета большевиков — газету «Голос Социал-Демократа». Подписка шла успешно, но враждебные партии стали перехватывать газету. Поэтому пришлось около Арсенала поставить специальный киоск с большевистской литературой (доставкой наших изданий к Арсеналу заведывал т. М. Зарницын).

---

[1]) Воспоминание т. Рыженкова.

[2]) Постановление печерск. район. комитета о проведении записи в партию в арсен. мастерских датировано 26/III 1917 г.

Юнкера каждую ночь валили киоск. Рабочие, приходя на работу в Арсенал, каждое утро ставили его на прежнее место.

Наглость буржуазии раздражала рабочих. Арсенальцы организовали охрану киоска, которая явилась зерном красной гвардии, и хулиганство прекратилось. Этот факт показателен для характеристики роста большевистского влияния на заводе.

Насколько была популярна среди арсенальцев наша партийная печать, видно из следующего приветствия, присланного шорниками Арсенала в редакцию «Голоса Социал-Демократа».

«Шорная мастерская киевского Арсенала приветствует свою рабочую газету «Голос Социал-Демократа», как истинную и справедливую защитницу интересов рабочих, крестьян и солдат, и шлет в ее железный фонд свою ленту, твердо веря в ее дальнейшее широкое развитие» [1]).

Местом, куда стекался партийный актив и беспартийные рабочие Арсенала, был печерский партийный клуб большевиков. Важность специального помещения для партийной пропаганды была настолько очевидной, что на первом же организационном собрании «печерского района Киевского Арсенала» был поставлен в порядок дня вопрос о найме помещения под печерский районный клуб и об его финансировании [2]).

Клуб был устроен в том же помещении, где находился и печерский райком, на Собачьей тропе, в помещении женского медицинского института (в настоящее время анатомический театр в усадьбе Октябрьской больницы).

Арсенальцы чувствовали себя там, как в своем клубе, и посещали его в большом числе. Там находилась и библиотека. Агитация проводилась и в форме массовых собраний, и групповая, и индивидуальная. Последней много помогала так называемая (ради шутки) «самоварная комиссия», заведывавшая буфетом, состоявшая из партийцев. За чаем, в непринужденной обстановке, партийцы заводили беседы на политические темы и втягивали в них беспартийных рабочих, открывая перед ними неведомые горизонты борьбы трудящихся за свое освобождение, подготовляя новые партийные резервы.

Рост большевистского влияния в Арсенале в первую половину 1917 года лучше всего измеряется активным участием арсеналь-

---

[1]) «Голос Соц.-Дем.», № 91 от 27 авг. 1917 г.

[2]) «Голос Соц.-Демокр.», № 8 за 1917 г.

ских рабочих в тех политических компаниях, которые были организованы нашей партией.

Главными политическими кампаниями за этот период были: 1) праздник революции, 2) день рабочей печати, 3) 1-е мая, 4) демонстрация 18 июня.

В празднике революции 16 марта большевики шли самостоятельно с отдельными лозунгами, которые были и на знаменах некоторых профсоюзов. В колонне большевиков была группа арсенальцев. Но в общем этот праздник показал еще слабое влияние большевиков на массы рабочих.

День рабочей печати (22 апреля) прошел в Арсенале под лозунгом поддержки большевистской прессы. Сборы и отчисления в этот день в Арсенале были значительнее, чем на остальных заводах. Кампания сбора на приобретение типографии для «Голоса Соц. Дем.» в Арсенале проходила с под'емом, при общем сочувствии рабочих.

Первое мая было отпраздновано по новому стилю. Руководство демонстрацией взял на себя Исполком Совета Рабочих Депутатов, без участия фракции большевиков. Это об'яснялось тем, что большинство Исполкома, представители мелко-буржуазных партий, выработали «демократические» лозунги демонстрации, неприемлемые для пролетариата. Демонстрация состояла из двух основных колонн — меньшевистско-эсеровского Совета и большевиков. Последние шли с плакатами: «Вся власть Советам». Ядро большевистской колонны составляли Арсенал, профсоюзы, обмундировальные мастерские и др. предприятия. Большевистская колонна была довольно внушительна по своим размерам.

Отчужденность и недоброжелательность которые, ее окружали, невольно сплачивали еще тесней членов партии и беспартийных рабочих, вставших под знамя большевиков.

В демонстрации 18 июня Арсенал со своими четырьмя тысячами рабочих шел впереди большевистской колонны. Кроме Арсенала, вышли на улицу под большевистскими лозунгами профсоюзы, авиационный парк, понтонный батальон и ряд других частей. Демонстрация получилась внушительная.

Печерский район собрался на демонстрацию около Амосовского парка (обычное место сборов района). Туда же подошли и арсенальцы. Демонстрация двинулась на Крещатик. Здесь рабочие и солдаты, шедшие с большевистскими лозунгами, были встречены

враждебными криками буржуазии. Дамы в шляпках, с зонтиками, молодые люди в котелках, офицеры и студенты наперерыв старались спровоцировать рабочих и расстроить колонны. Демонстрантов встретили около Думы свистом.

Очевидцы рассказывали, что генералы давали ребятишкам по рублю, чтобы те помогали буржуазии освистать большевиков. Одного из членов киевского комитета большевиков избили. Но все было напрасно. Буржуазии не удалось спровоцировать рабочих и солдат на преждевременное выступление. Молча стиснув кулаки, спокойно проходили демонстранты. По бокам демонстрации находились боевики, которые охраняли революционный порядок, и буржуазии не удалось превратить мирную невооруженную демонстрацию под лозунгами—«вся власть Советам» и «долой войну» в кровавую расправу с рабочими.

Июньская демонстрация в Киеве впервые показала, какие силы ведут большевики за собою и с какими силами могут выступить на дальнейшую борьбу. Обнаружила она и ту ненависть, которую затаила в себе буржуазия против вступавшего на самостоятельную политическую дорогу рабочего класса.

Агитационная работа партии в Арсенале протекала с конца марта в форме регулярных митингов, на которых обыкновенно выступали с докладами т.т. Юрий и Леонид Пятаковы, Саша Горовиц, Нусбаум, А. Иванов, Пивонь, Н. Н. Лебедев, частично Е. Б. Бош и Эдельштейн. Приведем некоторые резолюции арсенальских митингов, которые характеризуют политическое настроение рабочих Арсенала в различные моменты 1917 года.

26 апреля митинг арсенальцев, на котором присутствовало 1.500 рабочих, вынес такую резолюцию: «мы, рабочие Арсенала протестуем против задержания и ареста новым жандармом Европы — Англией — наших т.т. интернационалистов. Мы протестуем против политики Милюкова, который совершенно не реагировал на этот факт, и требуем от временного правительства немедленной посылки в Англию и Францию заявления о пропуске в Россию всех эмигрантов независимо от политических воззрений» [1]).

13/26 июня в Арсенале состоялся митинг по вопросу о текущем моменте, на котором выступали ораторы почти всех партий.

---

[1]) «Голос Соц.-Демокр.» № 16, 1917 г.

Меньшевики и эсеры упрекали украинских социалистов за то, что они блокируются в Центральной Раде с буржуазией.

Представители украинских партий, в свою очередь, указывали меньшевикам и эсерам на их вредную для пролетариата соглашательскую тактику и вхождение в коалиционное министерство,

Тов. И. Крейсберг развил точку зрения большевиков на украинский вопрос и указал, что «разрешение его возможно только при переходе власти в руки рабочих и беднейших крестьян. Демократия всех наций, населяющих Россию, и, в частности, украинская, не может доверять правительству, состоящему в большинстве из капиталистов, продолжающих разбойничью политику царизма». Речь т. Крейсберга неоднократно прерывалась бурными аплодисментами собрания.

Всеми голосами против трех была принята предложенная тов. Крейсбергом резолюция, приветствующая кронштадтцев за «истинно-революционную тактику и последовательное проведение в жизнь принципов революционной социал-демократии»[1]).

Факт почти единогласного принятия резолюции большевиков и провала мелко-буржуазных партий является в высшей степени показательным для настроения рабочих Арсенала.

28 августа митинг в Арсенале, собравшийся, чтобы выявить отношение арсенальцев к попытке Корнилова установить буржуазную диктатуру, вынес след. резолюцию:

«Выступлению контр-революции во главе с Корниловым, не останавливающимся перед открытием фронта, желающему сокрушить революцию и установить кровавую диктатуру, необходимо противопоставить организованный отпор рабочих и солдат, готовых по призыву революционных организаций выступить во всеоружии на защиту революции, поэтому мы требуем: 1) самой решительной борьбы с контр-революционерами, ареста главарей контрреволюции и предания их революционному суду, 2) освобождения всех революционных интернационалистов, 3) прекращения репрессий по отношению к левой печати, 4) вооружения революционных рабочих и солдат» [2]).

Таким образом, мы видим, что в августе процесс большевизации рабочих масс Арсенала вступает в новую стадию своего развития,

---

[1]) «Голос Соц.-Демокр.» 1917 г. № 48.

[2]) «Голос Соц.-Демократа» 1917 г. от 30 августа.

упирается в вопрос о тактике, подводит к мысли о необходимости вооружения «революционных рабочих и солдат».

Наряду с резолюциями арсенальских митингов, рост большевизма в Арсенале показала однодневная забастовка, которой четырехтысячный завод ответил на созыв московского государственного совещания, имевшего целью об'единить силы контрреволюции. В стачке приняло участие 3.600 арсенальцев (12 августа). Лозунгами стачки были — протест против соглашателей и требование власти Советов. Стачка показала редкую спайку и сознательность всего заводского коллектива.

Протест Арсенала не был одиноким: в августовской забастовке приняло участие 50 предприятий Киева с 22 тыс. чел. рабочих.

Большевистские настроения Арсенала обнаружились также во время процесса 77 солдат гренадерского полка, отказавшегося в июне 1917 года от наступления на фронте. Во время судебного процесса над гренадерами (в сентябре) арсенальцы организуют, при поддержке рабочих других заводов, непрерывные демонстрации около здания суда и заставляют военный суд вынести оправдательный приговор.

Полевение рабочих масс нашло свое отражение и в Совете Рабочих Депутатов, руководящая роль в котором окончательно перешла к большевикам. 8 сентября 1917 года, вслед за Советами Петрограда и Москвы, Киевский Совет Рабочих Депутатов принял резолюцию с требованием перехода всей власти к Советам. Отметим, что при перевыборах в Совет 19 сентября ст. ст. (2 октября) *в Арсенале были выбраны делегатами исключительно большевики* (12 человек).

Борьба за власть естественно подводила к вопросу о вооружении рабочих. Мысль о необходимости вооружиться занимает не только партийную ячейку Арсенала, но одинаково ясно понимается всеми арсенальскими рабочими, начиная с корниловского выступления.

После февральского переворота в Арсенале образовалась боевая дружина (для охраны завода), но она была незначительна и располагала ничтожным запасом оружия. То же самое приходится сказать о вооруженной охране Арсеналом большевистского киоска возле завода. Это был зародыш арсенальской красной гвардии.

После июльских дней и корниловского выступления перед парт'ячейкой и заводом встал вопрос о всеобщем вооружении рабочих Арсенала.

Военные власти изо всех сил этому противились. Вопрос о вооружении был поставлен на одном из арсенальских митингов. Был вызван для переговоров командующий войсками Оберучев, который лицемерно призывал рабочих охранять революцию не оружием, а сознанием, и наотрез отказался выдать рабочим оружие.

По воспоминаниям некоторых участников революционного движения в Арсенале, рабочим все-таки удалось достать немного оружия и распределить его по цехам.

По воспоминаниям тов. Лещинского, еще в середине сентября в Арсенал было доставлено для вооружения рабочих 2.000 винтовок и 8.000 патронов. Патроны положили в погреб, а винтовки поставили в цеху [1].

В пред'октябрьские дни арсенальцы снова делают попытку достать оружие. В «деле о приготовлении к восстанию членов киевской партии большевиков» имеется показание ад'ютанта киевского арт. окр. управления о том, что «28 октября в управление явилось два рабочих Арсенала с запиской такого содержания: «В огнестрельный отдел артиллерийского склада. Выдайте пред'явителю сего патронов русских трехлинейных — 15 тысяч, австрийских — 10 тысяч, снарядов 3″ — 500 шт. Председатель Пятаков». На записке стояла печать Совета Рабочих Депутатов.

Таким образом, вопрос о вооружении рабочих оставался открытым до октября, когда его в один день разрешило вооруженное восстание.

Глава V.

ОКТЯБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ АРСЕНАЛА.

Мы проследили развитие процесса, итоги которого за полгода революции сводились к экономической и политической организации арсенальских рабочих, происходившей на почве борьбы с заводской администрацией и с городскими властями. Под руководством большевистской партии эта организация вылилась в подготовку арсенальца-массовика к борьбе за рабочую диктатуру.

В октябре большевизация рабочих масс становится решающим фактором политической жизни города.

[1]) Лещинский. «Эпизоды вооруженной борьбы», с. 109.

Но и в этот период Арсенал сохраняет свою роль авангарда, застрельщика движения. В доказательство приведем, например, такой факт: на одном из заседаний киевск. комитета большевиков незадолго до октября появляются члены арсенальской парт'ячейки. Они пришли с известием, что в город вступают «батальоны смерти», — надежная опора буржуазии.

Для собравшихся становится ясным, что в то время, когда меньшевистско-эсеровский «ревком» задерживает выступление рабочих, контр-революция стягивает против них свои силы.

Представители Арсенала энергично поддерживают предложение части членов комитета о немедленном начале подготовки восстания и соответствующих директивах районам.

Они мотивировали это тем соображением, что «в противном случае, при первом движении в Петрограде, недремлющий враг возьмет нас голыми руками».

Представители Арсенала и авиопарка потребовали, чтобы комитет дал распоряжение в районы «быть готовыми на случай выступления контр-революционных войск».

Распоряжение было дано. Арсенал начал энергично готовиться к вооруженному восстанию.

Подготовка шла сперва в общегородском масштабе. 27 октября на пленуме Советов был избран «настоящий» ревком, в состав которого вошли одни большевики; ревком дал приказ по заводам вооружаться.

28-го в Арсенале состоялся многолюдный митинг, на котором выступал т. А. Иванов, где принято было решение немедленно выступить против контр-революционного штаба киевского воен. округа.

К вечеру того же дня арсенальцы узнали, что контр-революция начала наступление и что комитет большевиков и ревком арестованы во дворце. Из членов комитета избежал ареста только т. Иванов, так как после митинга в Арсенале у него пошла кровь горлом (уже тогда т. Иванов был болен туберкулезом) и он должен был отправиться домой.

В 4 часа ночи на квартиру к т. А. Иванову пришли арсенальцы и сообщили об аресте комитета и ревкома. Сейчас же было созвано совещание представителей Арсенала и воинских частей Печерска. Решено было выступить на другой день, 29-го октября, в 5 час. веч. по сигналу с аэроплана. Был организован новый ревком.

По свидетельству Д. Иткинд «ревком сорганизовался в доме профсоюзов (б. дворянское собрание на Крещатике), но центром своей работы избрал Арсенал» [1]).

А. Иванов вспоминает, что в состав ревкома вошли т.т. Иванов, Карпенко и Богданов [2]). В действительности в ревком вошел также ряд других активных партийных работников Киева (т.т. Затонский, Кудрин и некоторые другие). Базой для ревкома служили 3-й авиопарк и Арсенал.

Задача восстания требовала: 1) привлечь возможно больше человеческих сил, 2) достать необходимое вооружение и боевые припасы, 3) выработать определенный стратегический план (избрать центр восстания, создать укрепленные позиции и прочее), 4) установить связь с городом на предмет пополнения новыми силами и получения продовольствия.

Все эти задачи встали перед ревкомом, требуя немедленного разрешения.

Ядро восставших составляли: Арсенал, 3-й авиопарк, понтонный батальон, телеграфная рота, 147—148 воронежские дружины. К этому основному ядру стали присоединяться небольшие группы рабочих и солдат из других районов города [3]).

Очень остро стоял вопрос о вооружении восставших. Единственным источником, где можно было достать оружие, являлись артиллерийские склады, находившиеся в то время в распоряжении авиопарка. Сейчас же после ареста в дворце партийного коми-

---

[1]) Д. Иткинд. Из воспоминаний о работе Киевской большевистской организации в 1917 г., с. 100.

[2]) «Летоп. Революции», № 1, 1922 г.

[3]) Трудно определить численность революционных войск. Т. Пуке дает такие цифры, за точность которых нельзя ручаться. Красная гвардия Арсенала вместе с тыловыми армейскими мастерскими и рабочими дружинами, пришедшими из других районов (Подол, Демиевка и пр.)—всего до 250 чел.—по некоторым данным насчитывала 800 человек удовлетворительно вооруженных бойцов при одной батарее. (Пуке, «Воен.-рев. ком. и Октябр. восстание», с. 42—43). Приблизительно ту же цифру указывает в воспоминаниях т. Лещинский: 800—900 бойцов на утро 30 октября. 3-й авиопарк имел 600 чел. (включая сюда пришедших в Арсенал 200 чел. сапер), при отличном вооружении. В запасном понтонном батальоне, который тоже присоединился к восстанию, имелось 600 ч. солдат, во втором запасном телеграфном батальоне—800 чел., в конно-горном артиллерийском дивизионе—400 ч. при двух батареях. Таким образом на Печерске в момент восстания, по подсчетам т. Пуке, было до 3.600 красных бойцов, располагавших 3-мя батареями.

тета и Ревкома, из Арсенала была направлена в авиопарк группа рабочих за пулеметами.

Но все это была капля в море. Оружия не хватало на всех бойцов. Патронов было очень мало, поэтому их выдавали по 5 шт. на человека с предупреждением зря не стрелять. По воспоминаниям т. Иванова, в момент выступления Арсенал располагал всего 700 винтовками и 30 ящиками патронов[1]).



Группа участников арсенальских восстаний, принимавшая участие в подготовке сборника.

Так или иначе вооружен Арсенал был слабо. В этом отношении характерен такой эпизод. В начале восстания в Арсенале были орудия, но не было снарядов. Тем не менее, для устрашения неприятеля четыре орудия выкатили на заднюю линию между шпалами.

В первый день восстания (воскресенье 29-го) один из защитников Арсенала, приемщик от артиллерийского склада т. Лебедев, приготовил сам четыре снаряда из пустых стаканов, бывших на заводе. 30-го, по заданию ревкома, привезли в Арсенал на гру-

---

[1]) «Летоп. Революции», № 1, 1922.

зовике из огнестрельного отдела большой запас патронов и штук 200—300 снарядов.

Печерск выступил в назначенный час (29 октября ст. ст.).

Батальон смерти, ударники, юнкера и чехо-словаки окружили восставших со всех сторон густыми цепями. Украинские части держали большей частью нейтралитет.

Центром восстания был Арсенал.

Арсенал был центром восстания, во-первых, потому, что рабочие завода представляли самый большой пролетарский коллектив в городе, стоявший на платформе большевистской партии и вполне готовый для вооруженного восстания за власть Советов. Вокруг него, как ядра, группировался весь пролетариат Печерска (военно-обмундировочная мастерская, тыловые артиллерийские мастерские и т. д.).

Вторая причина избрания Арсенала центром восстания лежала в том, что он своими массивными каменными постройками и земляными сооружениями (валами и рвами), наследием эпохи Николая I, являлся частью старой Киевской крепости и потому легко мог быть сделан укрепленным оплотом восставших.

Целый ряд большевистски настроенных воинских частей, расположенных на Печерске (3-й авиопарк, понтонный батальон, саперная рота, 1-я конно-горная дивизия, бронеотряд) существенно дополняли это пролетарское ядро, составляя вместе с ним внушительную силу революции. При этом большевистские предприятия и воинские части Печерска являлись хорошим прикрытием арсенальского тыла.

Рабочие разделились на группы. К каждой были приставлены инструктора из числа тех, кто умел обращаться с винтовкой. В несколько часов обучение было кончено. Началось формирование отрядов. Арсенальцы разделились на 6 групп, сделали засаду около ворот, засаду в кузнице, в канцелярии (30 чел.), в сборочной (50 чел.) и бывш. старой кочегарке против старых ворот (тоже человек 50). Остальные силы пошли на Бутышев переулок и устроили баррикады. Около 200 чел. арсенальцев вырыли окопы от Кловского спуска и заняли там позицию [1]).

С понтонным батальоном арсенальцы были в контакте, держали тесную связь и могли, таким образом, оставить мало защи-

---

[1]) Воспом. арсенальца т. Святохи.

щенной прилегающую к понтонным казармам часть завода. Авиопарк давал Арсеналу подкрепления и оружие.

Важной оказалась связь с артиллерийским дивизионом, стоявшим за Днепром. Налажена была также связь с Подолом (через подземные ходы).

В момент начала боевых действий на заводе из с'естных припасов оказалась одна картошка, зато в большом количестве — восем вагонов. Арсенальцы эту картошку использовали и все время ее жевали.

Остальные продукты доставлялись из города. Особенно важна была помощь союза пекарей, выпекавшего для защитников Арсенала хлеб.

Организовали околодок и питательный пункт. Работницы работали на питательном пункте так быстро, что в течение 2-х часов рабочие получили продукты и разошлись в окопы. Перевязочный пункт был устроен в Арсенале, в приемном покое.

Для непосредственного руководства операциями в Арсенале был организован штаб (помещался в д. № 8 по Московской ул.) Во главе штаба стоял тов. А. В. Иванов. В штаб входили члены арсенальской парт'ячейки и завкома.

Боевая задача состояла в том, чтобы отразить наступление юнкеров и, в свою очередь, перейти в наступление на штаб военного округа на Банковой улице. Арсенальские офицеры были арестованы и во время восстания содержались под стражей.

В субботу 28 октября Арсенал был окружен со всех сторон юнкерам. После митинга в этот день, на котором было решено защищаться, в Арсенале осталось несколько десятков красногвардейцев — смена рабочих кузнечного цеха, арсенальский штаб и связь [1]).

В воскресенье утром рабочие Арсенала, узнав о положении дел, стали собираться большими группами около Никольских ворот и на Московской ул. Тогда юнкера стали сооружать баррикаду из строевого кирпича на стыке Александровской, Московской и Никольской улиц.

Боевые действия начались в воскресенье вечером. Над Печерском появился сигнальный аэроплан. Началась перестрелка между горным дивизионом и школой прапорщиков, находившейся неда-

---

[1]) Воспоминания т. Садовского.

леко от цитадели [1]). Затем начал работать пулемет, и этим было положено начало боям, продолжавшимся в течение трех дней. Перестрелка перекинулась к Арсеналу, юнкера были прогнаны с баррикад, так как присланные для подкрепления казаки отказались от выступления. К вечеру этого дня в Арсенале собралось не больше 150 чел. рабочих.

На следующее утро, с целью собрать в Арсенал всех рабочих, был дан обычный гудок на работу.

Юнкера были введены в заблуждение гудком и свободно пропускали рабочих на завод, предполагая, что на заводе будут работать. Для того, чтобы поддержать их в этой уверенности, в кузне заработали старики.

Это была со стороны юнкеров большая ошибка. План юнкеров заключался в том, чтобы занять Арсенал после окончания работ. Поэтому, не трогая завода, они плотно обложили Арсенал. Но замысел их был раскрыт. Рабочий Святоха вышел из Арсенала на разведку. Его окружили юнкера и подвергли допросу; он ответил, что идет с работы домой. Ему поверили, пустили и посоветовали не возвращаться, а то он будет расстрелян. Святоха вошел в столовую и оттуда через забор возвратился в Арсенал, где и рассказал товарищам о планах юнкеров.

Когда арсенальцы заняли позиции и стук в кузнице прекратился, юнкера поняли свою ошибку. В девять часов утра они открыли по Арсеналу огонь со стороны оранжереи около дома командующего войсками, из своих окопов. Первой жертвой пал рабочий сборочного цеха тов. Аистов. Не обратив внимание на предупреждение не вылезать из окопов, он встал во весь рост и был убит.

После этого началась жестокая перестрелка с обеих сторон. В деревянной мастерской были установлены два пулемета, из них один против Александровской улицы. Юнкера окопались в Мариинском парке и выставили два орудия около дворцовой пожарной части. Ружейная и артиллерийская стрельба была слышна целый день.

30 октября, на второй день восстания, штаб военного округа бросил на Арсенал юнкеров, чехо-словаков, ударную офицерскую роту и добровольцев (в числе их студентов). Одновременно артил-

---

[1]) Воспоминания т. Степанова.

лерия штаба (2 легких батареи) вела артиллерийскую подготовку. Наступление шло со стороны Московской ул. и Николаевского юнкерского училища (на Никольской ул.).

Арсенальцы в упор обстреливали пулеметным огнем наступавших юнкеров и чехо-словаков и заставили их отойти к Мариинскому парку, потеряв до 100 чел. убитыми. Одновременно батарея Арсенала заставила Николаевское училище прекратить огонь. Рабочие и красные войска побеждали.

Тогда белогвардейцы повели на Арсенал бешеное наступление со всех сторон. Атаки шли главным образом с северо-востока. Вражеская артиллерия была с запада и юго-запада. Направленный отовсюду огонь создавал нервное настроение среди арсенальцев. Штаб округа изолировал от Арсенала понтонные казармы и старался захватить конно-горную батарею, но безуспешно.

Неблагоприятно для штаба воен. округа складывался бой, шедший в то же время между Константиновским и Алексеевским юнкерскими училищами, с одной стороны, и 3-м авиопарком, конно-горным дивизионом и тяжелой артиллерией Слободки— с другой.

Избыток артиллерии у восставших и недостаток ее у противника определял исход боя [1]).

Настроение у арсенальцев было бодрое. Разведочную службу несли не только рабочие, но и работницы с перевязочного и питательного пунктов.

Арсенальцы, поддержанные частью телеграфного батальона, перешли в наступление на 1-ую школу прапорщиков, которая находилась около Арсенала в Бутышевом переулке. Эта школа нанесла арсенальцам существенный урон. Затем арсенальцы установили пулемет на крыше дома № 1 и открыли огонь по окопам Бутышева пер. Десять арсенальцев сделали вылазку, подползли под баррикады юнкеров и метнули бомбу. Тогда школа прислала в Арсенал парламентеров [2]).

Переговоры были довольно любопытны. «Мы сдаемся, — заявили юнкера, — но остаться без оружия юнкерам неудобно. Поставьте возле нас охрану, а оружие оставьте». На это т. А. Иванов ска-

---

[1]) См. воспоминания Пуке в изд. Киев. Истпарта: «Из истории Октябр. революции в Киеве».

[2]) Воспоминания т. Степанова.

зал: «Какой же человек осмелится вас охранять, когда у вас есть винтовки? Сложите оружие, приходите во двор, и тогда мы будем знать, что вы сдались». Юнкера не приняли этих условий и ушли.

Орудия Арсенала снова заговорили. И школа сдалась. Двадцать рабочих Арсенала забрали у юнкеров винтовки, а потом и самих юнкеров отвели на гауптвахту. Всего таким образом было взято в плен 150 чел. юнкеров, около 250 винтовок и патроны.

Ураганный огонь нашей артиллерии из Слободки разрушил часть здания Константиновского военного училища, при чем сразу было убито 70 юнкеров. Это навело на керенцев панику. Не меньше вредила им всеобщая стачка, лишившая город света, воды, трамвая и хлеба. Сильно стеснял действия юнкеров и неопределенный нейтралитет украинских частей, который каждую минуту мог окончиться.

Но и в Арсенале далеко не все было благополучно. Военные припасы истощились с стремительной быстротой. При том нельзя было стрелять в штаб военного округа, который являлся сердцем противника, так как там находились арестованные члены партийного комитета и ревкома. И вот т. А. Иванов пробирается сквозь цепь противника и является в гор. думу.

«Там с.-р. читали телеграммы, что Петроград занят Керенским, а мятеж ликвидирован. Тов. А. Иванов взял слово и заявил, что это ложь; затем он потребовал освобождения арестованных, угрожая, что в противном случае Арсенал откроет артиллерийский огонь по городу. Меньшевики страшно перетрусили, не подозревая, что в Арсенале нет снарядов, и начали уговаривать не проливать крови мирного населения, заявляя, что арестованные не хотят сами выходить, боясь самосуда.

Тогда т. А. Иванову путем угроз удалось добиться свидания с арестованными. Придя обратно в Думу, т. А. Иванов снова пред'явил требование об освобождении арестованных. Для обсуждения вопроса об условиях перемирия была создана комиссия из представителей думы, Рады, штаба и др. организаций. В эту комиссию должен был войти также т. А. Иванов.

Между тем в тот же день (31 октября) около 4-х часов в Арсенал явились делегаты от юнкеров и чехо-словаков заключить, впредь до распоряжения комиссии, перемирие. Ревком решил перемирие заключить, в надежде за это время добыть патроны и снаряды. Блокада была снята, и арсенальцы, воспользовавшись

этим, сумели подвезти полтора миллиона патронов и 750 снарядов. Снаряды привезли со склада на Зверинце на двух автомобилях. Достали также 600 винтовок» [1]).

Между тем собралась комиссия, избранная для заключения перемирия. Тов. А. Иванов поставил вопрос об освобождении арестованных; вопрос этот был отодвинут на конец, и комиссия до вечера обсуждала вопрос о взаимоотношениях Ц. Рады с правительством Керенского.

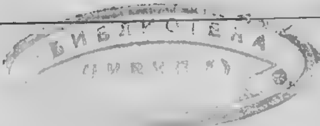
Для того, чтобы оказать воздействие на комиссию, т. А. Иванов дает распоряжение произвести из Арсенала вылазку у штаба округа. Группа арсенальцев подняла у здания штаба перестрелку. Заседавшие там члены комиссии всполошились и перетрусили. В конце концов, согласно принятому решению, около 11 час. вечера группа арестованных большевиков была обменена на захваченных арсенальцами в плен юнкеров. Совещание продолжало обсуждение вопроса о власти.

После часа ночи оглашен был текст двух ультиматумов, полученных от ревкома. 1-й ультиматум гласил: «военно-революционный комитет г. Киева предлагает штабу сдаться к часу ночи с 31/X на 1/XI. В противном случае, в виду оттяжек, делавшихся штабом, открываем действия». 2-й ультиматум был такого же содержания. Среди участников совещания поднялся переполох.

Прения были прекращены выступлением т. Иванова. Он попросил слова для внеочередного заявления и сказал, что ревком дает комиссии полчаса на размышление, после чего штаб должен сдаться, или будет дан приказ бить по штабу из всех орудий.

Это заявление произвело действие разорвавшейся бомбы. Все повскакивали с мест с криками, что это предательство, что большевики ждали только освобождения арестованных, что они все объединятся и сотрут нас в порошок, то же самое заявили и представители Центральной Рады. Т. Иванов ответил, что угроз рабочие не боятся и готовы померяться силой оружия. Совещание прервали и разошлись по фракциям. Поднялась невообразимая кутерьма. Вскоре поступило сообщение о том, что штаб снялся и выехал из Киева в неизвестном направлении. Захватить его не удалось, так как в других частях города у рабочих не было достаточно вооруженных сил, а войска Рады в событиях

[1]) «Летопись Революц.», № 1, стр. 12.



участия не принимали. Таким образом победа осталась на стороне рабочих.

18 (5) ноября состоялись похороны рабочих Арсенала и солдат, убитых во время восстания против войск Керенского в дни 29—31 октября. В 10 ч. утра возле Арсенала на Печерске собрались члены Советов Раб. и Солд. Депутатов Киев. округа, вся красная гвардия, в том числе и боевой курень укр. с.-р., и рабочие Печерского района. С Печерска по Московской улице через Печерский базар, мимо военного госпиталя, процессия направилась на Владимирский базар, где к ней присоединились организации Демиевского района, откуда демонстранты пошли по Б.-Васильковской ул. к Думской площади. У Бессарабского базара в процессию влились рабочие Шулявки и Подола. В таком составе процессия направилась ко дворцу.

Впереди ехал автомобиль со знаменами, вслед за автомобилем несли венки от различных организаций, а за венками следовало 10 гробов с убитыми товарищами. Провожали убитых войска, украинские и русские, красная гвардия и рабочие всех заводов и мастерских.

На знаменах некоторых организаций были надписи: «да здравствует власть труда», да здравствует мир и интернационал», «долой политическое соглашение с буржуазией». Когда процессия подошла ко дворцу, гробы были поставлены на приготовленные заранее подмостки. Гробы были украшены массой живых цветов и венков (до 70).

Произнесено было несколько речей. Первое надгробное слово сказал Ю. Пятаков. Последним оратором от киев. комитета Р. С.-Д. Р. П.(б.) выступил Бакинский: «Товарищи!—говорил он,—не раз уже российский пролетариат прощался со своими боевыми товарищами на их могилах. Я не говорю про время самодержавия. Режим Керенского тоже не избавил его от жертв. На фронте мы хоронили павших от вражеских пуль. Смертная казнь, введенная Керенским уносила безвинные жизни. Товарищи! Режим Керенского—розовый режим—должен смениться красным, когда пролетариат будет у власти. И вот сейчас этот миг настал. Мы, стоящие перед гробом павших товарищей, должны сказать Совету, помещающемуся в этом желтом дворце, что бы он окрасил его в красный цвет. Он должен работать по новому, он должен вести политику рабочих, солдат и крестьян. Вам же, дорогие товарищи, лежащие в гробу,

я имею право сказать, что вы, конечно, погибли не даром. Никогда против этих могил во дворце не будет твориться ничего, кроме борьбы за освобождение пролетариата. Вы открыли ему дорогу для широкого творчества. Мы же, товарищи, клянемся в том, что кровь наша будет также проливаться в нужный момент, как пролилась кровь наших товарищей. И если нам когда-нибудь придется уходить из этого дворца под напором темных сил, то мы, защищаясь, заполним его двор своими трупами. Клянемся ли? (Крики: «Клянемся!»). В заключение, по предложению т. Бакинского, все поют вечную память. После речей трупы были перенесены в склеп, построенный на площади перед дворцом [1]).

Глава VI.

ЯНВАРСКОЕ ВОССТАНИЕ АРСЕНАЛА.

После октябрьского восстания рабочие считали себя победителями. Однако Ц. Рада предательски захватила власть в свои руки.

Уже с 1-го ноября население было оповещено, что власть в городе находится в руках полковника Павленко и что «Укр. Ц. Рада требует от всех граждан точного и безотлагательного исполнения всех распоряжений вновь назначенного начальника».

Дальнейшие сообщения печати о том, что «в Киев прибыли первые эшелоны 4-х украинских полков» и что «половина юнкеров высказала желание остаться в Киеве и перейти в украинскую военную школу, а остальные выезжают на Дон, в Новочеркасск», вызвали большую тревогу среди рабочих. Предательство Центральной Рады с каждым днем становилось все более отчетливым. Рада желала опереться на юнкеров, перекрасившихся в желто-блакитный цвет, и стягивала в Киев преданные ей войска.

По городу проходят рабочие и солдатские митинги протеста. В первых числах ноября митинг в Арсенале принял резолюцию о разоружении юнкеров. Аналогичное решение принимали и другие рабочие и солдатские митинги. Между тем Ц. Рада продолжала организацию власти, назначая повсюду своих комиссаров, 7 ноября был опубликован 3-й универсал, провозгласивший так

---

[1]) «К. М.» 1917, № 137, 6/XI, и «Прол. М.», № 2, 7/XI 1917 г.

называемую Укр. Нар. Республику. Власти Советов Рада, конечно, признавать не хотела, а заявляла, что на местах власть должна принадлежать контр-революционным городским думам.

5 декабря (22 ноября) в Арсенале состоялся огромный митинг, посвященный обсуждению вопроса об организации власти. Докладчиком выступил т. Гамарник (б-к), содокладчиком—ген. секр. Порш.

В результате горячих прений была принята всеми против одного, при 7 воздержавшихся, резолюция, предложенная т. Гамарником: «Мы, рабочие Арсенала, 1) приветствуем СНК, приветствуем его декреты о мире, земле и рабочем контроле, мы приветствуем власть, созданную рабочими, солдатами и крестьянами на 2 всерос. с'езде, 2) стоя на точке зрения самоопределения народов, мы на Украине, так же, как и по всей России, требуем создания Советской власти, 3) мы требуем на Украине с'езда Советов, на котором будет избрана Центральная Рада, правильно отстивающая интересы рабочих, солдат и крестьян, 4) органом власти на местах являются Советы, в частности в г. Киеве вся власть принадлежит Киевскому Совету Раб. и Солд. Депутатов, 5) мы — арсенальцы — пролившие кровь во имя власти Советов, даем клятву всеми силами поддерживать и отстаивать Сов. власть. Да здравствует пролетарско-крестьянская революция! Да здравствует социализм!»[1]).

Таким образом Арсенал смело и решительно солидаризировался с Октябрьской революцией. Никакой компромисс с Центральной Радой не был, таким образом, возможен. Попытки Порша склонить арсенальцев на сторону Центральной Рады кончились неудачей.

Перед лицом победы пролетариата мелко-буржуазная Ц. Рада быстро стала на путь открытой контр-революции.

В ночь с 29 на 30 ноября, по приказу Рады, было сделано нападение на авиопарк, понтонный батальон и другие части, принимавшие участие в борьбе за Советскую власть.

Войска были разоружены и вывезены из города. Арсенал принял участие во всеобщей забастовке протеста против этих разоружений. По ночам шли налеты на красную гвардию, которая разоружалась.

Но немедленное выступление против Ц. Рады было невозможно. Во первых, рабочие были очень утомлены недавним восстанием,

---

[1]) «П. М.» 1917, 23/XI, № 15, стр. 4.

во вторых, были разоружены большевистски настроенные воинские части, которые должны были сыграть решающую роль в восстании. Кроме того, среди известной части рабочих был довольно силен национальный угар. Рада учла, что среди арсенальцев есть полукрестьянский элемент, имеющий тесную связь с деревней; среди них была проведена ловкая националистическая агитация, результатом которой было вступление некоторых рабочих токарного цеха в организацию «вільного козацтва».

Этим в ряды арсенальцев был внесен некоторый раскол. Имея в Арсенале единомышленников, Ц. Рада своевременно информировалась обо всем, что происходило внутри арсенальских стен. Однако быстро влияние Ради даже среди этой небольшой группы рабочих стало падать. Денежная реформа Ц. Рады внесла путаницу в финансы и в городское хозяйство. Это усилило всеобщее недовольство, в частности, и частей украинского гарнизона.

Положение рабочих Арсенала изо дня в день становилось под игом Ц. Рады все тяжелее и тяжелее. Производство сокращалось из-за отсутствия топлива: запас каменного угля уменьшался, а нового достать было негде. Зарплата рабочим выплачивалась неаккуратно. Рада намеренно обостряла производственный и экономический кризис на заводе, стремясь уничтожить, развалить изнутри этот огромный большевистский колектив.

На этой почве между Арсеналом и Радой произошло два столкновения, послуживших исходным пунктом для январского восстания.

В конце 1917 г. Арсенал в течение $2^1/_2$ мес. не получал зарплаты. За деньгами была послана из Арсенала делегация в Петроград, откуда она возвратилась 26 декабря, привезя 5 мил. рублей. 27-го декабря было собрано общее собрание арсенальцев, на котором была сделана информация о получении денег и принято решение приступить к их выдаче. Вокруг полученных денег Ц. Рада создала шум, провокационно распуская слухи, что деньги якобы присланы на большевистскую агитацию, что деньги раздаются рабочим для борьбы с Ц. Радой.

Под видом проверки присланных денег Рада сделала открытую попытку захватить вооруженной силой Арсенал...

Вот как описывает эту попытку »Пролетарская Мысль»: «В ночь на 29 декабря к Арсеналу подошла сотня украинских казаков с бронированными легковыми автомобилями. Начальник

отряда обратился к охранявшему Арсенал караулу с требование- открыть ворота.

Караул не растерялся и спросил у офицера пароль. Тогда офиц цер ответил, что он пароля не знает, но его послала Рада для усиления караула Арсенала. После того, как пришедшим было заявлено, что никто никакого караула не вызывал и что их в Арсенал ни в коем случае не пустят, они попытались было прорваться в Арсенал с Будочного переулка, но стража выстроилась, взяла винтовки на перевес и заявила, что она на подобные попытки ответит штыками. Встретив такой прием, казаки оставили свое намерение проникнуть в Арсенал и отошли от него».

30 декабря начальник Арсенала получил следующий приказ из киевского окружного артиллерийского управления: «все орудия и пулеметы прошу немедленно передать в киевский артил. склад. Еесли они вывезены, сообщите, в какие пункты» [1]).

Рабочие заявили арсенальской администрации, что орудий с завода не выпустят. Замки с орудий были сняты и спрятаны.

Через несколько дней после того, в ночь с 4-го на 5-ое января (ст. ст.), Рада предприняло генеральное наступление на киевский пролетариат, поставив себе задачей разоружение красной гвардии и уничтожение сплоченных пролетарских рядов по всему городу.

В Арсенал были посланы бронированные автомобили и сотня конного полка «Вільної України».

Красная гвардия Арсенала встретила их оружейным огнем. Завязалась перестрелка. «Вільні козаки» ворвались во двор Арсенала. Разбили и разграбили завком и цеховые комитеты. Срезали электрические провода, порезали и утащили ремни, попортили части машин. Однако целиком разоружить красную гвардию Арсенала им не удалось: винтовки (до 2.000 шт.), пулеметы и патроны «вільні козаки», правда, достали, но снаряды, сложенные в один из многочисленных погребов, найдены не были [2]).
Обезоружив Арсенал, Центр. Рада выставила свою охрану. Когда 7-го января (ст. ст.) рабочие стали собираться на работу, охрана их разогнала. Обсудив положение, завком послал в Ц. Раду деле-

---

[1]) Арх. Арс., д. № 2(5) 1917 г., разн. секретная переписка, л. 114.

[2]) Сивцов. «Киевск. красн. гвардия», с. 53; Лещинский. «Эпизоды вооруженной борьбы», с. 115.

гатов с требованием снять охрану и произвести ремонт испорченных станков и машин. В результате переговоров рабочим было разрешено произвести своими силами ремонт. 200 чел. пришлось поставить на эту работу. 14 января ремонт был закончен.

Но в расчеты Ц. Рады вовсе не входило восстановление производства на заводе и она сделала попытку вывезти из Арсенала топливо, взять арсенальский уголь не то для городской электростанции, не то для петлюровских броневиков. Это обрекало завод на полное бездействие и грозило рабочим лишением заработка, а потому вызвало общее негодование рабочих и ускорило развязку.

15 января ст. ст., утром, в Арсенале был созван митинг, на котором обсуждался вопрос о контр-революционной политике Ц. Рады, обезоружившей Арсенал. Известие о том, что Ц. Рада хочет забрать уголь, было встречено общим негодованием. На митинге решили угля не выдавать и начать выступление.

Подготовка к восстанию велась уже раньше. Движение против Ц. Рады охватило все заводы. Восстание назрело. Воля рабочих к борьбе была ясно выражена. Опять начались поиски оружия.

Арсенал с 5-го января охранялся караулом Ц. Рады и взять его голыми руками было невозможно. После долгих поисков арсенальцы узнали, что оружие, вывезенное из Арсенала, находится напротив завода, в доме № 7, под охраной казаков, офицеры которых помещались в доме № 3.

Рабочие вошли в сношение с казаками, которые им сочувствовали, и договорились с ними, что в ту ночь, когда арсенальцы пойдут за оружием, будут стоять только два караульных, которых легко будет снять.

За оружием были командированы рабочие. Караульные не оказали никакого сопротивления. Оружие стали перевозить в Арсенал, которыл был предварительно захвачен (16 янв.) отрядом красноармейцев.

Перевозка оружия происходила недостаточно конспиративно, так что солдаты Ц. Рады могли наблюдать картину подготовки восстания.

В результате к Арсеналу подкатил петлюровский броневик, высланный на разведку.

Охрана Рады была снята. Выстрелив в ворота Арсенала, броневик уехал. В тот же вечер в коммерческом институте состоя-

лось об'единенное заседание Совета с фабзавкомами, которое постановило об'явить всеобщую забастовку и начать вооруженное восстание. В ту же ночь в Арсенал пришел батальон полка им. Сагайдачного под начальством своего командира т. Мищенко. Было устроено собрание, на котором т. Мищенко, как военный специалист, был единогласно избран комендантом Арсенала. Из Алексеевского училища пришли приглашенные арсенальцами пулеметчики-волынцы.

В Арсенале находился ревком в составе т. т. Горовица, Фиалека, Пивоня, Лебедева. В штаб входили: Мищенко, Костюк, Кочергин.

Так началось второе героическое восстание арсенальцев. Были возобновлены октябрьские окопы. На стыке Александровской и Московской ул. были поставлены вагонетки и сооружена баррикада [1]).

Заготовка продовольствия и медикаментов началась еще накануне восстания. Рабочие-большевики Арсенала т. т. Пивонь и Друзякин поручили это дело на совещании в Печерском клубе работнице т. Кузьковской. Она отправилась в парт. комитет, связалась с членом общегородского Ревкома т. Дорой Иткинд, получила он нее необходимые директивы и принялась за дело.

Организовался продовольственный и медицинский пункты, на которых стали работать комунарки Люба Комская, Степанова — медичка, Люба Аранова, Белла — медичка, Катя и др. Как муравьи, тащили работницы в Арсенал всякими обходными путями, с риском для жизни, пробираясь под обстрелом, мясо, хлеб, сахар, папиросы и медикаменты.

Продовольствия в первый день было мало, и потому рабочие к концу дня стали уходить домой «на шамовку». Но затем продовольствия привезли достаточно. И только в последние дни осады ощущался сильный недостаток в пище, что сильно отразилось на стойкости и боеспособности осажденных.

К Арсеналу примкнул понтонный батальон, который помог рабочим разоружить хозяйничавший в Арсенале в момент восстания украинский Богдановский полк.

Штаб сначала воздерживался от боевых действий, ожидая сведений от других частей города: восстанием были охвачены

---

[1]) Подробно стратегическая сторона восстания освещена в воспоминаниях т. Мищенко, к которым и отсылаем читателя. См. настоящий сборник.



Арсенал после Январских боев.

все рабочие районы; наиболее сильным пунктом, после Арсенала, были главные железнодорожные мастерские, выступившие, правда, дня на два позже Арсенала. Тревожило неравенство сил: 20 тыс. укр. солдат против 2.000 рабочих. Ждали с нетерпением сведений о продвижении к Киеву советских войск. Хотелось установить контакт с боевыми действиями в других частях города.

Но рабочие не выдержали и открыли огонь по гайдамацкой сотне, которая появилась на Александровской ул. Огонь был удачен, сотня понесла большие потери и скрылась. Затем со стороны губернаторского дома пошли в наступление цепи «вільного козацтва». Пулеметный огонь из Арсенала нанес им крупный урон. После этого попытки взять Арсенал со стороны города были оставлены. Попытка подойти к Арсеналу со стороны военного училища также была легко отражена. Разведчики Рады (офицеры) проникали в Арсенал с восточной стороны (со стороны понтонного батальона), но быстро узнавались и арестовывались в качестве заложников.

Через ворота восточной стороны Арсенал выпускал своих разведчиков. Это были преимущественно женщины, менее обращавшие на себя внимание осаждавших. Скоро Рада ввела в бой новые силы (полк Дорошенко и др.); организовались студенческие и офицерские отряды; пошло на баррикады много украинской интеллигенции. Зато некоторые части национальных полков отказывались выступать против рабочих. Арсенал узнал от разведчиков, что Рада свирепо расправляется с захваченными повстанцами.

17 января никаких изменений в Арсенале не произошло. Пришло чел. 40—60 опоздавших арсенальских рабочих. Ревком выслал для связи с другими районами нескольких товарищей с целью наладить контакт действий и лучше ориентироваться в общем положении. Продовольствия хватало на всех.

Ночь с 17 на 18 прошла спокойно сравнительно. На утро 18-го в городе началась всеобщая стачка, прекратилась подача света и воды. Войска Рады стали страдать от жажды. Арсенал имел колодцы.

18-го обе стороны по всему городу повели наступление. Арсенал предполагал сделать вылазку на Александровскую и Институтская ул. и к комендатуре.

Рада сосредоточила против Арсенала отборные части. Цепи их начали наступать с утра с восточной стороны. Одновременно был открыт ураганный перекрестный огонь по Арсеналу со сто-

роны города и из Дарницы. Продовольственная и перевязочная работа шла под огнем. Появилось много раненых. Наступление велось почти непрерывно до 3-х часов дня, но безуспешно.

Безуспешны были и вылазки бронемашин со стороны Александровской ул., тем не менее восьмичасовая атака сильно изнурила защитников Арсенала и многих вывела из строя.

Около 5-ти часов войска Ц. Рады к северо-востоку от Арсенала подняли белый флаг и прислали в Арсенал депутацию. Депутаты заявили примерно следующее: «Зачем нам проливать братскую кровь? Найдем общий язык». «Мы хотим, чтобы вы сейчас прекратили стрельбу, сдали оружие и разошлись по домам, вас никто не тронет». Арсенальцы отвечали, что здесь собрались не дети, и не для того, чтобы сдаваться, потому укр. войскам Арсенал предлагает сдать оружие, выдать генералов, а рабочим и крестьянам обезпечена неприкосновенность [1]).

Все же ревком Арсенала пошел на перемирие, чтобы использовать его, как передышку. Но, заключив перемирие без одновременного прекращения военных действий Рады против рабочих других районов, Арсенал допустил крупную, непоправимую ошибку.

Вторым промахом было то, что ревком выслал во дворец для переговоров военного руководителя т. Мищенко и других активных работников. Условия ревкома (немедленное прекращение военных действий, разоружение «вільного козацтва», созыв губ. и всеукр. с'ездов Советов) не были приняты Радою, а делегация Арсенала вечером того же дня (18 января ст. ст.) была предательски арестована солдатами Ц. Рады.

На другой день боевые действия возобновились. Положение Арсенала ухудшилось. Снаряды, продовольствие и люди убывали.

Для установления прерванной связи в город отправился тов. Горовиц. Он вышел через понтонные казармы на Подол, но по дороге был схвачен и расстрелян гайдамаками.

Между тем положение Арсенала ухудшилось. Сдались понтонеры. Это отрицательно отразилось на защитниках. Обнаружился упадок настроения. Некоторые требовали прекращения боя. С большим трудом удалось уговорить, что сдавшихся все равно расстреляют и что надо продержаться до прихода своих.

---

[1]) Воспоминания т. Рыбаловского.

Положение стало критическим. Продовольствия совсем не было, снаряды и патроны были на исходе, противник железным кольцом обложил Арсенал, по всему городу повстанцы были разбиты, и к Арсеналу были стянуты большие силы. Но Арсенал героически отбивался. Броневики то и дело пытались ворваться внутрь Арсенала. Рабочие бросали в них гранатами, открывали пулеметный огонь.



Открытие памятника Январского восстания на Арсенальской площади в 5-ою годовщину восстания.

Было созвано чрезвычайное совещание командного состава и революционного комитета Арсенала. Некоторые настаивали на отступлении, но оно было невозможно: Арсенал был окружен со всех сторон и для прикрытия отступления не было снарядов. Решено было вынести этот вопрос на собрание всех защитников Арсенала.

К вечеру 20-го января (ст. ст.) со стороны Слободки вошли свежие отряды гайдамаков под командованием Петлюры, теснимые красными войсками и отступившие с фронта к Киеву. Передовые их колонны подошли к Арсеналу со стороны Лавры, с самой незащищенной стороны.

Превосходство сил Петлюры над Арсеналом было настолько велико, что никакое сопротивление не было возможно. К тому же и стрелять было нечем. Ночью в Арсенале устроили общее собрание защитников, на котором решено было сдаться, расстреляв предварительно последние снаряды и патроны.

После собрания часть рабочих ушла через подземные ходы к Днепру. Ушли главным образом те, кто знал секретные ходы. Но осталось еще человек около 400, которые и сложили 21-го оружие [1].

Жандармы Петлюры, палачи «куреня смерти», начали жестокую расправу с защитниками Арсенала. Гайдамаки ворвались на завод, кололи и рубили направо и налево.

Из перевязочного пункта выгнали раненых. Женщины отведали гайдамацких прикладов. Потом их отправили в госпиталь на перевязку. «Большевистские женщины нужны нам в аккуратном виде», сказал один офицер и приказал из перевязочной привести их обратно.

Но в госпитале коммунаркам устроили побег раненые солдаты.

Что касается сдавшихся арсенальцев, которые не погибли среди разгула первой ярости победителей, то всех их (человек 360, по восп. Лещинского) собрали около понтонных казарм. Была дана команда: «Становитесь по 4!».

Со всего Печерска сбежались жены, дети, родители рабочих. Поднялся крик и плач.

«Напротив арсенальцев поставили 3 пулемета. Петлюровский офицер скомандовал: «А ну, пулеметчики, вперед». Из рядов побежденных вышло человек 10 волынцев из тех 20-ти, которые пришли в начале восстания в Арсенал. Командир отделил их и скомандовал «пли!». Раздалась трескотня пулемета. Волынцы падали, обливаясь кровью» [2]).

В это время под'ехал автомобиль з французским флагом, из которого вышло несколько человек. Приехавшие совещались с

---

[1]) По некоторым воспоминаниям, оставалось всего 200 чел.

[2]) Воспоминания т. Лещинского.

полупьяными офицерами; в результате расстрел был отменен и пленников повели на военную гауптваху около Лавры. По дороге некоторые пытались бежать и были убиты. Недалеко от места заключения арестованных еще раз избили прикладами.

Так пал Арсенал 21 января (ст. ст.) 1918 г. Освободили арсенальцев через несколько дней петроградские матросы и рабочие и украинские «червоні козаки».

Потери киевских рабочих были огромны. Много неустрашимых пролетариев погибло в огне вооруженных столкновений, немало — под ударами палачей-гайдамаков. Братская могила в Маринском парке приняла 750 красных гробов с останками павших жертвою кровожадной украинской буржуазии.

Кровь убитых взывала о мщении.

Много рабочих Арсенала вступили в ряды Советских войск, вышедших из Киева для преследования Ц. Рады.

Так кончилось январское восстание киевского Арсенала. В него были вовлечены рабочие массы всего города. Борьба коммунаров и рабочих носила исключительно упорный и героический характер. Январское восстание естественно завершило собою стачечную борьбу и октябрьские бои 1917 года, завершило Октябрьскую революцию в Киеве, точнее ее первый этап, так как впереди предстояла долгая гражданская война.

Арсенал — военный завод империалистов — стоял после январских дней побитый и изувеченный. Но в огне Январского восстания вырос Арсенал Революции, который вооружил пролетариат для дальнейшей борьбы за власть Советов.

ЭПИЗОДЫ ГЕРОИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ. ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ[1]).

КОСТЮК.

НА БАРРИКАДАХ АРСЕНАЛА.

Перед октябрьским восстанием я был председателем цехового комитета токарного цеха. В моем распоряжении было несколько сот винтовок. Накануне боев часть оружия была выдана для охраны левого фланга Арсенала, примыкающего к Александровской улице; в цеху оставалось еще винтовок до 400.

После получения первых сведений об октябрьском перевороте в Петрограде, группа партийцев во главе с А. В. Ивановым была вызвана на совещание партийного комитета, где была заслушана информация о последних событиях. Постановили срочно вооружиться и готовиться к бою. После совещания в паркоме собрание заводского комитета Арсенала решило, что комитет должен явиться

---

[1]) Ниже мы печатаем воспоминания участников октябрьских и январских боев. Эти воспоминания далеко не охватывают полностью той сложной, требующей тщательного анализа обстановки, в какой протекали арсенальские восстания. Остался также неосвещенным и целый ряд отдельных эпизодов борьбы арсенальцев за власть Советов. Виною тому—отсутствие целого ряда ценных воспоминаний активных участников октября и января, а также недостаток места, заставляющий нас печатать воспоминания в сокращенном виде.

Отсутствие достаточного количества материалов лишило нас во многих случаях возможности дать комментарии к целому ряду сомнительных мест, имеющихся в воспоминаниях. Так, например, нам не удалось выявить точного состава штабов и ревкома, руководивших январским восстанием на Печерске, не удалось установить некоторых дат и т. п. Это тем более необходимо потому, что в помещаемых в сборнике воспоминаниях все эти вопросы не освещены полностью, не разрешены до конца. Перед активом боевиков стоит задача помочь Истпарту в его работе над 'историей Октябрьской революции в Киеве, путем внесения целого ряда добавлений и замечаний.

Этот отдел подготовлен к печати т.т. Белой и Ястребовым. (*Ред.*).

штабом восстания. Организаторами обороны флангов Арсенала были выделены председатели цеховых комитетов.

Оборону Арсенала решили организовать немедленно, до прихода рабочих на работу.

Организовали охрану, разослали часть товарищей по квартирам рабочих для пополнения отряда красной гвардиии и усиления охраны завода. Наспех были сооружены баррикады и сделаны углубления для стрелков.

Ночь на 29 октября мы продежурили, ожидая нападения. По улицом ходили патрули юнкеров, обыскивая всех проходящих; особенно сильный караул был выставлен на Александровской ул. у дома главнокомандующего и неподалеку от Арсенала. Рабочие ждали, что с минуты на минуты начнется бой. Однако, ночь прошла спокойно.

В понедельник 30 октября, спустя некоторое время после того, как рабочие собрались по гудку в Арсенал, началось наступление цепи юнкеров со стороны Александровской улицы и дома главнокомандующего через ров. Завязалась перестрелка. Ружейный и орудийный огонь противника был направлен главным образом на помещение токарного цеха.

Я расставил вооружившихся рабочих цеха на позициях: некоторые пошли на передовую линию, а некоторые остались под защитой стен и оконных пролетов цеха, которые частью выходили на Александровскую, а частью на Московскую улицы. Позиция была настолько удобной, что нам удалось подстрелить немало юнкеров, продвигавшихся к Арсеналу перебежкой, прячась за телеграфными столбами и другими прикрытиями.

Нужно отметить, что наш фронт был укреплен слабо: окопов не было, их заменяли наскоро вырытые временные ямки. Кроме того, передовая линия была частично защищена баррикадами из дров и ярусами каменного угля. Вторая линия расположилась под прикрытием стен Арсенала. Боевики упорно защищали свою цитадель. Каждый сознавал, что идет борьба за власть рабочих и что поражение Арсенала, бывшего в 1917 г. главным оплотом большевизма, снова приведет к передаче власти буржуазии.

Противник начал обстреливать Арсенал орудийным огнем. Мы не дремали: услыхав пушечные выстрелы, мы выставили орудие и в свою очередь стали посылать ответ врагу. Наш обстрел

сделал свое дело [1]). Неприятель после суточного боя не выдержал и повел переговоры о перемирии. Арсенальцы приняли перемирие, но оружия не сложили, а пока шли переговоры, наполняли арсенальские погреба оружием, снарядами и патронами. Был собран актив заводского комитета, где т. А. Иванов сообщил, что победа над юнкерами одержана, но это не значит, что нужно сложить оружие, а наоборот, нужно сильнее вооружиться, охранять завод и склады оружия, так как возможны новые бои...

Несколько товарищей пало тогда на баррикадах. Из них помню одного, Аистова, который во время боя поднялся из-за прикрытия и был убит юнкерской пулей. Многие товарищи были ранены; припоминаю двух подростков, лет 10—12, побывавших на фронте: они своими меткими выстрелами вывели из строя несколько юнкеров.

После октябрьского переворота Ц. Р. захватила власть в городе, расставив всюду свои караулы. Она сразу же повела борьбу с Советом Раб. и Солд. Деп. и большевистской организацией. В ночь на 30-е ноября ее части разоружили большевистские войска и выслали солдат из Киева «геть за кордон». Начались усиленные обыски и аресты.

Бандитский налет Центральной Рады, нанесший тяжелый удар революционным воинским частям, показал арсенальцам, что Центральная Рада взяла курс на уничтожение большевиков и закабаление рабочего класса. Следующий удар был нанесен Арсеналу.

Положение Арсенала было тяжелым: рабочие сидели без денег и работы. Надеяться на то, что уплатит Центральная Рада, не приходилось. Арсенальцы ждали возвращения делегации, которая в начале ноября поехала в Петроград для получения денег в артиллерийском управлении. Долгожданные деньги были привезены в конце декабря.

Центральная Рада пустила по городу провокационные слухи о том, что большевики-арсенальцы получили от большевистского центра огромные суммы денег для ведения агитации. Мы учли это и стали выплачивать деньги день и ночь, боясь налета Центр. Рады. Арсенальские красногвардейцы зорко охраняли заводской комитет от нападения.

---

[1]) Нужно отметить, что в октябрьских боях вместе с Арсеналом восстал ряд воинских частей (авиопарк, понтонный батальон, конно-горная батарея и др.). Восставшие располагали большим количеством артиллерии. (*Ред.*).

Опасения подтвердились. Гайдамаки дважды пытались ворваться в заводской комитет, где хранились деньги. Но оба раза они получили решительный отпор.

Когда деньги были уже выплачены и охрана несколько ослаблена, войска Центральной Рады ночью [1]) захватили завод и выставили там свой караул. Когда рабочие на утро пришли на работу, их в стены Арсенала не впустили... Одновременно Центральная Рада сместила выдвинутого рабочими начальника Арсенала прапорщика Зыкова. Завод был об'явлен закрытым под предлогом перевода его на производство сельско-хозяйственных орудий. Арсенальцы поняли маневр Центральной Рады и организовали митинг для обсуждения ее политики и вопроса об исчезновении Леонида Пятакова, арестованного на квартире в конце декабря. Решили послать в Центральную Раду делегацию. Ей дали наказ категорически требовать открытия Арсенала и освобождения Леонида Пятакова.

Положение после посещения делегацией Центральной Рады не улучшилось, напряженное состояние рабочих достигло крайних пределов. Такое положение длилось до 15 января 1918 г.

15 января в Арсенале появился Саша Горовиц. Мы созвали в завкоме совещание бывших тогда в Арсенале партийцев. Собралось человек 30. Тов. Горовиц доложил нам об организации Советского правительства в Харькове и о том, что оно уполномочило его принять участие в организации в Киеве восстания против Центральной Рады. Он заявил, что для этого нужно организовать революционный комитет, который из Арсенала должен руководить восстанием.

Решили установить связь с воинскими частями, для чего выделили нескольких т. т. (Следовского, Ольшанского, Ефимова, Стругина и др.). На совещание явились и представители воинских частей — т. Мищенко из Сагайдачного полка, командир Богдановского куреня [2]), расположенного напротив Арсенала, полуботковцы и представители огнестрельного отдела. Одновременно с этим, на сторону арсенальцев перешла охрана завода. Переход охраны на нашу сторону дал нам возможность без всяких затруднений подготовить Арсенал к новому восстанию. Благодаря

---

[1]) Это было 5 января. (*Ред.*).

[2]) Остальная часть полка выступила против Арсенала. (*Ред.*).

связи с Богдановским куренем, мы, воспользовавшись благоприятной погодой (был туман и дождь), перенесли в Арсенал все оружие, вывезенное 5 января Ц. Радой из Арсенала и сложенное в казармах куреня. Приступили к сборке орудий, для чего были привлечены мастера-специалисты — Остапенко и Сименовский.

Центральная Рада пронюхала, что в Арсенале творится что-то неладное, и выслалала к Арсеналу разведку на грузовых автомобилях. Разведка эта была врасплох захвачена арсенальцами на Московской улице, возле заводского комитета. Разведчиков без единого выстрела обезоружили, а грузовики взяли для перевозки снарядов и патронов из огнестрельного отдела. В ревком избрали т. т. Горовица, Костюка, Фиалека и Мищенко. Все пункты Арсенала, которые могли подвергнуться нападению Ц. Рады, были укреплены пулеметами и бомбометами.

Вслед за разведкой Рада выслала к Арсеналу кавалерию. Арсенальцы подпустили шагов на двести отряд, двигавшийся на Арсенал по Александровской улице, и открыли пулеметный огонь. В результате кавалерия отступила, усеяв улицу трупами лошадей и кавалеристов.

Вслед за кавалерией на завод был двинут броневик. Сначала он без единого выстрела проехал мимо Арсенала вдоль по Московской улице, а потом возвратился обратно и обстрелял всю северную линию Арсенала из пулемста и однодюймового орудия. Броневику отвечал наш пулемет; были пущены в ход гранатные бомбы. Получив отпор, броневик ушел.

Ночь прошла спокойно. Мы закончили сборку орудий и выставили их на передовых пунктах. В эту же ночь мы наладили связь с другими районами города — и получили сведения, что все районы готовятся и по первому сигналу Арсенала поднимут, при поддержке воинских частей, восстание во всем Киеве. Представители же железнодорожников заявили, что как только восстанут, они прежде всего остановят всякое ж.-д. движение, захватят броневые поезда и лишат Раду возможности подвозить войска для разгрома восстания.

В ту же ночь в Арсенал стали подвозить запасы продовольствия [1]. Привозили также на захваченных грузовиках оружие и патроны из огнестрельного склада.

---

[1]) Продовольствие доставляли дня три, после чего, когда все пути были отрезаны, снабжение прекратилось. Запасов было недостаточно для того, чтобы

16 января в 4 часа дня снова начался бой. В течении почти двух суток не смолкали орудия и пулеметы. Арсенальские стены дрожали от взрывов, но арсенальцы не падали духом, ожидая поддержки других районов и прихода муравьевских войск.

18-го в Центральную Раду была отправлена делегация во главе с т. Мищенко [1]). Несмотря на гарантии, данные Центральной Радой Военно-Революционному Комитету, делегация была арестована и не вернулась в Арсенал. Бодрость восставших начала падать. Саша Горовиц был ранен в руку и передал мне председательствование в ревкоме. Вскоре мы получили известие о том, что отступавшие, под напором Муравьева, петлюровские части захватили Слободку. В Арсенал стали сходитьсл оттуда рабочие.

Петлюровцы захватили полигон и открыли стрельбу по Арсеналу из орудий крупного калибра. Наша батарея отстреливалась, сосредоточивая одновременно огонь на Ц. Р., заставляя ее несколько раз менять помещение. Наступающие петлюровские части отрезали путь через Московскую улицу, которым доставлялись в Арсенал снаряды и продовольствие, и захватили наши грузовики. Мы потеряли всякую надежду на получение снарядов и патронов. (Нужно заметить, что за это время мы выпустили не менее 200 снарядов и несколько сот тысяч патронов).

Когда гайдамаки отрезали дорогу к Днепру, мы решили устроить вылазку. Вылазка удалась. С ожесточенным боем мы продвинулись до казарм Богдановского полка, очистив от врагов Московскую и Никольскую улицы и Бутышев проулок до 2-го юнкерского училища. Благодаря вылазке, удалось достать кое-какие припасы, главным образом сухари, а также снаряжение и обувь, которая была очень нужна нашим товарищам, ходившим без сапог.

Многие бойцы ушли из Арсенала, так как продуктов все же не хватало. Нужно указать, кроме того, на большое количество раненых. Все эти обстоятельства обессиливали Арсенал и положение завода стало критическим. Снарядов и патронов осталось очень мало.

накормить защитников Арсенала, число которых доходило до пяти тысяч человек (*К.*).

Цифра значительно преувеличена. Во время январьских боев в Арсенале было не больше 1.500 чел. (*Ред.*).

[1]) Более подробное описание событий, связанных с посылкой делегации, дано в воспоминаниях т. Мищенко «Три дня в осажденном Арсенале», — см. настоящий сборник. (*Ред.*).

20-го января стало ясно, что без немедленного подкрепления мы держаться больше не в силах. В этот же день была отрезана последняя возможность держать связь с Подолом: гайдамаки захватили Никольские ворота и расположились возле водокачки. Понтонеры бросили свои казармы. Саша Горовиц, несмотря на все мои попытки удержать его, ушел из Арсенала потайным ходом, решив привести подкрепление, и больше не возвращался: его схватили и расстреляли возле водокачки гайдамаки.

20-го января, я обследовал погреба и убедился, что снаряды и патроны на исходе. Собрали ревком и штаб и начали обсуждать, как быть. Нам обещали поддержку через три дня, но шел уже пятый день, а подкрепления не подходили.

Было внесено предложение прорваться сквозь вражеское кольцо к огнестрельному отделу на Зверинец через Московскую улицу. Предполагалось, что в авангарде будет находиться группа боевиков, а вслед за ними пойдут женщины, больные и раненые товарищи, при чем весь этот отряд должна окружать цепь пулеметчиков, с таким расчетом, чтобы впереди были помещены пулеметы «Максима», а по бокам американские винтовки «Диск». Мы, таким образом, должны были проложить себе дорогу пулеметным огнем, прорваться к складу, остаться там и, вооружившись, отбивать атаки петлюровцев, дожидаясь подкрепления.

По настоянию части членов штаба, сомневавшихся в удачном проведении этого плана, постановили перенести вопрос на окончательное решение общего собрания. Вечером, когда перестрелка несколько затихла, всех защитников Арсенала, оставив некоторое количество их на передовых постах, созвали на общее собрание. На собрании незначительным большинством голосов было постановлено отвергнуть предложенный план и сдать Арсенал, расстреляв предварительно все снаряды и патроны.

В полночь на 21-е Арсенал начал обстреливать петлюровские броневики со стороны Александровской и Никольской улиц и Бутышева проулка.

Все мы были настолько обессилены, что нам с большим трудом удалось установить орудия. Голумбиевский меткими выстрелами из двух орудий сбил броневик на углу Александровской и Московской ул., воспламенив снарядом бензин в баке, и заставил замолчать второй, наступавший с Бутышева проулка.

Вслед за этим мы развили ураганный огонь по городу, расходуя последние свои снаряды. Бой начал замирать на заре. Мы собрались в последний раз... Часть товарищей решила покинуть Арсенал, а часть — сдаться.

Мне вместе с т. т. Голумбиевским и Некрасовым удалось незаметно выбраться из Арсенала. Мы решили пойти по направлению к дому главнокомандующего. Не успели мы пробраться к валу, как нас заметили и, направив на нас пулемет, арестовали. Некоторое время мы просидели в штабе на Лютеранской улице, откуда нас перевели в городской театр. Нам удалось бежать, и мы отправились навстречу вступающим в Киев войскам Муравьева...

С. СТРУТИНСКИЙ.

В ДНИ ОКТЯБРЯ.

Приближались дни октября. Мне, как начальнику арсенальского отряда красной гвардии, пришлось организовать доставку оружия для рабочих. Винтовок было достаточно, зато патронов и снарядов не доставало, — на каждую винтовку приходилось по 10—15 шт. патронов, а снарядов было всего 5 штук, из них горных 2 шт., и 48 линейных—3. Я отдал приказание своему помощнику Пивоню поставить вооруженную охрану на всех воротах и на задней линии завода.

Ревком дал мне задание вести со своим отрядом бой на территории Арсенала, делая вылазки в том случае, если это не будет угрожать защите завода. Мне сообщили о расположении белых частей, при чем предложили особое внимание обратить на школу прапорщиков, которая находилась неподалеку от Арсенала.

В воскресенье 29-то октября юнкера, подготовив заранее окопы на Александровской и других улицах, начали перестрелку с арсенальцами, засевшими на задней линии.

В понедельник рабочие по гудку вышли на работу. Юнкера снова открыли стрельбу из винтовок и пулеметов. Арсенальцы бросили станки и, вооружившись, начали отстреливаться. Наступавшие юнкера были отбиты огнем наших пулеметов. Часть их отступила обратно в свои окопы и они начали разрывными пулями обстреливать Арсенал и 4-й понтонный батальон.

Юнкера хотели запугать нас подошедшим подкреплением и предложили нам сдаться, но мы не согласились. Узнав, что юнкера готовятся пойти ночью в наступление, мы достали из огнесклада 750 шт. снарядов, два миллиона патронов и большое количество бомб. 3-й авиопарк снабдил нас прожектором, и мы установили его так, чтобы можно было освещать позиции юнкеров. Появление патронов и снарядов сразу подняло настроение всех защитников Арсенала.

После трехдневного боя юнкера, побросав оружие, сдались. Мы захватили у них 300 шт. винтовок, 6 пулеметов, 2 бомбомета, 4 орудия, 1 броневик, много патронов и продовольствия.

Активную помощь нам оказывали 3-ий авиопарк, конно-горная батарея и тяжелый артдивизион. Огонь их артиллерии ускорил нашу победу.

РЫЖЕНКОВ.
(Рабочий Арсенала).

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ.

Узнав про арест В.-Р. К., завком Арсенала командировал меня в авиационный парк для переговоров о мероприятиях для освобождения наших товарищей. В авиопарк, пришли представители понтонного батальона и артмастерской. На совещании решили в эту же ночь овладеть арт. складом, достать побольше винтовок и патронов и силою оружия добиться освобождения В.-Р. К.

Белогвардейская свора почуяла запах пороха, и в ночь на 27 октября юнкера стали рыть окопы и возить грузовиком бревна на Александровскую улицу, неподалеку от Арсенала. На Банковой улице, тоже рыли окопы. К штабу пробраться было невозможно: тщательно проверяли документы и пропуска.

Комитет организовал боевой отряд из вышеназванных частей и рабочих Арсенала для овладения артскладом. Вскоре стало известно, что артсклад захвачен и выставлен наш караул. Нашелся грузовик и началась перевозка оружия в Арсенал. Привезли большое количество австрийских и русских винтовок. Вскоре все рабочие вооружились и завод был готов к бою.

Выбрали ревтройку. Дали распоряжение пехотной команде — занять удобные места и поставить пулеметы; наводчикам-артил-



Участники арсенальских восстаний — рабочие завода.

леристам — установить артиллерию на позициях и подобрать себе в помощь понимающих товарищей; взводным командирам пехоты — сделать прикрытие на задней линии Арсенала из щитов и дров, расставить пехоту и быть готовыми. Все готово. Противник замаскирован зеленью, но мы его видим около дома командующего войсками, по Александровской улице.

2 представителя завкома направились в штаб округа с требованием немедленного освобождения В.-Р. К., дабы избежать кровопролития. Представителям отвечают, что В.-Р. К. не арестовали, арестованы только большевики, и категорически отказываются их освободить. Наши товарищи заявили, что если через час требование не будет исполнено, раздастся орудийный выстрел, открывающий военные действия.

Юнкера заняли позиции, по заранее обдуманному плану, дабы не дать Арсеналу хода на Зверинец, к складам, где хранились снаряды и патроны. Юнкера засели в Николаевском и Александровском военных училищах, школе прапорщиков, (Бутышев пр.), на Собачьей тропе и в доме командующего войсками. Раздался сигнал из орудия — и сейчас же со всех сторон на Арсенал посыпался град пуль со стороны противника.

Целые сутки шла беспрерывная канонада. Много убитых и раненых. Околодок работает беспрерывно. На другой день к вечеру ревтройка получает известие с позиций, что патроны и снаряды на исходе. Ревтройка передает авиационному парку, что необходимо бомбардировать Алексеевское военное училище, чтобы пробиться на Зверинец. Через некоторое время военное училище выкинуло белый флаг. Послали делегацию, которая привезла оружие, аммуницию, с'естные припасы и до 100 чел. пленных юнкеров, во главе с командиром. Оружие сдали в склад, пленных направили в понтонный батальон. Дорога к снарядам открыта. Привозят на автомобиле патроны, снаряды и пулеметные ленты. Авиационный парк переносит свои действия на школу прапорщиков.

Еще выстрел-другой из Арсенала заставляет школу сдаться.

Затрещал телефон: «Передаю из штаба — перемирие на один час для переговоров». Ревтройка согласна, дает ответ штабу: «Вся власть Советам!».

Н. А. ДАРМОСТУКОВ.
(Рабочий сборного цеха Арсенала).

МОЛОДЕЖЬ В АРСЕНАЛЬСКИХ ВОССТАНИЯХ.

Мы, молодняк, о революции получили представление тогда, когда зарево революционного пожара охватило всю страну. Мне было 18 лет, когда я впервые услыхал слова марсельезы и увидел, как покойный тов. А. В. Иванов, Косяков и Ольшанский в уборной вынимали какие-то листовки и раздавали их рабочим. Дома я прочитал одну из листовок и мне до сих пор остались памятными ее лозунги: «земля и воля крестьянам», «фабрики и заводы рабочим, восьмичасовый рабочий день».

После установления Советской власти в Москве и Петрограде, мне пришлось взяться за винтовку. Однажды вечером, в конце октября, не помню, которого числа, мы, молодежь Арсенала, собрались в школу танцев (где была раньше столовка); не успели мы начать танцы, как приходят т. т. Иванов, Горовиц и еще несколько товарищей, и говорят: «Вы нам нужны». Мы пошли за ними. Пришли в Арсенал и начали переносить оружие, которое было спрятано в подвале под теперешней технической частью.

После этого, вооружившись, мы расположились против Мариинского парка на задней линии Арсенала, за кучами угля.

Мне попалась винтовка японского образца, которой я не умел владеть. Кто-то из стариков наспех обучал меня обращению с нею.

Лежим мы в углу. Винтовку я высунул в отверстие щита. Ночь, темно, ничего не видно. Моросит холодный дождь. Все легко одеты, но терпим.

Аистов подбадривает: «Потерпите, ребята, немного, да не спите, а прислушивайтесь в оба, и как только кадетская сволочь полезет на забор, берите ее на мушку». Наступил рассвет. Принесли нам на баррикады еду—ржавые сельди и хлеб.

Со стороны неприятеля раздались первые выстрелы. Мы молчим, не тратим напрасно дорогих патронов. Юнкера пошли на штурм, желая пробраться через забор внутрь завода. Дружным залпом встретили мы их атаку. Часть юнкеров повисла на заборе убитыми, другие в панике бежали.

Во время перестрелки мы потеряли т. Аистова. Юнкерская пуля убила его наповал, в то время, как он выглянул из-за прикрытия.

После отражения неприятельской атаки нас троих послали на разведку на Никольскую улицу, узнать, как расположен фронт возле Бутышева проулка и школы прапорщиков. Когда мы подошли к 5-й гимназии, нас обстреляли гимназисты. Отстреливаясь от них, мы вбежали в здание почты, а оттуда через слуховое окно выбрались на крышу, с крыши во двор, и через заборы добрались до проулка, который выходит к аптеке возле Арсенала. Видим, на углу стоит юнкер с ручным пулеметом. Убив юнкера, мы захватили пулемет и возвратились в завод.

* * *

Большую роль сыграл молодняк и в январском восстании. В Арсенал тогда стекались рабочие водопровода, Демиевского завода, ЦЭС'а, вокзала и др. предприятий. Арсенал представлял собою крупную боевую единицу на Печерске. Это была неприступная крепость. Навозили мы с огнестрельного склада снарядов, выкатили на Московскую улицу орудия и открыли огонь по Центральной Раде.

Через два-три дня боя приехали гайдамацкие парламентеры для переговоров о перемирии. Но мы отказались сложить оружие, несмотря на то, что испытывали лишения и усталость от бессонных ночей и отсутствия пищи.

Хлеб, гнилые селедки и картошка уже были на исходе. С большим трудом кое-какую пищу подносили наши жены и сестры. Нас успокаивало то, что вот-вот подойдут войска Муравьева. Однако положение ухудшалось с каждым днем, в особенности оно ухудшилось, когда неприятель взял прицел по заводу и в орудийную попало несколько снарядов. По двору пробежать было трудно. Много было убитых и раненых. Мы чувствовали, что оказывать сопротивление неприятелю дальше невозможно. Арсенал был со всех сторон окружен петлюровцами.

Настал час сдачи Арсенала, все знали, что теперь не будет спасения. Стали прощаться. Открыли ворота. Броневики направили на нас пулеметы, и мы думали, что нас будут расстреливать. Каждый ждал, чтобы гайдамаки поскорей кончали свое гнусное дело. Нас собрали в одну толпу, а кто не хотел итти, того силой тащили, подгоняя ударами прикладов в спину. Многие кричали, чтобы петлюровцы расправлялись с нами скорее здесь, на месте, а не вели дальше. Собралось много родственников, жен, детей, поднялся крик.

Женщины хватали гайдамаков за шинели, за ружья, целовали руки, умоляли о пощаде, но мольбы не помогали. Нас собрали и погнали к стенам понтонного батальона, где уже валялись трупы расстрелянных понтонеров, которые дрались вместе с нами.

Расставив нас в одну шеренгу, петлюровцы направили на нас два пулемета, как бы для расстрела. Мы уже не думали, что останемся в живых. Неожиданно откуда-то появились два легковых автомобиля, в них сидело несколько человек,—какая-то военная миссия, не то французская, не то чехо-словацкая. Между ними и гайдамаками завязался спор, после чего нас снова сбили в толпу и, подгоняя плетками тех, кто не в силах был итти, погнали на гауптвахту.

Всю дорогу нас избивали прикладами и, пригнав на гауптвахту, заперли в холодные камеры. Многих раненых прикончили штыками по дороге...

Гайдамацкий террор навсегда останется в памяти рабочих, переживших его...

ЧАПЛИНСКИЙ.

(Рабочий кузнечного цеха Арсенала).

В БОЯХ.

В понедельник 30-го октября, утром, рабочие по гудку стали стекаться в Арсенал. Настроение в городе было тревожное, юнкера кучками ходили по улицам. Когда я поравнялся с домом губернатора, стоявшие там юнкера встретили меня руганью и, прежде чем пропустить, угрожали штыками. Я еще не знал, что 29-го вечером была уже первая стычка арсенальцев с юнкерами, хотя и видел, как за несколько дней до боя юнкера рыли окопы в Мариинском парке и в яру, который отделяет Арсенал от дома главнокомандующего.

Когда я пришел на завод, большинство рабочих было уже там. В кузнице раздули огни, но к работе не приступали, а группами обсуждали происходившее. В это время в сборочной созвали собрание, куда из кузницы двинулось человек 300. Решили вооружиться и готовиться к бою.

После собрания рабочие вернулись в кузницу, разобрали бывшие там 150 винтовок, а остальные взяли в сборочной и в зав-

коме. Товарищей разбили на взводы, в каждом человек по 35. Из взводных руководителей нашего цеха я помню молотобойца Крушельницкого (погиб в январских боях) и Никиту Романова. Я был во главе взвода, который получил задание охранять Никольские ворота и вести обстрел Мариинского парка и дома главнокомандующего. Взвод Крушельницкого охранял кузницу по Московской и наблюдал за Левандовским переулком.

30 октября бой длился весь день. Мой взвод забрал у юнкеров 2 пулемета; кто-то из наших удачным выстрелом сбил с елки во дворе главнокомандующего наблюдателя, который скатился вниз, оставив на елке бинокль.

Нас обстреливала 1-я школа прапорщиков, которая находилась в 15 номере по Московской, угол Бутышева пр. Мы пустили туда два снаряда. Группа боевиков сделала вылазку и атаковала здание школы, бросая туда бомбы. Юнкера выкинули белый флаг, и мы взяли там в плен свыше 100 чел.

31-го октября наша цепь двинулась через Никольские ворота и овраг на штурм противника, и мы кольцом окружили дом главнокомандующего, Мариинский парк и дворец. Группа боевиков захватив в доме главнокомандующего большое количество револьверов, биноклей и продовольствия, осталась там для охраны. В здании бывш. удельного ведомства забрали свыше 200 чехословаков, они сдали нам оружие и заявили, что они держат нейтралитет и просят выпустить их из Киева. Юнкера были разбиты, и через 2—3 дня большинство их выехало из города.

Рабочие в октябре победили, но власть захватила Центральная Рада, которая решила закрыть Арсенал и обезоружить рабочих. 5-го января в завод ворвались гайдамаки, разоружили охрану, перерезали ремни передачи и захватили завод. Несколько дней спустя, после заявления Рады о том, что она собирается вывозить из Арсенала уголь, рабочие решили восстать.

Восстание началось 15 января, в понедельник. К арсенальцам присоединились солдаты 5-го и 6-го понтонного батальона. Вечером пришел с Подола полк Сагайдачного.

В кузнице собралось человек 70 кузнецов. Все вооружились и расположились возле окон, по два с каждой стороны, под защитой простенков. Начали обстрел проезжавших мимо броневиков. Тем временем в наш цех пришло подкрепление — это были подольские рабочие, главным образом молодежь. Общее коли-

чество бойцов в цеху доходило уже до 200 чел. Дрались в три смены. Одна отдыхала, а две вели бой.

Восстанием руководил Саша Горовиц. Он воодушевлял рабочих, поднимал их дух в самые критические минуты, призывал держаться до конца.

Во вторник удалось собрать до 10 орудий. Снаряды [еще с октябрьских боев были у нас сложены в подвале токарного цеха. Мы начали обстрел Ц. Рады и батареи противника, расположенной в районе Клинического городка.

Бой длился пять суток. Силы Арсенала истощились. 20-го на общем собрании обсуждался вопрос о сдаче арсенала. Был предложен план отступления. Думали пробиться сквозь кольцо врагов в огнестрельный отдел и, укрепившись там, дождаться прихода Муравьевских войск. Большинством этот план был отвергнут, как слишком рискованный. Решили держаться до последнего патрона.

Петлюровцы открыли сильнейший огонь. В орудийном и сборочном цехах вылетели все стекла. Наши патроны и снаряды иссякли. Человек 100 вышли из Арсенала с белым флагом. Их встретили пулеметным огнем и они отступили обратно в ворота Арсенала, оставив на улице труп кузнеца Анищенко.

Окруженный гайдамаками Арсенал сдался. Петлюровцы ворвались туда со стороны богдановских казарм и Кловского спуска. Мы решили пробраться к Днепру через понтонный батальон, но под окнами токарного цеха со стороны задней линии нас встретили гайдамаки. Пришлось пройти сквозь строй гайдамацких прикладов и нагаек.

Помню, когда я пробегал под вагонами у Никольских ворот, меня кто-то схватил за рукав. Оказалось, что это был один из гайдамацких атаманов. Меня спросили, где Евгения Бош. Я ответил: «Не знаю». За что я получил сильный удар прикладом по спине, сопровождавшийся словами: «Воевать, злодей, умеешь, а где Евгения Бош—не знаешь». Я рванулся вперед и, подбежав к стене понтонного батальона, смешался там с группой товарищей, захваченных в Арсенале.

Нас обыскали и отобрали оружие. Подошел оркестр и заиграл «Ще не вмерла Україна». Два гайдамака принялись отплясывать гопака. На нас навели пулеметы и выставили роту гайдамаков с винтовками наготове. Все приготовились к смерти. В это время под'ехал автомобиль, в котором сидели трое каких-то ино-

странных военных. Расстрел приостановили и нас погнали в крепость. По дороге нас гнали бегом, били отстающих нагайками и прикладами, топтали лошадьми. Мне, несмотря на то, что я был ранен в ногу, тоже пришлось бежать вместе с другими, потому что тех, кто падал, добивали прикладами и рубили саблями.

В крепости нас разместили по камерам. Там нас снова обыскали и отобрали деньги, ремни, ключи и даже профсоюзные книжки. Охрана предложила нам взбунтоваться и бежать. Мы, опасаясь провокации, решили не выходить из камеры и защищаться чем попало, если бы нас попытались выводить силой... Утром петлюровцы бежали от советских войск. Мы были освобождены группой красногвардейцев и пошли вместе с ними в Волынские казармы. Там мы вооружились винтовками и отправились вслед за отступающими петлюровцами. Только на тринадцатый день я возвратился домой...

МИЩЕНКО.

(Комендант Арсенала в первые дни январского восстания).

ТРИ ДНЯ В ОСАЖДЕННОМ АРСЕНАЛЕ [1]).

(Январь 1918 г.).

Первая половина января 1918 года, предшествующая восстанию пролетариата г. Киева, явилась для последнего периодом подготовки к наступлению. Противник тоже не дремал и принимал все меры к тому, чтобы ослабить мощь рабочих. Но обстановка была такова, что он не в состоянии был осуществить и провести в жизнь предначертанные им мероприятия по борьбе с рабочей опасностью. Хаос и неразбериха сопутствовали господству Центр. Рады во всех областях: хозяйственной, политической и военной. Это особенно чувствовалось в центре ее хозяйничанья — Киеве. И это не могло не отразиться на ее положении.

[1]) Мы печатаем здесь часть статьи т. Мищенко, помещенной в журнале «Летопись Революции» 1924 г., № 3, так как она дает ряд ярких эпизодов борьбы Арсенала с Ц. Радой и точную картину стратегии январских боев в Арсенале на протяжении первых трех дней восстания и так как помещенный в ней материал незнаком киевским рабочим.

Престиж Ц. Рады во всех слоях населения города неудержимо падал. Неуменье ее руководителей справиться с царящей в городе анархией, бандитизмом еще больше накаляло создавшуюся атмосферу. К этому всему присовокуплялись поражения петлюровской рати на внешнем фронте. В предсмертной агонии Рада все же судорожно пыталась осилить свою болезнь, встать с постели и показать свою бодрость.

Нужно сказать, что Рада, помня октябрьские дни, принимала свои меры заранее.

В последних числах ноября [1]) были разоружены стоявшие в Киеве большевистски-настроенные части и солдаты их выведены из Киева, как «москалі». В первой половине января [2]) Рада предприняла нападение на Арсенал с целью разоружить арсенальскую красную гвардию и забрать замки от орудий. Имело место кровавое столкновение между войскам Ц. Рады и арсенальцами, послужившее прологом к более серьезным и решающим событиям.

Подготовка к восстанию велась под руководством киевского комитета большевиков и представителя ЦИКУ [3]) Саши Горовица, специально присланного из Харькова, куда он переехал после 1-го С'езда Советов для работы в ЦИКУ. Но какого-либо центрального плана восстания не было. Все расчитано было на внезапность и одновременность выступления во всех концах города.

Первыми выступили из казарм национальные украинские части, в лице казаков Сагайдачного и Полуботковского полков.

Попал я в Сагайдачный полк следующим образом. В начале декабря я был задержан войсковым комитетом Ц. Р., как украинец, когда приезжал в Киев для переговоров по делам 5-го армейского корпуса, и назначен командиром 1-го батальона Сагайдачного полка. В Киеве я был новым человеком, и агенты Ц. Рады не были осведомлены о моей принадлежности к партии большевиков. Несмотря на принятые Ц. Радой меры, 1-й батальон Сагайдачного полка больше всех поддался нашему влиянию. Были случаи изгнания из казарм агитаторов Ц. Рады, появилось выборное начало командного состава, в результате которого большинство офицеров выброшено.

---

[1]) В ночь с 29 на 30 ноября 1917 г. (*Ред.*).

[2]) 5-го января. (*Ред.*).

[3]) Центральный Исполнительный Комитет Украины, избранный первым Всеукраинским С'ездом Советов в Харькове, 12 декабря ст. ст.

Первый батальон Сагайдачного полка находился в Софиевском епархиальном училище, другие батальоны Сагайдачного полка по своей отдаленности (Подольский район) и составу могли быть использованы частично.

В ночь с 15 на 16 я в казармы вернулся сравнительно поздно, примерно в 1 час ночи. Тут царила полная сумятица, крик, гам. Кто был одет и стоял в куче разговаривающих и обсуждающих, кто лежал на нарах, наблюдая за происходящим и изредка отпуская реплики. В центре толпы стоял один товарищ (фамилии не помню) и о чем-то громко разговаривал. Когда я приблизился к толпе, она быстро разомкнулась, дав мне дорогу в центр, и в унисон заговорила: «Вот наш командир, он пойдет вместе с нами».

О готовящемся восстании я знал из сообщений многих товарищей, с которыми мне приходилось сталкиваться при своих выступлениях на митингах в украинских полках, но точный день начала его мне был неизвестен, и это сообщение было для меня некоторой неожиданностью.

В куче казаков я встретил представителей от полка Полуботка и от рабочих (Арсенала). От них я более подробно узнал о готовящихся событиях. Они также заявили, что имеет большое значение для успеха восстания, если его начнут и примут в нем участие украинские национальные полки. Конкретно предлагалось занять Арсенал, который и мог бы служить опорным пунктом восстания. Мне эта идея казалась более целесообразной, и я безоговорочно принял. В $2^1/_2$ час. ночи Сагайдачный полк, в составе первого батальона и части 3-го и 4-го, общей численностью в 450 штыков, выступили из казарм по направлению к Арсеналу.

Арсенала мы достигли примерно в 3 часа ночи. Здесь уже находилось много рабочих. Наскоро в одном зале среднего корпуса организовано было собрание гарнизона Арсенала, на котором я, как наиболее сведущий в военном деле (б. шт.-капитан), единогласно был избран комендантом Арсенала. Оставалось приступить к исполнению своих обязанностей по организации обороноспособности нашей крепости. В Арсенале уже сорганизован был ревком и меня ввели в него членом. Состава ревкома персонально сейчас не помню.

Один из членов ревкома ознакомим меня с расположением пулеметов, орудий, окопов и стрелков в последних. Обороноспособ-

ность Арсенала оказалась вполне удовлетворительной, несмотря на отсутствие спецов.

По своему устройству Арсенал напоминает нечто вроде кольцеобразного форта, северная и восточная часть которого окаймлена основательным забором и массивными кирпичными постройками под мастерские; южная и западная часть (в сторону города) хотя не имеют массивных сооружений, но их здесь с успехом заменяет рельеф местности — крутые овраги и канавы у самого Арсенала и пологая, открытая и легко поражаемая местность, спускающаяся к городу. С точки зрения военной — южная и западная стороны являются наименее уязвимыми, как это подтвердили и сами события. Северная и восточная части представляют некоторую опасность, так как от остальных построек города их отделяли лишь узкие улицы, следовательно, противнику было легко подходить сюда вплотную. Именно с этой стороны петлюра потом брал Арсенал.

Арсенальцы все это до некоторой степени учитывали. Но они меньше всего ожидали опасности извне (со стороны Дарницы) и все усилия направили к ограждению себя со стороны города. Для этой цели вся западная и южная часть Арсенала была изрыта окопами, здесь было выставлено наибольшее количество пулеметов; была также выставлена батарея фронтом на северо-запад (в направлении Александровской улицы). Восточная часть (около казарм Инжбата) была защищена от нападения из города тем, что Арсеналом были выставлены поперек улицы вагонетки и устроены из них и подручного материала баррикады. В общей совокупности это было вполне достаточно для задержки противника двигающегося из города, но совершенно не обезпечивало от нападения извне. Укрепления северной части Арсенала заключались в том, что тут была установлена усиленная охрана с пулеметом при входных воротах; никаких бойниц в самом кирпичном здании устроено не было. Со стороны военного училища на Печерске Арсенал охранялся жидкой цепью стрелков — в этой части полагались на помощь полуботковцев, которые имели казарменное положение в этом районе.

Следовательно, обороноспособность Арсенала была однобокой. Вся ее мощь направлялась в стороны города, игнорируя восток и север. Но по средствам, которыми Арсенал располагал, оборона его была организована больше чем удовлетворительно. Еще

одно обстоятельство было неблагоприятным для Арсенала. Он совершенно не имел тыла, куда бы, в случае неудачи, мог отойти и откуда бы во время восстания получать все необходимое. Север, долженствовавший послужить тылом, упирался в городские постройки, между которыми по улицам очень трудно было сообщаться.

Гарнизон Арсенала, вместе с рабочими и казаками полков Сагайдачного и Полуботковского, составлял, примерно, 1000 человек или немного больше.

Изучив позиции, я отправился в ревком. Ревком помещался на втором этаже корпуса. Здесь я застал почти всех членов, которые горячо обсуждали события. Перед этим мною было отдано по гарнизону распоряжение впредь до особого приказания действий не начинать. В ревкоме тоже обсуждался этот вопрос. Пришли к выводу, что прежде необходимо получить сведения о ходе подготовительной работы в остальных районах г. Киева, чтобы начать одновременно и внезапно восстание.

Но события брали свое. Не успел я спуститься вниз во двор, как до моего слуха долетел артиллерийский и пулеметный огонь. Ретивое сердце рабочего не выдержало и пустило оружие по врагу. Выстрелы последовали со стороны Арсенала по гайдамацкой конной сотне, которая по Александровской улице направлялась на разведку, а может быть и для действий, по направлению к Арсеналу. Огонь был настолько удачен, что ехавшая в строю сотня быстро смешалась в кучу, часть лошадей попала под электрический ток оборванного трамвайного провода, — в конечном счете вся сотня в панике умчалась вниз к Купеческому саду. Это событие подняло на ноги всех защитников Арсенала, послышались одиночные беспорядочные выстрелы, которые потом пришлось прекратить.

* * *

В ночь на 16 января состоялось совещание комитета большевиков с райорганизаторами, на котором было решено немедленно выступить против Центральной Рады.

Весь гарнизон Арсенала ночь с 15 на 16 января провел в напряженном состоянии. Почти никто не спал. Естественно, что к утру большинство из защитников склонило свои головы на винтовки и погрузилось в сон. Я опасался, как бы противник не застал нас врасплох. К счастью, этого не случилось. Хотя нами

не устанавливалась очередь отдыха, но она появилась сама, так что часть людей бодрствовала, а часть засыпала.

Но тут явилась другая опасность. Арсенал не располагал достаточным количеством продовольствия. Проголодавшиеся к утру рабочие и казаки поочередно начали уходить домой за провиантом. К этому времени начало выясняться поведение Центр. Рады. Она мобилизовала все на борьбу с пролетариатом города. Было чрезвычайно важно дать ей сразу должный отпор. Текучесть состава гарнизона могла бы этому помешать.

К 12 часам дня удалось кой-как наладить дело снабжения продовольствием. Этому во многом помогла своей энергией одна работница-большевичка, которая одновременно взяла на себя функции заведывания санитарной частью гарнизона Арсенала.

Примерно около 12 час. дня показались неприятельские цепи со стороны дома губернатора, в направлении южной и западной части Арсенала, всего 1000 — 1500 чел. с пулеметами. По разношерстному одеянию можно было легко догадаться, что это были «вільні козаки». Наступая быстро в отдаленности, они, при приближении к Арсеналу, замедлили темп движения и перешли на перебежки кучками: среди них было много офицеров. Эти цепи были встречены со стороны Арсенала дружным пулеметным и ружейным огнем и отхлынули назад.

До вечера на этом участке была лишь частая перестрелка с приближающимися и удаляющимися передовыми цепями «вільних козаків». Как потом я узнал, они в первую атаку на Арсенал понесли сравнительно большие потери и больше не собирались брать Арсенал с северной и южной его стороны и оставили здесь только незначительный заслон.

Были попытки подхода гайдамаков к Арсеналу со стороны б. киевского военного училища, но последние с легкостью отбивались цепью Арсенала. Северная и восточная стороны Арсенала пока находились вне сферы боевых действий. Эта часть служила лазейкой для осведомления о положении противника. Ревком Арсенала с утра нарядил лиц для связи с другими районами города и получения информации и событиях. Это разведчики, преимущественно женщины, были выпущены из Арсенала через ворота восточной стороны. Отсюда же пытались проникать в Арсенал и разведчики от Рады (из числа офицеров), которые легко опознавались, тут же обыскивались и задерживались в качестве заложников.

Вечером 16 января состоялось заседание Совета Рабочих и Солдатских Депутатов (в помещении коммерческого института, на Бибиковском бульв.), на котором обсуждался вопрос о взаимоотношениях между Радой и Советами. Вопрос ставился уже конкретно в плоскости восстания и организации всеобщей стачки. На этом заседании было заслушано сообщение о найденном на посту Волынском трупе Леонида Пятакова, увезенного в ночь на 25 декабря из дому и замученного гайдамаками. Настроение рабочих было чрезвычайно приподнятое и решительное. К концу заседания послышались звуки разрывавшихся снарядов. Заговорили арсенальские пушки, им отвечали орудия Центр. Рады. Совет Рабочих Депутатов официально прокламировал восстание и избрал ревком и стачечный комитет.

С своей стороны, руководители Ц. Рады, во главе с Грушевским, поспешили принять надлежащие меры. Так, был отдан приказ о приведении в боевую готовность национальных полков (Георгиевского, Дорошенка и др.); на утро уже появились организованные студенческие и офицерские отряды. Некоторые из частей гарнизона (Георг. полка), отказались выступить и об'явили себя нейтральными. Полк им. Дорошенка выступил. Зато почти вся украинская шовинистическая интеллигенция пошла на баррикады; офицеры оставили нейтральные части и отправились сражаться на улицы. Всякое движение по городу было прекращено.

К вечеру уже мы имели сведения, как руководители Ц. Рады обращаются с арестованными повстанцами. Судебная процедура для расстрела допускалась только в отношении наиболее важных рабочих руководителей; конечно, оправдательного приговора не выносилось никому. Рядовых же рабочих-повстанцев схватывали и расстреливали без суда в застенках комендатуры города или же на месте поимки. При этом не важно было найти у него оружие. Достаточно было иметь только мозоли на руках, чтобы быть причисленным к повстанцам и немедленно расстрелянным.

В Арсенале за день 17 января никаких перемен не произошло. Доставка продуктов приостановила утечку рабочих и солдат за пищей в город. Противник изредка обстреливал Арсенал артиллерийским огнем из города, но особого ущерба не наносил. За день почти всему гарнизону удалось отдохнуть от напряженно проведенной прошедшей ночи, прибыла часть арсенальских рабочих, которые по тем или иным причинам не присутствовали ночью

в Арсенале, в количестве примерно 40—60 человек, что, в общей сложности, с некоторой утечкой, оставило гарнизон количественно на прежнем уровне. Прибывали также одиночки от разных частей и предприятий г. Киева и вступали добровольно в гарнизон.

Вечером на заседании ревкома было постановлено установить более тесный контакт с действующими повстанцами в других районах, выяснить более подробно происходящие вокруг события.

Ночь с 17 на 18 января прошла сравнительно спокойно. В городе лишь изредка слышалась редкая перестрелка, иногда переходящая в сильный ружейно-пулеметный огонь, через несколько минут затихающий. Одиночные артиллерийские выстрелы посылались из города батареями Ц. Рады в сторону повстанческих районов и к Арсеналу. Электрическая станция и водопровод пока по городу действовали.

Примерно около 2 часов ночи артиллерийский снаряд, разорвавшийся в электростанции, приостановил ее работу. В городе наступила непроглядная тьма, что вызвало несколько учащенную перестрелку между сторонами. Рабочие городской водокачки отказались работать; испортился водопровод и перестал тоже работать. Население осталось без света и воды. Это имело большое значение для рабочих в смысле успеха в победе над противником. Окраины, где действовали рабочие-повстанцы, имели колодцы (Куреневка, Соломенка) а также р. Днепр, в то время как войска Ц. Рады на следующий же день лишились воды и томились от жажды.

Артиллерия, пулеметы, бронемашины требовали воды, но ее лишь с величайшим трудом можно было достать. Районы, соприкасающиеся с водой (Днепр, Подол), обстреливались рабочими-повстанцами.

Одновременно, в городе началась стачка. Все магазины закрылись. Жизнь остановилась. Население центральной части города, где действовали отряды Рады, задыхалось от жажды и голода. Подвоз продовольствия извне был прекращен. Обыватели готовы были бы согласиться на победу большевиков, лишь бы прекратились их муки.

* * *

При таких перспективах стороны встретили утро 18 января. Эти перспективы были далеко не радужными для Ц. Рады, невзирая на численное превосходство ее войск над повстанцами.

Для последних обстановка складывалась несомненно более благоприятно. К утру наши разведчики и посланные для связи с другими районами доставили в Арсенал более подробные сведения о событиях прошедшего дня, подтверждающие ранее полученные сведения. Кроме того, ими сообщалось, что другие районы с утра 18 января собираются сделать решительное наступление для овладения городом. Рабочие железнодорожных мастерских, выступившие накануне и захватившие вокзал, думали предпринять штурм здания Ц. Рады, как ближе к ним находящегося, где продолжались еще заседания Рады и ее фракций и решались вопросы обороны города.

Рабочие Куреневского и Подольского районов намеревались предпринять наступление на полиц. управление города (Житомирская ул.) и телефонную станцию, а также вдоль левого берега р. Днепра (Подол) для установления связи с Арсеналом. Арсеналом предполагалось сделать вылазку по Александровской улице в сторону Институтской, где находилась резиденция коменданта города. Противник тоже не дремал. По доходившим до нас сведениям войска Ц. Рады сгруппировались главным образом в районе вокзала и по направлению к Арсеналу, куда ими стягивались отборные части.

Еще на рассвете стали показываться неприятельские цепи к востоку от Арсенала, которые с утра перешли в энергичное наступление. Одновременно с этим был открыт по Арсеналу ураганный артиллерийский огонь из города, под прикрытием которого продвигались наступающие цепи. Заработали по Арсеналу также тяжелые орудия из Дарницы, которые войскам Рады удалось пустить в дело. Несмотря на сильный артиллерийский огонь, все же защитники Арсенала оставались на своих местах и ружейно-пулеметным огнем сдерживали наседающие цепи. При этом не чувствовалось никакой подавленности, все сражались с особенным энтузиазмом, у всех было написано на лице: «либо победить, либо умереть».

Артиллерийский огонь противника давал себя чувствовать. В первый же день у нас оказалось много раненых и убитых. Раненых не успевали быстро перевязывать наши «самодельные» врачи и санитары (конечно, не специалисты). Многие раненые после перевязки, несмотря на явно ощутимую боль, возвращались обратно на баррикады. Остальные были размещены на полу

в мастерских главного корпуса. Снаряды делали повреждения в самых строениях, где уже небезопасно было производить работы по заготовке продовольствия и перевязке раненых. Некоторые из защитников были поражены осколками стекол и кирпича. Но все же гарнизон стойко защищал свои посты.

Со стороны военного училища, примерно около 12 час. дня, возобновили атаку украинские юнкера; они были отбиты усилившейся цепью из рабочих Арсенала, расположенной у юго-восточного угла Арсенала. Атаки на Арсенал, с указанных мною сторон, продолжались противником стойко далеко за полдень, но все они были с уроном для него отбиваемы ружейно-пулеметным огнем.

По Александровской улице показывалось несколько бронемашин, державших направление на Арсенал, которые отбивались артиллерийским огнем батарей Арсенала и уходили обратно к Крещатику. К концу дня противнику не удалось достичь хотя бы минимальных успехов. Его цепи прекратили свое продвижение и застыли на своих местах. Зато артиллерия Ц. Р. продолжала все время свою работу нанося все большие и большие потери гарнизону Арсенала. За период всего 8 часов (до 3 часов дня) мы уже насчитывали десятки раненых, нескольких убитых. Хотя подавленности духа не было заметно, но становилось очевидным, что гарнизон за день изнурился и частично убыл. В связи с предпринятым наступлением противника с утра 18 января, мы отказались от своего первоначального плана вылазки, а ограничились обороной Арсенала.

Днем нами получены были сведения о действиях остальных районов г. Киева.

Энтузиазм повстанцев особенно повысился, когда стали проникать в г. Киев сведения о поражении войск Петлюры большевиками у Бахмача и Полтавы. В этот момент все они жили одной мыслью: «продержаться во что бы то ни стало до прихода советских войск».

В общем, к 4 часам дня повстанцы занимали более выгодное положение в тактическом смысле, нежели войска Рады. За исключением Арсенала, все районы повстанцев имели тыл свободным и могли располагать им для продовольствования и доставки необходимого. Но разобщенность имела свои невыгодные качества. Вся телефонная сеть находилась в руках противника, а повстанцы сообщались между собою только с помощью живой связи — по-

сылкой курьеров и разведчиков (последние часто попадали в руки противника). В результате донесения запаздывали и каждому району приходилось выступать самостоятельно и действовать на свой страх и риск, без всякой связи с другими районами. При таком положении противник мог бить повстанцев по частям. Если согласованные действия и происходили, то вне связи с каким бы то ни было планом, а стихийно, по случайному совпадению.

Войска Центральной Рады к вечеру 18 января почти на всех своих участках понесли поражение и заняли по отношению к восставшим роль пассивно обороняющегося. Несомненно, что на их обороноспособность повлияли сведения извне о поражении Петлюры. Это, повидимому, толкнуло Цент. Раду на мысль попытаться посредством переговоров с восставшими оттянуть кризис и приготовиться во время перемирия к дальнейшим схваткам.

Примерно в $4^1/_2$ часа дня 18 января на стороне войск Ц. Рады, наступавших на северо-восточную окраину Арсенала, был поднят белый флаг. С обеих сторон на время прекратилась перестрелка. К нам явился для переговоров парламентер. Он изложил точку зрения Рады о необходимости заключения перемирия и улажения конфликта с целью предотвращения «братоубивчої війни»...

Так как рабочие Арсенала тоже порядком устали и понесли большие потери, то такое предложение нашло должный отклик и со стороны руководителей восстания Арсенала. Понятно, никто из нас не думал, что переговоры приведут к желательным результатам. Но мы их рассматривали тоже как известного рода передышку, которая даст возможность отдохнуть, поднакопить еще силы и двинуться снова на врага [1]).

---

[1]) Здесь необходимо отметить одну весьма крупную ошибку, которая была допущена со стороны руководителей Арсенала. Нельзя было сепаратно соглашаться на переговоры с Центральной Радой. Как непременное условие для начатия переговоров, необходимо было потребовать от нее прекращения военных действий во всех районах и вступления по всем участкам боевого фронта в переговоры. На самом же деле получилось так, что, ведя с Арсеналом переговоры, Ц. Рада оттянула от него свои части для действий в других районах; это дало ей возможность усилить особенно части, действовавшие против железнодорожных рабочих в направлении гор. вокзала. Другой ошибкой, допущенной Арсеналом, явилась посылка в делегацию для перемирия ответственных руководителей. В число делегации попал и я. Как коменданту Арсенала, в руках которого было сосредоточено все военное руководство операциями, мне не было никакого смысла покидать Арсенал ради «никчемных» переговоров.

Делегация Арсенала, избранная на заседании ревкома, состояла из 3—5 человек (точно не помню).

Парламентер нам заявил, что самым подходящим местом для переговоров они считают Мариинский дворец, который тогда еще находился в нейтральной зоне. Мы также согласились на этот пункт. На время перемирия было условлено прекратить военные действия в районе Арсенала, с обеих сторон, о чем было отдано ревкомом распоряжение.

В Мариинский дворец мы прибыли около 5½ часов дня. Здесь в одном из залов нашли делегатов от Рады, в составе 10—12 человек. Тут были представители разных ведомств, фракций, но превалировали матросы Черноморского флота. По внешнему облику последних можно было судить, что они принадлежат к числу квалифицированных моряков: офицеры, механики и т. д. «Штатская публика» этой делегации особенно себя не проявляла, но матросы держали себя вызывающе. Кроме того, здесь присутствовали представители Совета Рабочих и Солдатских Депутатов гор. Киева (фамилий не помню), которые пришли, чтобы поддержать нас.

Заседание открылось незамедлительно. При чем с первого шага стало заметным, что вряд ли переговоры дадут благоприятные результаты. Первыми были зачитаны предложения Арсенала. Я, как представитель украинских частей, сражающихся против Центральной Рады, выступил с письменной декларацией от имени этих частей и рабочих организаций. Сущность декларации заключалась в следующем:

1) Немедленное прекращение военных действий против рабочих.

2) Немедленное разоружение «вільних козаків».

3) Немедленный созыв С'езда Советов Раб. и Кр. Депутатов губернии и города.

4) Немедленный созыв всеукраинского С'езда Советов для выборов нового правительства.

Такие требования вызвали бурю негодования со стороны делегации Рады, особенно моряков. В противовес ей, противники внесли предложение о немедленном прекращении военных действий, при амнистии участвовавших в восстании и признании существующего политического строя. Так как мы на подобного рода предложение не согласились, то делегация Рады заявила

о необходимости устроить перерыв до 9 часов вечера, чтобы дать ей возможность сговориться с правительством о допустимых уступках. Мы возвратились в Арсенал.

События делали свое дело. В то время, как мы вели переговоры, по всем остальным районам города происходили горячие схватки между рабочими сотнями и войсками Ц. Рады. Последние начали одерживать победу над железнодорожными рабочими на улицах, прилегающих к вокзалу. Сведений о дальнейшем ходе событий в этом районе у нас не было. Наступила ночь. При отсутствии электрического освещения город покрылся мраком, который положил предел дальнейшим боевым действиям и допускал лишь мелкую перестрелку между противниками.

К 9 часам вечера делегация Арсенала была уже в Мариинском дворце. Здесь мы встретили наших представителей от Совета Рабочих Депутатов. Но никаких делегатов от Центральной Рады не оказалось.

Выждав, примерно, до 11 часов, я, по поручению нашей делегации, позвонил по телефону в Секретариат Рады. Оттуда мне ответил какой-то ответственный член Рады (кажется, Еременко), что делегация как будто бы выехала. Через час я имел разговор по телефону с комендатурой города, но оттуда что-то невнятно промычали и добавили в конце, что с нами вообще не следовало бы разговаривать, а поступить как с изменниками. Так мы ничего и не добились. Уже было около 12 часов.

* * *

Между тем по всему городу поднялась необычайная перестрелка. Было очень темно. Делегация решила обождать, пока затихнет стрельба. Как раз в это время во дворец ворвались казаки полка имени Дорошенка. Казаки захватили нас и к утру препроводили к коменданту города. Здесь в присутствии агентов царской полиции нас обыскали, угрожая ежечасно расстрелом, а затем отвели под стражу в расположенный рядом дом. В этом помещении уже было несколько десятков арестованных из разных районов города Киева—все они с часу на час ожидали решения своей судьбы. Они нам сообщили о невероятнейших жестокостях, которые применяет комендатура в отношении арестованных, и о бесконечных расстрелах. Арестованные, будучи вызываемы на допрос, в большинстве уже обратно не возвращались. Их расстреливали в за-

стенках комендатуры. Местом казни служил обрывистый скат горы, во дворе комендатуры. Этот скат виден был из окон дома арестованных и оказывал свое действие на наше настроение. Многие из нас строили планы побега либо самоубийства, лишь бы не дать себя на истязание врагу. У меня было в голенищах сапог несколько удостоверений личности («посвідчень» на простой бумаге) украинских офицеров, которые мною отнимались у арестованных гарнизоном Арсенала. Они мне здесь оказали ценную услугу. Я обратился через караульного к дежурному коменданту с просьбой об освобождении меня из под ареста. У них, повидимому, не было еще точно налаженного делопроизводства и регистрации арестованных по преступлениям. Пришедшему дежурному я заявил, что арестован по недоразумению и считаю «преступным» сидеть в то время, как мои «брати-українці» проливают кров на улицах за «неньку Україну». Я ему показал одно из удостоверений и он приказал меня освободить.

Я поставил себе целью попасть обратно в Арсенал, но уже начало темнеть, а в этих условиях почти не представлялось возможным достигнуть Арсенала.

Утром я направился в город с целью ориентироваться в событиях и добраться до Арсенала, но снова был арестован и отведен в комендатуру. Меня посадили в прежнее помещение. Старые знакомые, после распроса, как я снова попал, начали рассказывать про инквизицию Рады. Поистине жуткая картина. Застенки комендатуры все пополнялись трупами. Расстреливали без суда и повода. Достаточно было простого доноса, чтобы вас арестовали и потом расстреляли. Рабочие, мозолистые руки по прежнему являлись главным основанием для расправы. Комендатура ко многим на допросе применяла систему пыток. Арестованного подвергали избиению рукоятками револьверов, прикладами винтовок, давали просто пощечины, вымогая показания о положении в рядах рабочих, требуя назвать фамилии и адрес квартир рабочих руководителей. Этим «почетным ремеслом» занимались офицеры—адьютанты коменданта города и полицейские агенты...[1]).

... Бои за овладение Киевом советскими войсками продолжались 3 дня, и только к исходу последнего упорство противника

[1]) Дальнейший ход восстания Арсенала т. Мищенко известен был только по слухам, так как он до занятия Киева сов. войсками находился под арестом. Поэтому заключительную часть его воспоминаний мы опускаем. (*Ред.*).

было окончательно парализовано. Эти бои характерны не только с точки зрения политической, но и в тактическом отношении. Они доказали противнику ту могучую силу, которая кроется в недрах рабочего класса и с которой не так легко можно справиться. Военные действия советских отрядов напоминали нечто в роде наплыва могучей волны. Наступающие отряды, вне всякой связи с другими, сепаратно, стихийно распространялись вглубь города. Командиры их не знали о положении в других районах и даже, подчас, на своем участке. Тем не менее, победа была на лицо, благодаря тому могучему порыву, которым были охвачены ратники Советской власти. При более умелом руководстве, с тем количественным и моральным превосходством, которое имелось на стороне советских отрядов, можно было бы достигнуть гораздо больших результатов, по крайней мере, хотя бы не дать противнику ускользнуть из города. Но в общем можно считать действия красных отрядов относительно удачными.

Противник действовал умело, но не мог противостоять могучей лавине красногвардейцев. Его моральная упругость уступала последним. Несмотря на свой высококвалифицированный, мощный командный состав, Петлюра должен был отступить. Здесь с явной очевидностью всплыло положение, что стреляют не пушки и пулеметы, а «люди». Общественный фактор определяет настроение человека и степень его обороноспособности.

Так закончилось славное Январское восстание.

С точки зрения чисто военной, оно представляет собою в высшей степени поучительный пример действий повстанцев в условиях уличной борьбы. Тактикам гражданской войны, собирающимся еще вести баррикадные бои, необходимо серьезно призадуматься над январским уроком.

МАТЧИНОВ.

ЯНВАРСКОЕ ВОССТАНИЕ ПРОТИВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАДЫ.

Разгромив в октябре юнкеров, которые с благословения Центральной Рады эвакуировались на Дон, совместно с военным штабом временного правительства, рабочие Арсенала начали исправлять в мастерских завода нанесенные боями повреждения.

Центральная Рада, опираясь на организованные ею шовинистически настроенные украинские полки, чувствовала, что она в настоящий момент сильнее революционных рабочих и солдат, и повела наступательную политику, начав свои контр-революционные действия с разоружения революционных частей (3-го авиационного парка, понтонеров и др.). Разоруженные солдаты, полуодетые и разутые, были отправлены на вокзал, посажены в теплушки и вывезены за пределы Украины, по направлению к Бахмачу.

Вслед за этим Ц. Р. приказала населению сдавать оружие. Ясно было, что этот приказ относится прежде всего к революционным рабочим, которые вовсе не для того вооружались в октябре и дрались с юнкерами, чтобы после боя отдать оружие Ц. Раде. Рабочие спрятали оружие, предвидя неизбежность новых боёв. Вслед за приказом последовали обыски по рабочим квартирам и подвалам в погоне за оружием для вооружения «вільного козацтва», созданного Центральной Радой из шовинистических элементов киевского населения.

4-го декабря открывается всеукраинский с'езд Советов. Ц. Раде удалось подтасовать его состав таким образом, что громадное большинство «делегатов» (около 2000 ч.) явилось на с'езд с мандатами Ц. Р. Среди этой массы приспешников Рады тонула кучка (сто с лишним) товарищей, избранных на с'езд по модусу, установленному орг. комитетом с'езда, которым руководили большевики. Поэтому большевистской фракции с'езда, вместе с частью делегатов, к ней примкнувшей, пришлось покинуть с'езд и переехать в Харьков, где совместно с делегатами Донецко-Криворожского бассейна ими и был организован 1-й Всеукраинский С'езд Советов.

После ухода большевиков, киевский «с'езд» признал, конечно, Ц. Р. единственной властью на Украине.

Вслед за этим Ц. Р. повела агитацию на рабочих собраниях за признание ее власти. В Арсенале с этой целью выступил Порш, но рабочие освистали его и власти Центральной Рады не признали.

Тогда Рада произвела ряд попыток разоружить Арсенал. Первое нападение было произведено 29 декабря, по получении двух с лишним миллионов рублей денег из Петрограда для выплаты заработной платы рабочим. Это нападение было отбито рабочими.

Вторичный налет на Арсенал в ночь на 5-е января увенчался успехом. В этом налете участвовали большие вооруженные силы

и броневики. Рабочая охрана Арсенала была разоружена, приводные ремни перерезаны, инструментальные и платяные ящики рабочих разбиты, мастерские опечатаны и выставлена надежная охрана. Таким образом, главная цитадель Октябрьской революции была разоружена, обезврежена, но не надолго.

Занятие Арсенала войсками Центральной Рады и закрытие его вызвало возмущение со стороны арсенальцев... С утра до вечера возле завода собирались группы рабочих, которые обсуждали создавшееся положение, убеждаясь все больше и больше в том, что с Радой надо разговаривать языком оружия и готовиться к восстанию.

Добившись от Рады разрешения созвать 15-го января митинг, рабочие, обсудив на нем положение, создавшееся в связи с закрытием Арсенала, и вопрос о вывозке угля с завода для бронепоезда Центральной Рады (в связи с об'явлением войны Советской России), вынесли протест против действий Рады.

Решили готовить восстание, но так как среди арсенальцев была и группа сторонников Центральной Рады, то из 4000 ч. рабочих о дне восстания знали, примерно, около 500 ч. наиболее надежных рабочих.

Восстание было об'явлено в этот же день, т. е. 15 января, в семь часов вечера. В Арсенале в этот момент было человек 200. Договорились с большевизированными воинскими частями о связи во время восстания. Связаться удалось с остатками понтонеров, стоявших по Никольской ул., полуботковцами — на Бутышевом проулке, с полком Сагайдачного—на Подоле и с полком им. Шевченко.

В 7 часов вечера боевики-арсенальцы должны были перерезать телефонные провода, соединяющие Арсенал с городом, разоружить охрану завода и охрану цейхгауза Богдановского полка, помещавшегося в казачьих казармах, где хранилось оружие, — словом, начать восстание против Центральной Рады.

План этот был выполнен так искусно, что разведка Цантральной Рады, проезжавшая мимо Арсенала, и стоявший на углу Бутышева пер. дежурный броневик не заметили подготовки к восстанию.

Первое столкновение арсенальцы имели с возвращавшейся со Зверинца разведкой, которую рабочие разогнали. После этого в бой вступил дежурный броневик, но и его нападение было

с успехом отбито. На помощь восставшим с Подола подошла часть Сагайдачного полка. Тем временем в мастерских собирали орудия. В 12 час. ночи завязался бой с кавалерией на Александровской ул. Кавалерийская атака была с успехом отбита.

На утро следующего дня гарнизон Арсенала усилился, благодаря притоку значительного количества рабочих Арсенала и других предприятий. Фланги завода были защищены понтонерами и полуботковцами. Богдановский полк, поддерживавший Центральную Раду, сначала об'явил себя нейтральным, а потом выступил против Арсенала, сыграв решающую роль в подавлении январского восстания. Шевченковский полк оставался нейтральным до конца.

Второй день восстания (16/I) проходил спокойно, уличное движение на Печерске не прекращалось. Рабочие занялись укреплением арсенальских позиций, со Зверинца подвозили снаряды, в мастерских собирали орудия, а к вечеру начался бой, — на Арсенал наступали вольные казаки. Бой продолжался целую ночь.

К утру следующего дня, 17/I, перестрелка прекратилась и на Печерске целый день было затишье, доносилась только стрельба со стороны города, где другие районы тоже дрались с петлюровцами. Вечером гайдамаки повели новое наступление на Арсенал со стороны Александровской улицы и Собачьей тропы. С обеих сторон заговорила артиллерия. Орудийная стрельба продолжалась целую ночь.

На четвертый день восстания Арсенал оказался окруженным со всех сторон. Его обстреливали с крыш всех прилегающих домов и с броневика, который подошел с Московской улицы. Богдановский полк выступил на подавление восстания, полуботковцы сдались гайдамакам, и Арсенал оказался открытым с одного из флангов. В этот день было большое количество убитых и раненых, ощущался недостаток хлеба, совсем не было воды, а между тем приходилось питаться почти исключительно селедкой. Силы таяли, настроение восставших начало падать. Стали поговаривать о сдаче. Были высланы парламентеры для переговоров о сдаче Арсенала. Переговоры велись возле броневика, стоявшего на Московской ул. Центральная Рада предложила выйти всем из Арсенала и сложить оружие возле броневика. На эти условия рабочие не согласились и решили вести до конца начатое ими восстание.

Бой между арсенальцами и Центральной Радой продолжался еще два дня, в невероятно тяжелых условиях: отсутствовал провиант, истощилось военное снаряжение, завод был окружен со всех сторон. Раненые лежали на цементном полу без перевязок, связь с городом была прервана, над Арсеналом гремела беспрерывная артиллерийская канонада. Бойцам становилось ясно, что сдача Арсенала неизбежна. Арсенальские разведки не возвращались, товарищи попадали в руки гайдамаков и расстреливались. Отряд из 30 арсенальцев, высланный для того, чтобы занять казармы Полуботковского полка, целиком был изрублен гайдамаками возле Печерской почты.

Арсенал не в силах был больше выдерживать натиск гайдамаков, так как стратегические фланги были потеряны, а из-за Днепра подоспели войска Петлюры, отступавшие под нажимом советских отрядов. Петлюровцы 20/I вечером заняли казармы понтонного батальона и произвели кровавую расправу над понтонерами. Обезумевшие солдаты в паническом страхе бросались со второго этажа вниз, где их ловили на штыки и в упор расстреливали.

Арсенал напряг все силы, чтобы отбить последнюю атаку петлюровцев, но, расстреляв остатки патронов, бойцы в ночь на 21/I решили сдаться.

21/I утром Арсенал сдался. Гайдамаки, по об'явлении сдачи, ворвались в Арсенал и начали рубить восставших шашками. Тогда погиб Иваненко Александр, работавший в токарной мастерской, — ему отрубили руки и ноги; погиб Зайцев, 60-летний старик, уборщик Арсенала, который никакого участия в восстании не принимал, — его вытащили из квартиры и зверски убили. Многие товарищи поплатились в этот день жизнью за участие в борьбе с Ц. Радой. Оставшихся в Арсенале в день сдачи отдали на расправу «вільным козакам», и только протесты собравшегося возле Арсенала народа и военного врача Соколова, который все дни восстания находился в околодке Арсенала, оказывая помощь раненым, женщин освободили.

Всех сдавшихся арсенальцев построили в шеренгу на Никольской улице и выставили против них пулеметы, готовясь к расстрелу. Новые бурные протесты толпы, среди которой было большое количество родственников восставших, заставили гайдамаков отказаться от расстрела. Пленных арсенальцев погнали в крепость, избивая по дороге прикладами.

Ц. Рада не долго торжествовала свою победу. С севера на помощь восставшим вскоре пришли красногвардейские отряды под командованием Муравьева, взявшие Киев и освободившие арестованных.

И. ДИДКОВСКИЙ.

КАК МЫ ДРАЛИСЬ С ГАЙДАМАКАМИ.

В конце декабря 1917 года, после октябрьского переворота, я с несколькими товарищами приехал в Киев из Петрограда. Там мне пришлось, после того, как разоружили в июле месяце 1-й пулеметный полк, работать на Путиловском заводе. По приезде в Киев, тов. А. Иванов, председатель С. Р. Д., направил меня на работу в Арсенал.

В ночь на 5-е января 1918 года гайдамаки заняли Арсенал, выставив в нем свой караул. Были порезаны ремни передачи и испорчены некоторые станки. Рабочие были страшно возмущены поведением гайдамаков. Ропот рабочих вылился в открытый протест, благодаря чему караул был снят. Приступили к ремонту, исправляя нанесенные повреждения и собираясь снова приступить к работе.

К этому времени печерский ревком наладил связь с воинскими частями. Насколько помню, в состав ревкома входили следующие т. т.: А. Горовиц, Костюк, Фиалек, Гайцан, Кисилев, Ефимов, Харченко (последние два для связи), Нусбаум, Морозов и Садовский [1]).

15 января вечером (в 6 часов) группа арсенальцев привезла в завод ящики с винтовками, патроны, гранаты, которые были тут же в течение нескольких минут разобраны рабочими по рукам. Ревком назначил меня начальником пулеметных команд.

Целую ночь вооруженные рабочие охраняли Арсенал. На завод прибывали со всех концов города арсенальцы, солдаты и боевые дружины других предприятий. Пришли отряды электростанции и затона (Подол), Демиевского снарядного завода, Главных ж.-д.

---

[1]) Полный состав ревкома не выявлен и редакция не имеет возможности проверить точность списков, приведенных у т. Дидковского и в друг. воспоминаниях. Редакция считает, что списки эти не совсем правильны, т. к. расходятся между собою.

мастерских, Киева I и др. Из прибывающих я начал вербовать пулеметчиков.

В этот же день в Арсенал пришел и мой старый боевой товарищ Феоктистов, который привел с собой еще 8 человек хороших пулеметчиков.

Вечером на всех балконах дома № 8 по Московской ул. были выставлены пулеметы, на левый и правый фланг (на каждый балкон по две штуки). Они были забронированы стальными щитами от пушек. Выставили пулеметы и на «заднюю линию» Арсенала. На балконе д. № 8 по Московской улице вывесили красный флаг с надписью мелом: «Вся власть Советам». Арсенал был готов к бою.

Орудийный обстрел Арсенала начался сразу с двух сторон — с Деловой улицы и Кадетской рощи. Арсенальцы, в свою очередь, начали обстреливать город. Жестокая артиллерийская перестрелка к утру еще более усилилась с обеих сторон, в особенности дружно била линия Арсенала, где у орудий стояли т. т. Кисилев и Струтинский.

Со стороны Собачьей тропы начались частые перебежки по направлению к саду Арсенала густой цепи «вільного козацтва». В течение 30 минут защитники Арсенала, открыв дружный огонь по наступающей цепи, обратили ее в паническое бегство.

На моем участке по Московской улице боя еще не было. Наши автомобили один за другим подвозили снаряды, патроны и оружие. Продукты доставляли женщины и несколько мальчиков.

Для раненых отвели подвал в д. № 8; их обслуживали работницы и 1—2 врача; коек не было, тяжело раненые рабочие лежали на полу, покрытом досками.

В 12 часов Ц. Р. сосредоточила по Арсеналу орудийный огонь нескольких батарей, при чем снаряды большей частью давали перелет, нанося большой вред и разрушения Слободке и Зверинцу, где проживало большинство арсенальцев. Подступы к Арсеналу со стороны б. Мариинского парка и с Набережной по откосу до водокачки защищали понтонеры и саперная рота.

Бой не унимался и принял настолько ожесточенный характер, что ни один рабочий не уходил с передовой линии, забыв о голоде, холоде и семье. Каждый решил умереть на баррикадах своего завода.

Гайдамаки озверели. Стреляли разрывными пулями и повели с трех сторон на Арсенал наступление, думая зажать его в кольцо.

Но и эта попытка оказалась неудачной. Арсенальцы заняли все цейхгаузы с обмундированием и аптечный склад госпиталя (круглую башню) и оттуда обстреливали наступающих. Три раза ходили в атаку гайдамаки, и все три атаки были отбиты: арсенальцы продвинули фронт обороны Арсенала в глубь городских оврагов и улиц.

Ночью, когда я явился в ревком к Горовицу и просил добавить людей, Горовиц мне ответил, что нужно держаться до конца, — скоро придут на помощь отряды Муравьева.

Патронов оставалось мало — их с трудом доставляли из артсклада. Гайдамаки наступали с Черной горы (возле скотобоен), для того, чтобы отрезать от Арсенала огнестрельные склады.

Слободка и другие окраины горели от артиллерийского обстрела. Гайдамаки заняли печерские валы и Наводницкие ворота. Их цепь двигалась уже по улице, приближаясь к заводу.

Вечером к нам прибыла делегация Ц. Рады. Я получил приказание ревкома прекратить огонь и выслал парламентера, чтобы отвести делегацию в ревком. Делегация предложила нам сдаться и выйти всем на улицу, оставив оружие в заводе. Мы, конечно, не согласились на их предложение...

Ночь прошла спокойно. Кольцо осады сжималось все теснее, доставка продуктов и патронов почти прекратилась. Наши ряды поредели. Попытка выслать парламентеров оказалась неудачной — их обстреляли и они вынуждены были вернуться в завод. Посланные на разведку на Слободку т. т. Ферлиовский и Гриншпак не вернулись. Гриншпак был убит, а Ферлиовский тяжело ранен разрывной пулей. Арсенал начали обстреливать с крыш. Гайдамаки заняли дом № 7 по Московской улице и поставили на втором этаже пулемет. Не успел пулемет обстрелять нас, как 7 боевиков с криком «ура!» бросились в атаку, вооруженные гранатами и бомбами. Гайдамаков перебили во дворе. Пулемет был взят и казарма очищена от врага.

С Бутышева проулка подошел броневик, а за ним двигалась цепь гайдамаков. Я скомандовал пулеметчикам, чтобы они держали наготове бомбы, зарядил бывший у нас миномет. Когда броневик подошел вплотную, раздался взрыв, дом задрожал, нас

---

[1]) Кисилев и Кисиль, о котором пишут другие т.т., одно и тоже лицо. (*Ред.*).

воздухом отбросило в сторону. Мина сделала недолет, с окна второго этажа упала на балкон, пробила в нем дыру и, упав на панель, взорвалась. Сбежав вниз, мы начали метать гранаты. Броневик пытался уйти, но был захвачен. Тем временем цепь гайдамаков сжималась все уже и уже.

Последние патроны мы выпустили по казармам Богдановского полка, откуда на нас надвигалась густая цепь противника. Мы обстреляли их с чердака д. № 8 и заставили отступить. С криками «ура!» мы ворвались в казармы, где убили 4-х артиллеристов и привели в негодность 3-хдюймовое орудие. Как только мы ушли из казарм, вслед за нами снова двинулись гайдамаки. Мы отвечали им редким огнем. Видя, что патроны у нас на исходе, они стали продвигаться быстрее. Чтобы задержать их, на мостовую Московской улицы выкатили орудие и начали бить по цепи, которая подошла на 300—400 шагов. Но орудие скоро замолкло, так как снарядов больше не было...

Утром 21-го января Арсенал сдался. Я с группой пулеметчиков, взорвав предварительно бомбами кассу с документами и деньгами, выбрались через потайной ход из Арсенала...

Мне удалось пробраться на Слободку, когда туда вступали муравьевские отряды... Оттуда, вместе с красногвардейцами, я отправился в Киев.

Под гул нашей артиллерии мы продвигались вперед через Днепр. Печерская гора была взята без малейших потерь с нашей стороны. У водокачки гайдамаки встретили нас пулеметным огнем, но вскоре, бросив пулеметы, бежали... Целую ночь шел артиллерийский бой. Выбив остатки гайдамаков, засевших в Мариинском парке, мы возвратились в освобожденный от врага Арсенал...

ЗЕНИН.
(Рабочий Арсенала).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ.

Я был в числе защитников Арсенала с самого начала Январского восстания. Когда Арсенал поднял знамя восстания против Центральной Рады, в заводе собралось несколько тысяч человек.

Каждому приходящему выдавали винтовку и направляли на защиту того или иного пункта на заводе. Товарищи держались

как нельзя лучше. Если приходилось их сменять, то бойцы отказывались сменяться, говоря, что сейчас не время отдыхать, а нужно сражаться до победы.

Первые три дня, когда в наших руках был артиллерийский склад, снарядов и патронов было достаточно. На 4-й день, помню, послали за оружием т. Ванютина — шорника, который сейчас работает в Арсенале, и еще одного товарища, фамилии которого не помню.

Поехали они на автомобиле. Автомобиль забрали гайдамаки. Ванютин спасся, а второго товарища петлюровцы расстреляли.

Артиллерийский склад был захвачен на пятый день ночью. Гайдамаки захватили горную батарею и начали с чердаков и проходов стрелять по нас.

В Арсенале между 8-м номером и контрольной будкой находится площадка, по которой нужно было пройти, чтобы попасть в сборочную и токарную мастерские. По товарищам, проходившим по этой площадке на смену, строчили пулеметы. Было много раненых и убитых. Нужно было во чтобы то ни стало выбить этих гайдамаков, обстреливавших Арсенал и, главным образом, площадку. Мы выкатили туда горное орудие и, несмотря на сильный орудийный и пулеметный огонь, герои-арсенальцы заставили горную батарею замолкнуть. Гайдамаки выкинули белый флаг, 50 человек их было взято в плен.

В это время на Московской улице появились броневики и начали обстреливать Арсенал. Один броневик нам удалось подбить, но это положения не облегчило.

На 6-й день мы выбросили белый флаг и пошли на переговоры. Петлюровцы потребовали сдачи оружия — это значило безоружным выйти из завода под пулеметный огонь. Арсенальцы решили не итти на позорное предложение, а сражаться до последнего патрона. Помню, с нами был один студент с длинными волосами (фамилии не помню [1]), он все время говорил нам, что нужно продержаться еще 1 — 2 дня, так как идет помощь с фронта. Мы продолжали сражаться, но патроны и снаряды подходили к концу, запасы провизии истощались. Постепенно все пути в Арсенал были отрезаны, свободным оставался только подземный ход, связанный с казармами понтонного батальона. Через этот ход достав-

---

[1]) Студент этот был А. Горовиц. (*Ред.*).

ляли нам провизию в последние дни, но затем и он был отрезан гайдамаками. В деревянной мастерской пулями была пробита водопроводная труба. Хлынула вода, грозя затопить помещение, неподалеку от которого находились раненые. Мне и т. Харченко удалось сдержать напор воды, заделав трещину суриком и тряпками.

Когда мы возвращались из токарной мастерской, раненые спрашивали, что будет, и придет ли помощь с фронта. На наш ответ, что помощь запоздала, они требовали, чтобы мы сражались до конца. Кто-то поджег сарайчик со стороны саперного батальона — там были петлюровские войска. Это сделали для того, чтобы облегчить обстрел Арсенала из Клинического городка. Это помогло противнику лучше брать прицел, и все большее количество снарядов начало разрываться на территории завода.

Арсенальцы держались мужественно, паники не было. Мы приготовили два орудия для обстрела Клинического городка. Вражескую батарею обстреливал из обоих орудий один товарищ, он брал один шнурок зубами, а другой рукой, и одновременно стрелял. Таких героических моментов во время осады Арсенала было не мало. Рабочие Арсенала знали, что борются за диктатуру пролетариата.

Б. И. КУЗЬКОВСКАЯ.

ЖЕНЩИНЫ В БОЯХ АРСЕНАЛА.

Городской комитет большевиков командировал меня для культурно-просветительной работы в Печерский клуб, который помещался в здании высших женских курсов (бывш. Александровская больница).

Одной из главнейших наших задач было привлечение в клуб рабочих и солдат Печерска. Казначеем клуба был Леонид Пятаков. Он был прекрасным товарищем. Перегруженный военными и партийными делами, Леонид всегда охотно помогал нам, разъясняя, как нужно вести ту или иную работу, и отвечал на все поставленные вопросы. Вокруг Леонида всегда толпились военные, с которыми он разрешал различные вопросы. Его указания немало способствовали вовлечению в большевистскую партию и культурную работу большого количества рабочих и солдат.

Для привлечения рабочих мы организовали в клубе дешевый буфет и чай. Наша «самоварная комиссия» привлекла в клуб массу народа.

Накануне октября мне пришлось уйти из мастерской и принять участие в работе по подготовке арсенальского восстания. Т.т. Леонид и Пивонь послали меня во дворец, где помещался тогда партийный и военно-революционный комитет, подготовлявший восстание.

Я собрала в клубе группу коммунисток, сообщила им о постановлении комитета, и мы отправились во дворец. Нам дали адреса пекарень и квартир и поручили снабжение Арсенала медикаментами, продуктами и, по мере возможности,—патронами. Все это мы должны были делать незаметно, чтобы не вызвать подозрения юнкерских караулов. Я, Люба Комская, С. Алтухова, Таня Степанова, моя сестра Анна Штром, Белла и др. товарищи [1]) начали носить в Арсенал продукты. Целые возы хлеба доставляли мы в Арсенал при помощи союза пекарей [2]). Продукты и патроны мы провозили, замаскировав их сеном и дровами.

---

[1]) В этой работе принимали участие, кроме перечисленных, и т.т. Левина, Равикович, Варя Гончарова, Тося Медущенко, О. Приходько и др. (*Ред*).

[2]) В воспоминаниях т. Кравченко, который был в 1917 г. председателем союза пекарей, мы находим следующее описание подготовки снабжения хлебом восставших рабочих: «Еще до начала восстания мною были созваны представители завкомов и заведующие пекарень—члены союза. Было решено, что две пекарни на Печерске должны затребовать от городской управы запас муки на 3 — 4 дня. На случай восстания туда решили послать большое количество рабочих для усиленной выпечки хлеба и своевременного обеспечения им восставших. Все запасы выпеченного хлеба должны были распределяться в первую очередь между восставшими. Пекарни, расположенные в районе действия войск временного правительства, должны были закрываться, а рабочие с оружием в руках вливаться в красногвардейские отряды...

Во время боев восставших снабжали хлебом подольские пекарни. Хлеб доставляли на грузовиках до лестницы с набережной, а оттуда на руках его переносили в Арсенал. Две ближайшие к заводу пекарни всю выпечку хлеба передавали в Арсенал»... (из воспомин. т. Кравченко: «О роли киевских пекарей и кондитеров в Октябрьские и Январские дни 1917 г. в Киеве».

Считаем необходимым отметить ту героическую работу, которую проводили, особенно во время Январского восстания, рабочие-пекаря, подвергавшиеся за это преследованиям и репрессиям со стороны гайдамаков. Известен целый ряд случаев, когда рабочие-пекаря за выпечку хлеба для восставших расстреливались гайдамаками. (*Ред.*).



Группа женщин — участниц арсенальских восстаний:

1. Б. Кузьковская. 2. Л. Комская (погибла в 1919 г.). 3. Ж. Левина. 4. О. Приходько (погибла в 1919 г.). 5. Л. Аронова (погибла в 1919 г.). 6. С. Алтухова.

Мало-по-малу мы обеспечили Арсенал всеми видами продуктов. Когда караулы усилились и подводами уже нельзя было пробираться в Арсенал, мы продолжали носить туда хлеб и медикаменты на руках.

На Собачьей тропе стоял караул юнкеров и казаков. Поэтому нам приходилось пробираться в Арсенал через Александровскую больницу, перелезая через ворота, которые выходили на Собачью тропу. Два с половиной дня мы таким образом носили в Арсенал все необходимое. Последний раз нам пришлось совершить этот перейс, когда в городе уже началась стрельба. Помню, как мы перелезали через забор и Люба Комская, зацепившись юбкой, повисла на нем. В это время мимо проходил караул. Мы не растерялись, спрятали патроны и медикаменты за пазуху и попросили козака и юнкера снять Любу с забора. Юнкер хотел нас арестовать, но козак решил, что с нами возиться не стоит, взял у нас два хлеба и отпустил. Мы окольными путями пробрались к вечеру в Арсенал. Арсенальцы много смеялись, когда мы рассказывали им о наших приключениях.

В Арсенале в это время шла подготовка к бою, рабочие проверяли и чистили винтовки; в Арсенал сходились солдаты различных частей и рабочие других предприятий. В помещении завкома заседал штаб. Там были т. т. А. В. Иванов, Пивонь, Фиалек, Садовский, военный коммунар, прибывший с фронта, и др. товарищи. По поручению штаба, в особняке Арсенала мы организовали перевязочный и питательный пункты.

Вооружившись, рабочие становились в очередь и получали пищу. Часа через два боевики разошлись по окопам и оттуда уже в одиночку приходили закуривать или пить чай. Настроение было бодрое. Я попросила т. Пивоня отправить меня в разведку; ко мне присоединилась работница Шура (фамилии не помню) и мы отправились с ней во дворец. Нам удалось выяснить, что в Мариинском парке засели воинские части и что юнкера собираются обстреливать Арсенал из обрыва, расположив по всем углам Александровской улицы пулеметы. Через Крещатик, Бессарабку, военный госпиталь, мы с трудом пробрались обратно в Арсенал и сообщили там обо всем, что нам удалось узнать.

Через непродолжительное время в Арсенал пришла делегация от юнкеров Константиновского училища и заявила о сдаче. Наш штаб потребовал оружие. Некоторое время спустя в Арсенал

приехала телега с юнкерскими винтовками. К вечеру 31/X было заключено общее перемирие [1]).

После октябрьских боев я продолжала работать в печерском клубе. Рабочие непрерывно вели подготовку к решительным боям с Центр. Радой, захватившей власть.

Числа 25 декабря нам сообщили, что Леонид Пятаков, по распоряжению Рады, похищен из своей квартиры и увезен неизвестно куда. Через несколько дней его изуродованный труп нашли на посту Волынском. Смерть Леонида еще больше сплотила массы, и подготовка к восстанию пошла быстрым темпом. Накануне восстания т.т. Пивонь и Друзякин (военный коммунар) поручили мне снова взяться за подготовку для Арсенала продовольствия, медикаментов и патронов. В эту группу, кроме работавших в октябре, вошли следующие товарищи: Люба Аронова, Соня Аксельрод, медичка Катя и др. Мы снова принялись доставлять в Арсенал продукты и медикаменты.

Питательный пункт устроили на прежнем месте, один околодок организовали в помещении завкома, на первом этаже, а другой в приемном покое Арсенала. В кузнечном цеху оборудовали чайную, которой воспользовались в течение одного вечера. На помощь нашей группе в Арсенал пришли работницы из обмундировальной мастерской и др. предприятий. В Арсенал собралась масса бойцов—солдаты и рабочие.

Мы начали распределять продукты с таким расчетом, чтобы их хватило на возможно больший срок. После раздачи продуктов устроили чаепитие. В кузнечном цеху кипел самовар в виде котла. Ночь была страшно темная. В окопы ребята шли крадучись. Курить по дороге в окопы не разрешалось. Следили друг за другом, чтобы не нарушать порядка. Часов до 10 вечера раздавали мы последний чай; было это, кажется, 17 числа. Саша Горовиц всех нас смешил своими рассказами. Напившись чаю, он взял винтовку и вместе с т. Зайцевым направился на передовую линию.

Наступила ночь. Начался бой.

Вскоре в околодок пришел Саша Горовиц, легко раненый в руку. Саша сообщил нам, что т. Зайцев убит наповал. Я перевязала ему руку и он возвратился в окопы.

---

[1]) Мы опускаем из воспом. т. Кузьковской описание хода боев, так как оно находит отражение в других воспоминаниях наст. сборника. (*Ред.*).

Часов в 7 утра т. Пивонь сообщил нам, что арсеналец Вереземский (поляк) тяжело ранен. Я и Степанова, захватив с собой медикаменты, побежали во двор. Оказалось, что у Вереземского весь бок был вырван разрывной пулей. Мы, не обращая внимания на свистевшие пули, перевязали его и отнесли в околодок, где он к вечеру умер. Прощаясь с нами, он говорил: «Я доволен, что умираю на революционном фронте».

Нам сообщили, что в сборочной есть еще раненые. Мы отправились туда, но наша помощь была бесполезна, так как двое раненых, о которых нам сообщили, были мертвы. К вечеру нам принесли еще раненых.

В околодке поднялся отчаянный стон, нужна была помощь врача. Под угрозой расстрела нам удалось привести доктора. Для помощи неопытным товарищам в первый околодок пошла Таня Степанова, — она была медичка 4-го курса. Раненых там было много, медикаментов не хватало, и мы с Любой Ароновой, под пулями, с большим трудом доставили их в околодок. Раненые лежали на полу, среди них, помню, была жена т. Вереземского, — она бежала с белым фрагом в Арсенал и по дороге ее тяжело ранили в обе руки [1]). Во дворе завкома лежали трупы убитых, много молодых ребят с раздробленными черепами. Всюду слышались стоны. Раненые питались только чаем, так как сухую пищу им было трудно есть.

В штабе я узнала, что наше положение ухудшилось. Связь с городом была прервана. Горовиц собирается итти в разведку для связи. Возвратившись в околодок, мы приготовили суп и, когда стрельба немного стихла, понесли в первый околодок. Раненые обрадовались горячей пище. Ложек не было, и мы кормили их из стаканов и кружек.

Раненые все прибывали; приходилось класть их прямо на пол. Электричество погасло, снаряды рвались вблизи, окна и двери дрожали. Один снаряд попал на верхний этаж приемного покоя и разрушил полстены. Раненые дрожали от холода, укрывать их было нечем. В околодок принесли раненых мальчиков 10—13 л. Дети эти на наши вопросы, откуда они, ответили, что они пришли

---

[1]) При сдаче Арсенала петлюровцы вторично тяжело ранили т. Вереземскую в ноги и живот. Умерла она в военно-клиническом госпитале. Похоронили ее в братской могиле в Мариинском парке, рядом с павшим на баррикадах мужем.

с Соломенки помогать арсенальцам стрелять, и что их ранили в окопах.

Утром на шестой день осады пришел т. Пивонь и сообщил, что Арсенал сдался, и предложил нам держаться стойко и сидеть возле раненых.

Около 8-ми часов утра в околодок зашли гайдамаки во главе с офицером и выяснив, что мы ухаживаем за ранеными, предложили добровольно итти с ними. Мы попросили их подождать, пока накормим раненых, но они ответили, что накормят раненых штыками, и еще раз потребовали итти с ними.

Легко раненых вместе с нами выгнали во двор, остальных прикалывали на месте, мальчиков тоже убили. Крики несчастных детей не тронули озверелых гайдамаков и они продолжали свою работу. В этот момент неподалеку от нас очутился т. Друзякин. Его заметили. Он успел крикнуть: «Я не сдамся вам живым, негодяи», и застрелился.

Нас выгнали за ворота, передали конным гайдамакам и погнали к понтонному батальону, избивая прикладами. В числе раненых были солдаты полка Сагайдачного, их растреляли на наших глазах. Часть товарищей увели на расстрел, а остальных отправили на гауптвахту. Картина была жуткая, но арестованные держались стойко. Нас шестерых женщин под конвоем отвели в военный госпиталь для перевязок, с тем, чтобы оттуда доставить в штаб. Конвоиры остались в приемной, а нас повели в перевязочную. После перевязки бывшие в госпитале раненые солдаты накормили нас и устроили нам побег через другой ход.

Бежать было очень трудно, со всех сторон свистели пули. Мы, скрываясь в лощинах, с трудом пробрались в штабную квартиру на Б.-Васильковской ул., а оттуда домой. Через несколько дней Киев был взят отрядами Муравьева. 4/II февраля мы хоронили товарищей, павших на январских баррикадах. Работницы несли венки. За гробами шла огромная масса — семьи убитых, рабочие всего города и солдаты.

Погибших товарищей похоронили в братской могиле в Мариинском парке. Леонида Пятакова и Друзякина положили рядом. В эту же могилу опустили гробы с маленькими героями. Много славных товарищей, геройски защищавших интересы рабочего класса, были вырваны контр-революцией из наших рядов. Никто не знает их имен, но память о них будет вечно жить в сердцах пролетариата.

ПАМЯТИ УШЕДШИХ...

Жуткой правдой и безграничным героизмом веет от перелистываемых страниц.

Перед нашими глазами проходит вереница борцов, отдавших свою жизнь до последней капли борьбе и победе.

... Убитые в открытых схватках на баррикадах, расстрелянные у ворот Арсенала, замученные в тюрьмах, растерзанные и истоптанные конскими копытами...

Никто не покидал своего поста.

Никто не думал о себе.

Каждый думал о всех.

Стремительные потоки пролетарской революции, смывшие ржавчину царизма и керенщины, выбросили этих героев в первые ряды.

И они пошли.

Они пошли без сомнений и кровью своей расчистили путь для строительства новой жизни.

Только класс, которому принадлежит будущее, мог выдвинуть борцов, с таким бесстрашием дравшихся за это будущее...

Многие пали.

Горящие костры их жизней были потушены мутными волнами контр-революции, но их героические подвиги запомнит каждый завод, каждая деревня, каждый кусок освобожденной земли.

Безграничная преданность делу революции, пролетарская решительность и железная воля к победе павших героев надолго останутся примером для растущих поколений.

ПАВШИЕ НА БАРРИКАДАХ АРСЕНАЛА [1])

Октябрь 1917 года.

1. АНСТОВ, П.	—	рабочий токарного цеха, в Арсенале работал около 20 лет. Первая жертва октябрьского восстания.
2. КОЛЮШНИЧЕНКО И.		60 лет, пом. кладовщика сборочного цеха, погиб в октябрьском бою.
3. ТИТАРЕНКО Г.	—	кузнец, работал в Арсенале с 1901 по 1917 г.

Январь 1918 года.

1. АНИЩЕНКО А.	—	кузнец, убит при сдаче Арсенала возле дома № 8, по Московской улице.
2. БЛАГОЙ П.	—	рабочий Арсенала, погиб в январском восстании.
3. БОНДАРЕНКО А.	—	молотобоец, растерзан гайдамаками неподалеку от штаба понтонного батальона, после сдачи Арсенала.
4. ВЕРЕЗЕМСКИЙ Ф.	—	рабочий шорного цеха. Тяжело ранен в январском бою. Умер в день ранения в арсенальском околодке.
5. ГОРОВИЦ А.	—	член Военно-Рев. К-та, один из руководителей январского восстания в Арсенале, растерзан гайдамаками у водокачки возле Днепра.
6. ГРИНШПАК	—	первый секретарь Слободск. район. к-та РСДРП (б), принимал активное участие в январск. восстании. Убит гайдамаками во время разведки под Броварами.
7. ДЗЕРЖИНСКИЙ	—	председатель цехового комитета сборочного цеха. Погиб в январск. дни.
8. ДРУЗЯКИН	—	активный работник военной организации б-ов. Погиб в январск. восстании.
9. ЕГЕРЬ	—	рабочий Арсенала, погиб в разведке под Броварами, куда направился за подкреплением с т.т. Гриншпаком и Калиновским.
10. ЗАБАВСКИЙ Т.	—	кузнец, убит на территории Арсенала.

---

[1]) Списки т.т.—участников октябрьских и январских боев в Арсенале, как погибших на баррикадах завода, так и умерших позднее— в 1918—1927 г.г., составлены нами не с исчерпывающей полнотой и возможными ошибками; эти пробелы об'ясняются отсутствием точных материалов и неполнотою сведений, собранных нами, и будут заполнены в сборнике «Памяти погибших», который готовит к печати Истпарт.

11. ЗЕВАК П.	—	молотобоец, убит в январе снарядом, попавшим в д. 5, по Московск. улице.
12. ИВАНЕНКО А.	—	рабочий токарного цеха, погиб на январских баррикадах.
13. ИГНАТЬЕВ П.	—	рабочий механического цеха, погиб в январе.
14. КИРИЛЕНКО П.	—	рабочий шорного цеха, убит гайдамаками в д. № 15, по Московск. улице.
15. КРУШЕЛЬНИЦКИЙ И.		кузнец, убит при сдаче Арсенала.
16. МАКСАК И.	—	рабочий сборочного цеха, убит в саперных казармах.
17. РЖЕДЗИЦКИЙ Ф.	—	рабочий Арсенала, зарублен петлюровцами по пути на гауптвахту.
18, САГАЙДАЧНЫЙ	—	рабочий шорного цеха, погиб в январском восстании.
19. СКОПИЧЕВ (Шура)	—	рабочий механическ. мастерск., погиб в январском восстании.
20. ФЕДОРЕНКО П.	—	рабочии шорного цеха, погиб в январском восстании.
21. ЧЕПЕК А.	—	рабочий шорного цеха, погиб в январском восстании.

УЧАСТНИКИ АРСЕНАЛЬСКИХ ВОССТАНИЙ,

ПОГИБШИЕ И УМЕРШИЕ ЗА ПЕРИОД 1918—1927.

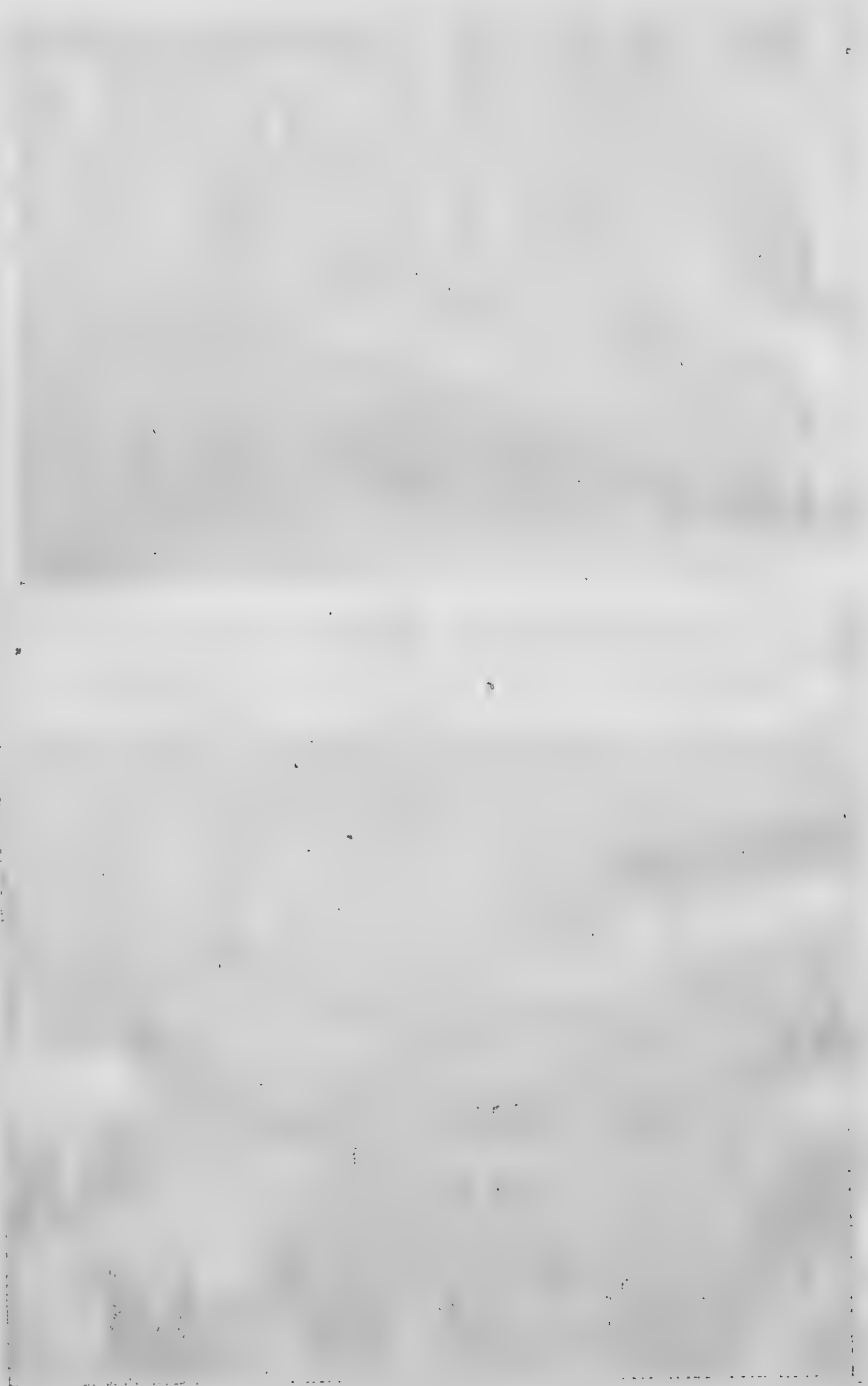
1. АРОНОВА Л.	—	работница-швея. Зверски замучена бандой Зеленого под Трипольем.
2. БАБИЧЕВ А.	—	бывший рабочий Арсенала, погиб в 1919 г.
3. БЕРЕЗНЯК	—	бывш. токарь Арсенала, погиб в рядах Красн. армии в 1918 г. под Полтавой.
4. БУРЬЯН В.	—	рабочий Арсенала, умер в 1920 г.
5. ГРИЩЕНКО Н.	—	рабочий токарн. цеха. Тяжело ранен в январ. бою. Умер в гетман. тюрьме.
6. ДАНИЛЬЧЕНКО А.	—	рабочий Арсенала, умер в 1927 г.
7. ЗИМИЛЕВ	—	рабочий шорного цеха, умер.
8. ИВАНОВ А.	—	б. рабочий токарного цеха. Один из организаторов октябрьского восстания, умер в 1927 р.
9. ИСАЕВ П.	—	бывш. рабочий механич. цеха, умер.
10. КАЛИНОВСКИЙ Ф.	—	бывш. рабочий Арсенала, умер.
11. КАЧМАРИК	—	бывш. рабочий, убит бандитами.
12. КОМСКАЯ Л.	—	работница-швея. Погибла в 1919 г. на фронте.
13. КОСЯКОВ	—	бывш. рабочий сборочного цеха, умер в 1927 г. в Москве.
14. КУРИНЕЦ Ф.	—	бывш. рабочий токарного цеха, умер в 1923 г.
15. КУТАСОВ И.	—	рабочий шорного цеха, умер.
16. НЕЧАЕВ И.	—	рабочий сборочн. цеха, умер в 1922 г.
17. ОЛЬШАНСКИЙ	—	бывший рабочий Арсенала, умер в 1923 г. в Киеве.
18. ПОНОМАРЕВ	—	рабочий шорного цеха, умер.
19. ПРИХОДЬКО О.	—	участница арсенальских боев, погибла под Трипольем в 1919 г.
20. СКРОПОЧЕВ А.	—	бывш. рабочий механич. цеха, убит в 1920 г. бандитами.
21. СЛИДОВСКИЙ	—	рабочий Арсенала, умер в 1922 г.
22. ФЕДОРОВ Д.	—	рабочий токарного цеха, умер.



Похороны жертв Октябрьского восстания.



Похороны жертв Январского восстания.



ПАМЯТИ А. В. ИВАНОВА.

1889 — 1927 г.г.

(По воспоминаниям и документам Киевского Истпарта [1]).

Андрей Васильевич родился в 1889 году в селе Кукшево, Буйского уезда, Костромской губернии, в бедной крестьянской семье. С раннего детства он испытывает нужду. 10 лет Андрей поступает в одноклассное училище и, чередуя занятия в школе с летними работами в огороде, он через три года оканчивает ее с похвальным листом.



А. В. Иванов.

За время пребывания в школе мальчик пристрастился к чтению книг и продолжает зачитываться ими, находясь на работе.

В 15 лет Андрей поступает на железную дорогу, ст. Александрово, «обтирщиком вагонов». Это была первая его квалификация. В железнодорожных мастерских он завоевал к себе хорошее отношение со стороны рабочих своим мягким, живым характером. Полюбившие его рабочие постепенно стали обучать Андрея токарно-слесарному делу.

Политикой, как говорит его мать, он начал заниматься 16 лет от роду. Это было после революции 1905 года. Он часто отлучался из дому в Москву, привозил нелегальную литературу, которую прятал в сторожевой будке своего отца, служившего тоже на железной дороге, и посещал нелегальные сходки.

В юношеские годы Андрей отдается кипучей работе в кружках учащейся молодежи; полуграмотный пролетарий вскоре становится

---

[1]) Составил А. Иргизов.

руководителем группы товарищей, стоявших выше его по образованию. Связь его с революционными кружками рабочих ткацких фабрик и кипучая деятельность в них обращает на себя внимание полиции. За ним устанавливается слежка.

А. В. переезжает в другой город, где вплоть до ареста в 1908 г. продолжает свою работу в военной с.-д. организации саперного батальона.

Годы под'ема рабочего движения застают А. В. Иванова в Москве. Здесь он, работая токарем на заводе Устрицева в Бутырках, связывается с подпольными кружками рабочих завода Дукс, Ралле и трамвайных мастерских, проводя вместе с группой большевиков огромную работу по руководству стачечным движением. Он становится одним из сильных противников ликвидаторства и громит ликвидаторов на собраниях рабочих кружков. В эти годы получает «теоретическую зарядку» и связывается с руководящим центром московской организации. Рабочие завода Дукс, среди которых работал Андрей, отзывались о нем с большой любовью. Андрей выделялся своей энергией, твердостью и умением разрешать на практике все политические вопросы. Его предложения всегда отличались ясностью и четкостью.

Так продолжалась революционная деятельность Андрея Васильевича, переходившего с завода на завод, до 1916 г.

В 1916 г. его мобилизуют в армию, а затем отправляют в киевский Арсенал, где в то время ощущалась нужда в квалифицированных работниках для изготовления предметов военного снаряжения.

Арсенал в 1916 году представлял уже не то осиное гнездо реакции, в котором все административные должности от начальника цеха до бригадира были заняты черносотенцами. В него влились новые кадры рабочих. Живой струей пробивалась работа маленькой группы большевиков.

А. В. Иванов, после некоторого ознакомления с обстановкой, связывается с товарищами и продолжает революционную работу. С этой стороны его характеризуют воспоминания рабочего Дюбина—сына квартирной хозяйки, у которой жил Андрей Васильевич. «Ознакомившись с обстановкой, Андрей стал держать себя свободней. К нему стали приходить товарищи. Часто у кровати Андрея они о чем-то шептались. Говорил Андрей тихо и убедительно. Но однажды его прорвало, и он начал горячо и громко

доказывать правоту своих взглядов. Хорошо запомнились его горящие румянцем щеки и живые огненные глаза».

Нередко можно было застать его также на Бессарабке, в чуланчике лавочки Германовского, где он кредитовался до получки чаем и ужином. В кружке собиравшихся там рабочих чаще всего велись осторожные споры о войне. В них всегда выделялся Андрей, который спорил страстно и убежденно, как-то по особенному заглядывая оппоненту в глаза и пытаясь проникнуть в его душу.

Этот небольшой промежуток его жизни в тяжелых условиях (жил он общей комнате полутемного сырого подвала со всей семьей квартирной хозяйки и еще двумя товарищами, рабочими Арсенала) подорвали здоровье Андрея Васильевича. С полной уверенностью можно сказать, что в этом подвале он заболел туберкулезом, оборвавшим дорогую жизнь.

При получении первых сведений о Февральской революции, как об этом вспоминает сам А. Иванов, он становится во главе небольшой группы большевиков-арсенальцев, проводит выборы в Совет Рабочих Депутатов.

Совет Рабочих Депутатов оказался в руках предателей-меньшевиков и эсеров. Являясь членом большевистской фракции, А. Иванов в ее рядах ведет непримиримую борьбу с предателями рабочего класса, отвоевывая киевских рабочих из-под разлагающего влияния меньшевиков.

В разоружении полиции, создании ревкома Арсенала, в партийной работе печерского и общегородского большевистских комитетов,—всюду проявлялась кипучая, неутомимая деятельность Андрея.

В середине апреля 1917 года он избирается членом правления профсоюза металлистов, в котором на протяжении всего 1917 года ведет активную работу, являясь тов. председателя правления.

14-го мая Андрей Васильевич избирается членом Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов, но при этом не порывает связи с арсенальцами, которые выдвигают своего любимого товарища на ответственные руководящие посты. Одновременно А. В. Иванов выдвигается на руководящую работу и в киевской большевистской организации.

Июльская общегородская конференция большевиков избирает т. Иванова делегатом на VI с'езд партии.

Одним из боевых участков работы второй половины 1917 года являются фабрично-заводские комитеты, ведущие под руководством

большевиков борьбу с предпринимателями за установление рабочего контроля над производством. И на этом участке проявляет кипучую деятельность т. Андрей.

8-го сентября наступает исторический момент в борьбе за Советскую власть в Киеве, когда Совет Рабочих Депутатов впервые принимает большевистскую резолюцию и открыто становится на путь борьбы за диктатуру пролетариата. Уже к этому времени ясно и четко выявляется, что в этой борьбе рабочие Арсенала, среди которых вел свою неустанную работу т. Андрей, принявшие еще задолго до этого при его близком участии ряд резолюций с требованием перехода всей власти в руки Советов, станут авангардом.

Рабочие массы рвутся в бой. Тов. Андрей в этот период в центре всей партийной работы. В исполкоме Совета и военно-революционном комитете он принимает руководящее участие в подготовке киевского Октября, в вооружении рабочих, в раздобывании патронов, снарядов, налажения связи с верными пролетарской революции солдатскими частями.

В октябрьском восстании Арсенала, вследствие ареста всей руководящей группы киевского большевистского комитета, т. Иванов играет роль организатора и руководителя. Вот он с рабочими Арсенала в ревкоме обсуждает план борьбы, вот встречает отдельные прибывающие дружины, спрашивая их, откуда, из какой фабрики, из какого завода. Когда в Арсенале становится мало патронов, он обходит окопы и дружески, но в то же время очень властно, приказывает: «Ребята, зря патронов не стрелять! Патроны пригодятся, врагов еще много».

После октябрьского восстания, окончившегося победой рабочих, предательская Центральная Рада занимает своими отрядами все важнейшие места в городе и таким образом захватывает в свои руки власть. Открывается новый, не менее тяжелый и не менее героический период борьбы киевских рабочих, на этот раз уже с предательской Центральной Радой. Тов. Иванов, как и раньше, в центре и во главе этой борьбы. В этот период он возглавляет Киевский Совет Рабочих Депутатов, руководит всеми его ответственными историческими заседаниями. Андрей принимает активное участие в подготовке С'езда Советов и избирается в первый ЦИК Советов Украины.

После отступления советских войск под натиском полчищ германского империализма, тов. Иванов вместе с героическими

красногвардейскими отрядами проходит тяжелый путь от Киева до Таганрога, принимая участие в организации отпора немецко-гайдамацким отрядам.

В годы тяжелой гражданской борьбы тов. Андрей в первых рядах бойцов и строителей Советской власти в Уфе, Москве, Курске, а затем на фронте борьбы с желто-блакитной Директорией.

Киевский пролетариат снова увидел у себя т. Андрея уже в 1919 году, в качестве одного из первых председателей Киевского Губернского Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов. Любимец киевских рабочих, их вождь и руководитель в памятные октябрьские и январские дни, оказался на руководящем государственном посту крупнейшего города и района Украинской Советской Социалистической Республики.

В обстановке продовольственной неурядицы, эпидемий, разрухи и напряженнейшей работы в районе, об'ятом огнем кулацких восстаний и бандитизма, наряду с работой по советскому строительству, он появляется на заседаниях научных врачебных обществ, в госпиталях, на эвакопунктах, на железнодорожных путях, в банно-прачешных установках, в бактериологических лабораториях, проявляя всю свою незаменимую способность подымать в людях бодрость, уверенность в своих силах, а главное—тот энтузиазм, без которого в то суровое время нельзя было ничего делать.

Его работа в эти тяжелые голодные годы была им самим однажды охарактеризована в следующей фразе: «Работать плодотворно в той тяжкой обстановке, в которой находятся рабочие и крестьяне Советской Украины, можно лишь при двух условиях—если вся деятельность будет опираться на широкие массы трудовой советской общественности и все руководящие органы проникнутся твердой волей и верой в необходимость достижения поставленной задачи».

Перед занятием Киева деникинцами Андрей Васильевич эвакуируется одним из последних из города и приезжает в Курск, где руководит работой Зафронтового бюро Ц. К. партии по снабжению оружием повстанческих организаций. В 1920 году он избирается в Ц.К. К.П.(б.)У., бессменным членом, которого он остается в продолжении последующих лет, а в 1921 году на пятом Всеукраинском С'езде Советов т. Иванова избирают секрета-

рем ВУЦИК'а и одновременно председателем Харьковского Губисполкома.

В 1923 году он избирается председателем Одесского Исполкома. Здесь, несмотря на расшатанное непрерывной кипучей деятельностью, частыми переездами и напряженнейшей работой здоровье, он так же интенсивно работает в продолжении 2-х лет.

В 1925 году, будучи избран членом президиума ЦИК Союза ССР и секретарем Союзного Совета, Андрей Васильевич уезжает в Москву. Наряду со сложной работой в ЦИК'е, здесь на него было возложено председательствование в постоянной комиссии по советскому строительству ЦИК СССР, обязанности зам. ответственного редактора ежемесячного журнала ЦИК «Советское Строительство» и заместителя директора института Советского строительства. Талантливый, опытный практик советского строительства отдает работе все свои силы, углубляя одновременно, свои теоретические познания.

Последние годы своей жизни Андрей Васильевич буквально горел клокочущей энергией и стремлением работать. Иногда жаловался на неудовлетворенность работой в ЦИК'е, рвался на работу, связанную непосредственно с массами, и бранил свою болезнь, которая не давала ему возможности выполнить это желание.

По дороге в Коломну, куда он выехал по поручению партии делать доклад, А. В. простудился. Болезнь приковала его к постели и оборвала жизнь стойкого большевика-ленинца, чуткого товарища, популярного среди широких масс трудящихся.

Рабочие киевского Арсенала никогда не забудут своего любимейшего товарища Андрея, своего боевого соратника, организатора героической борьбы, своего выдвиженца, поднятого волной Пролетарской революции от токарного станка к руководящей работе в правительстве нашего Советского Союза, сгоревшего в своей неустанной напряженной сверхчеловеческой работе за дело Пролетарской революции.

ПЛАМЕННЫЙ БОЕЦ.

(По материалам Окристпарта).

Александр Горовиц или Саша, как его обычно звали в киевской парторганизации большевиков, был одним из любимейших агитаторов и талантливым организатором. Родился он в 1897 г.

Тяжелый и кровавый пятый год врезается в память впечатлительного мальчика. Любознательный Саша еще в юные годы, при исполнении поручений своего учителя, знакомится с обстановкой, в которой работали подпольные революционеры.



А. Горовиц.

В 1911 году он вместе с семьей выезжает из Киева в Варшаву, где оканчивает среднее учебное заведение и принимается за изучение Маркса и Энгельса.

Не закончив высшего образования, он оставляет коммерческий институт и еще до Февральской революции, в годы империалистической войны, целиком отдается подпольной работе, являясь одним из членов организации большевиков.

Серьезная подготовка в области теории марксизма и неиссякаемая энергия в повседневной работе быстро выдвинули его, и на апрельской общегородской партконференции он избирается в киевский партийный комитет большевиков, а позднее и в Совет Рабочих Депутатов. В киевском комитете он был одним из активнейших работников и бессменным его членом до конца 1917 года, Одновременно он был одним из организаторов печерской районной партийной организации, руководителем ее работы. Саша Горовиц пользовался огромным авторитетом, влиянием и любовью как в партийной организации, так и среди рабочих Киева.

В дни Октябрьской революции Саша Горовиц был деятельным участником борьбы со штабом Керенского. После изгнания контр-революционных войск временного правительства Саша, вместе с другими, продолжал неутомимо бороться за власть рабочих и крестьян на Украине.

В декабре 1917 г. Саше временно пришлось уехать в Харьков, где на 1-м Всеукраинском С'езде он был избран в состав первого Центрального Исполнительного Комитета Советов Украины.

Когда в Киеве назрело возмущение рабочих против власти Центральной Рады, киевские рабочие снова увидели на передовых баррикадах Арсенала Сашу Горовица. Во время боя с войсками Петлюры и контр-революционными офицерскими бандами Саша, на своем боевом посту члена революционного комитета, руководил восстанием, воодушевляя личным примером рабочих.

Когда петлюровские войска окружили кольцом Арсенал и в поредевших рядах восставших стала зарождаться мысль о сдаче, Саша решает пробраться через окружение враждебных войск навстречу подступающим к Киеву отрядам красной гвардии, чтобы ускорить подход подкрепления к Арсеналу.

Боковыми подземными ходами пробирается он к приближающимся красным частям, но на берегу Днепра, у водокачки, попадает в руки озверелых петлюровцев, которые после нечеловеческих пыток зверски его убивают. После вступления в Киев отрядов Муравьева был найден его изуродованный, обледеневший труп.

В лице Саши Горовица революция потеряла пылкого агитатора, теоретически подготовленного пропагандиста, стойкого революционера, хорошего товарища, отдавшего ей все свои юные творческие годы.



ОГЛАВЛЕНИЕ.




У.С.Р.Р.
ДЕРЖАВНЕ ВИДАВНИЦТВО



